

СЕКА ГАДИЕВ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

**Отсканировано 7 декабря 2012 года
специально для эл. библиотеки паблика
«Бæрзæфцæг» («Крестовый перевал»).**

**Скангонд æрцыд
2012 азы 7 декабры
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.**

<http://vk.com/barzafcag>

СЕКА ГАДИЕВ

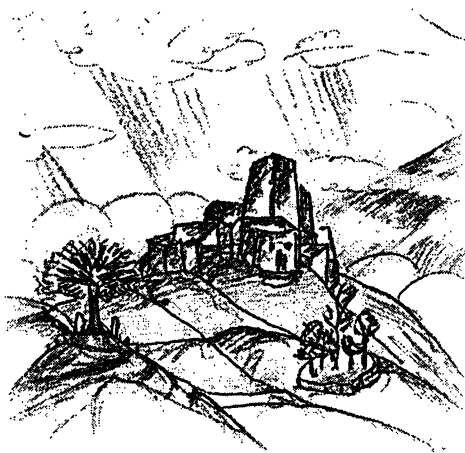
произведения

СЕКА ГАДНЕР

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Переводы
Таймураза Саламова

Владикавказ
2008

84(2Рос=Осе)

Г–13

Гадиев С.К.

Г–13 Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры – Владикавказ: Ир, 2008 – 215 с.

ISBN 5-7534-1146-0(978-5-7534-1146-4)

В книгу вошли избранные произведения Сека Гадиева.

С 4702500202-65 2-08
M131(03)-08

84(2Рос=Осе)

© ГУП РСО–Алания «Издательство «Ир», 2008

© Гадиев С.Г., 2008

© Саламов Т.А., составление, переводы, 2008

© Дзиев Б.Г., оформление, 2008

ISBN 5-7534-1146-0(978-5-7534-1146-4)

СЛОВО О СЕКА ГАДИЕВЕ

Утро осетинской художественной литературы озарено двумя яркими именами: великого поэта Коста Хетагурова и основоположника осетинской прозы Сека Гадиева. О Коста писалось уже много и хорошо. О Сека пока немного. А жаль.

В статье, посвященной десятилетию со дня смерти Сека, его сын Цомак, тоже известный писатель и общественный деятель, писал: «Когда выйдут в свет произведения Сека, его рассказы и стихи, то для читателей раскроется, какое сердце билось в нашем писателе, какими мечтами и думами была полна его душа, сколько красоты было в его личности» (газ. «Растдзинад», 1925, 23 июля).

Замечательный осетинский писатель-самородок Сека Гадиев родился в 1855 году в ауле Ганис, в верховьях Арагви. Его отец Куцури был горцем-бедняком, человеком одаренным и хорошим рассказчиком. Он любил людей, и они отвечали ему искренним уважением и любовью. Жители ущелья Куд свои общественные дела чаще всего поручали вести Куцури как человеку, которому полностью доверяли.

Куцури страстно желал дать образование своему единственному сыну, но это ему долгое время не удавалось. Лишь когда Сека исполнилось 15 лет, отец смог устроить его на учебу к грузинскому дьякону, работавшему в ауле Ганис. Мальчик научился читать и писать. Усвоил он и обязанности дьячка. Восемнадцатилетним он уже получил место дьячка в ганисской церкви, в которой работал в течение девяти лет, полных всевозможных лишений и невзгод.

Позже Сека в поисках лучшей доли переселяется в Северную Осетию.

Всеми возможностями Сека стремился повысить свою образованность. Он зачитывается книгами, большей частью на грузинском языке. Всячески старается Сека сотрудничать в выходящих тогда в Осетии журналах и газетах: «Осетинская газета» (1906), «Новая жизнь» (1907), «Мысль» (1907), «Христианская жизнь» и др.; печатает в них свои художественные и публицистические произведения.

Внимательное изучение рукописей Сека Гадиева не оставляет сомнения в том, что автор очень много времени уделял занятиям литературой. Он усердно собирал народные предания, другие фольклорные произведения, подвергал их тщательной и умелой литературной обработке.

Хотя и не удалось Сека получить систематического образования, природой он был одарен незаурядными способностями — ярким писательским талантом, исключительной трудоспособностью и трудолюбием. К этому следует добавить большой жизненный опыт, глубокое знание быта простого народа, и мы получим писательский портрет Сека Гадиева, выразившего свои думы и помыслы в своих замечательных произведениях.

Перед памятью Сека должен низко склонить голову каждый осетин. Это был не только вдохновенный автор глубоко народных стихов, рассказов и повестей, основоположник осетинской прозы, но прежде всего исключительная личность.

Писательство — это занятие. Но иногда писательство становится подвигом. Кто хочет знать, что это значит, тот должен познакомиться с жизнью Сека Гадиева.

Горную Осетию времен Сека писатель Георгий Цаголов справедливо назвал «краем беспросветной нужды». Одним из самых глухих и бедных уголков этого края была родина Сека, селение Ганис в верховьях Арагви. Внешне Ганис и сейчас мало изменился по сравнению с прошлым веком. Убогие сакли с плоскими земляными кровлями сгрудились на крутом склоне... Кровли нижнего яруса служат дворами для вышележащего... Сохранилась и сакля Сека, такая же, как остальные. В этой полутемной сакле, свет в которую проникал только через дымовое отверстие в потолке, простой горец-крестьянин, самоучкой овладевший кое-какой грамотой, обремененный большим семейством, урывками писал свои рассказы и стихи, писал, не имея почти никакой перспективы для их опубликования. Какой могучий, непреодолимый творческий импульс надо было носить в душе, чтобы парить в мире

поэтических образов там, где вся обстановка гнет человека к земле, оковывает все его силы одной заботой: борьбой за хлеб насущный.

Когда глубже узнаешь жизнь и духовный мир таких людей, как Сека, особенно остро чувствуешь весь комизм таких, ставших для нас привычными, понятий, как «Дом творчества», «творческий отпуск», «творческая командировка» и т. п. Для Сека окружающий его мир и был его Домом творчества. Вся его сознательная жизнь была творческой командировкой. А отпуск? Сека не знал, что значит это слово.

Сека иногда сравнивают с грузинским писателем Александром Казбеги. Действительно, в тематике их прозы и даже в стиле их произведений можно найти кое-что общее. Но не следует забывать, что за спиной у Казбеги была многовековая литературная традиция. Сека же начинал на пустом месте. Казбеги — представитель привилегированной фамилии — получил отличное образование. Сека же был бедным самоучкой. Важа Пшавела и Роберт Бернс тоже сочетали крестьянский труд с писательством. Но они опирались на богатую литературную традицию. К тому же они не знали такой гнетущей нужды.

При слове «подвиг» перед мысленным взором встает образ воина и слышится звон оружия! Но разве меньше героизма в повседневном писательском подвиге такого человека, как Сека?

Одной из самых замечательных черт произведений Сека, безусловно, является их глубокая народность.

В чем заключается народность писателя? В естественном, гармоническом сочетании народного содержания с народной формой. Имея в виду Коста Хетагурова, я писал в свое время: «Говорить с народом о том, что его всего больше волнует, и в такой форме, которая захватывает и покоряет его без остатка — этой тайной поэт владел в совершенстве». Этой тайной не в меньшей степени владел Сека. В годы моего учительства в Кобийской школе мне приходилось читать стихи Коста и рассказы Сека простым, неграмотным осетинам. И когда дело доходило до стихотворения Коста «Сидзæргæс» («Мать сирот») или до рассказа Сека «Азау», мало кто из слушателей и слушательниц мог удержаться слезы. Трагический пафос этих произведений действовал на них безошибочно и безотказно. Такая непогрешимая заражающая сила присуща только произведениям, подлинно народным и по содержанию и по форме.

Никто не станет оспаривать народность Некрасова или Льва Толстого. Но они пришли к народу из другой среды, из другого

класса. Они постепенно обретали народность. Народность Сека не есть результат интеллигентского народолюбия или сознательного желания быть ближе к народу. Народность Сека — естественное, органическое, стихийное выражение его личности, его душевного склада, его жизненной судьбы. Его творчество народно потому, что он родился, работал, жил в народе, вместе с народом, для народа. Поэтому творчество Сека фольклорно в самом полном и глубоком значении этого слова.

В осетинской литературе всего ближе к рассказам Сека стоят по тематике новеллы Чермена Бегизова «Маэгуытæ дзурынц» («Башни говорят»). Но что представляют собой эти новеллы? Это слегка обработанные рассказы, записанные Черменом от его деда, известного сказителя Левана Бегизова. Сека — это такой же народный рассказчик, как Леван, но овладевший грамотой настолько, что мог сам записывать и отделявать свои устные рассказы.

Форма, которую Сека придавал почерпнутым из народа сюжетам, была настолько доходчивой и совершенной, что, возвращаясь снова в народ, они иначе и не воспринимались, как свои, народные. Коста обработал народную песню о боге-покровителе охотников Афсати. Сека обработал народную песню о герое антифеодальной борьбы Чермене. И с того момента, как костаевская обработка «Афсати» попала в народ, она почти полностью вытеснила народные варианты. С того момента, как народу стала известна секаевская обработка «Чермена», она почти полностью вытеснила народные варианты этой песни. Нужна ли лучшая аттестация для народного писателя?

Основной нафос произведений Сека направлен на бескомпромиссное утверждение человеческой личности.

Говоря об осетинской героической песне, я отмечал, что ее идейная и эмоциональная доминанта — борьба за свободу личности, за ее национальное, общественное и индивидуальное достоинство, против ее угнетения и унижения, против ущемления ее прав, против насилия над нею. И здесь произведения Сека по своему духу обнаруживают разительное родство с народной героической песней. Любимые герои Сека — это мужественные люди, которым приходится вести жестокую борьбу за свои человеческие права и человеческое достоинство, но которые никогда не сгибаются и не отступают в этой борьбе. Их судьба бывает нередко трагической. Но даже когда они погибают, у нас не остается чувства пессимизма и подавленности, ибо сама смерть их служит идее утверждения личности.

Чудесный рассказ «Азау» — осетинский вариант вечной темы Ромео и Джульетты, — несмотря на трагическую судьбу героев, воспринимается как триумф любви.

Не случайно, что когда Сека задумал обработать народную героическую песню, его выбор пал на ту именно песню, где наиболее ярко выражена идея борьбы мужественного, не терпящего жестокую несправедливость героя за свои человеческие права: на песню о Чермене. Не случайно, что один из своих рассказов он посвятил своему земляку Цыппу, одному из прославленных народной песней кудских абреков. Парадоксально, но факт: в этом добрейшем человеке, избравшем профессию дьячка, жила душа протестанта-абрека. С непостижимой силой Сека раскрывает духовное богатство горской бедноты.

За внешним блеском и богатством может скрываться внутреннее убожество, и, наоборот, за внешней бедностью может скрываться большое внутреннее богатство. Трудно представить условия человеческого существования более тяжелые и неприглядные, чем те, в которых живут и действуют герои Сека. Казалось бы, какие душевные богатства могут родиться и расцвести в этой нищете, в условиях повседневной гнетущей борьбы за существование?

Сека показал, что это впечатление обманчиво, что в этой суровой бедности выковывались могучие характеры, кипели сильные страсти, беззаветная любовь и жгучая ненависть, что в этих убогих, дымных саклях жили люди, способные на такой героизм и такую человечность, до которых далеко обитателям пышных дворцов и роскошных особняков.

С особой благодарностью и почитанием должны вспомнить имя Сека осетинские женщины. Тяжело было положение осетинки-горянки в прошлом. Непосильный труд и бесправие были ее уделом. Но у Сека женщины — не забитые и безгласные существа. Нелегкая судьба не подавила, а закалила их душевные силы. Созданная им галерея женских образов — Азау, Айсса, Залда, Гурдзыхан, Тамар, Марине, Дыса, Манидза — лучший памятник женщине-горянке. Одновременно целомудренные и страстные, застенчивые и смелые, сохраняющие в любых испытаниях человеческое достоинство, душевную красоту и гуманность — они внушают глубокую симпатию. И если в числе мужских образов Сека есть типы, внушающие отвращение и ненависть, то в числе его женских образов мы таких не находим.

Мы в неоплатном долгу перед памятью С. Гадиева.

Имя Сека, в свое время несколько затерявшееся в лучах славы

его великого современника Коста Хетагурова, теперь вновь засияло. Когда отмечалось пятидесятилетие со дня кончины Сека Гадиева (1965 г.), заметно оживился интерес к его творчеству. В связи с этим еще двадцать лет тому назад мы высказали пожелание, чтобы этот интерес не был преходящим, юбилейным. Сека много сделал для осетинского народа и заслуживает того, чтобы его имя чтилось в ряду самых выдающихся деятелей осетинской литературы и культуры. Необходимо тщательно собрать и изучить его литературное наследие и издать академическое собрание его сочинений. Сакля в ауле Ганис, где он родился и жил, должна быть превращена в дом-музей. Его могила на так называемом «Мещанском кладбище» в г. Орджоникидзе находится в полузаброшенном состоянии. Надо привести ее в порядок и поставить ка ней бюст писателя. Еще лучше — перенести его останки в ограду литературного музея, туда, где покоится прах Коста. Надо назвать его именем улицы, школы и культурные учреждения в городах Осетии.

Имя Сека будет жить, пока живет осетинский народ и его литература. Сека вместе с Коста олицетворяют весну осетинской литературы. Отсюда неувядаемое очарование их произведений.

В.И. Абает

Арагвинский князь

Давно это было, еще до того, как Грузия присоединилась к России¹. Недалеко от Косета², над рекой Арагви стоял на выступе скалы замок с высокой башней. Стены его сохранились и поныне. Жил в этом замке арагвинский князь Нугзар Эристави.

В те времена арагвинские грузины были данниками князя, но осетины, жившие в ущельях Куд и Тырсыгом, и хевские³ грузины были свободны и власти князей не признавали. И князь задумал приблизить к себе жителей Кудского ущелья. Он завел с ними дружбу, а самых почитаемых из них произвел в моурави⁴. Вскоре они уже помогали ему собирать подати, а он принимал их, как близких.

Прошло еще немного времени — и жители Куды стали доверять князю. Через них он сблизился и с жителями Тырсыгома, и там тоже нашел себе помощников. Кончилось тем,

¹ Действие рассказов С. Гадиева происходит в приграничной к Грузии области Осетии.

² К о с е т — Квешети, селение, расположенное в Душетском районе Грузии. (Большинство грузинских названий в книге даны в осетинской транскрипции, как у автора).

³ Х е в и (груз., букв. «ущелье») — горный район Грузии, ныне Казбежский.

⁴ М о у р а в и (груз.) — княжеский приближенный; управляющий именем.

что те и другие начали ходить с ним в набеги, помогая усмирять непокорных и облагать их данью.

Однажды весной, теплым воскресным днем, когда люди сидели на ныхасе¹, обсуждая свои дела, появился князь со свитой и приветствовал собравшихся. Ему встали навстречу, помогли сойти с коня. Князь сел, как положено по обычаю, и обратился к людям:

— Хевцы возгордились. Они не пропускают по своей земле ни конного, ни пешего, и даже птице не позволяют пролететь над собой. Они не признают ничьей власти и ни во что не ставят князей. Пойдем на них войной, сделаем их своими данниками!

Говорят, сноп горел, а его обвязка над ним смеялась. Осетину только намекни, что надо воевать. Сколько их костей белеет в чужих землях, сколько жизней оборвала горячая пуля! Во все времена осетины не ленились заниматься войной, вот и теперь князю не пришлось долго их уговаривать. Условились выступить в следующее воскресенье.

Прошла неделя, и князь повел свое войско на Хеви. По дороге к нему присоединились отряды из Куда и Тырсыгома. Хевцы уже знали о надвигающейся опасности и готовились к битве.

На другой день оба войска стали лицом к лицу на поле под Самтеро. С обеих сторон поскакали всадники, начались переговоры. Князь требовал от хевцев покорности, но они хорошо знали, что тогда им будет суждено век гнутья под княжеским ярмом. Смерть казалась им лучше такой жизни, и они решили стоять до конца.

Солнце уже садилось, и его последние лучи окрасили горы, когда стало ясно, что переговоры ни к чему не привели. Войска двинулись друг на друга.

В наступающих сумерках с обеих сторон засверкали языки пламени, неся противникам смерть. Эхо выстрелов гремело по ущельям над Терекон, земля и небо дрожали от топота копыт и криков раненых. Хевцы вышли на битву все до единого: мужчины сражались, женщины носили им еду, воду и порох.

Теперь никто не помнит, как проходило сражение и сколько дней оно длилось, известно только, что хевцы были разбиты. Их послы сдали князю ключи от крепостей и склонили перед ним головы.

До самой осени пробыл князь с войсками в Хеви. Он уста-

¹ Н ы х а с — место собраний в осетинских селениях.

новил там свои законы и навербовал сборщиков налогов из самых сильных хевских родов, а тех, кто еще сопротивлялся, приказал казнить или бросить в подземелье Косетского замка. Он отобрал у народа все оружие, какое только смог найти, и поздней осенью отправился, наконец, домой.

Где силой, где хитростью князь и людей Куда постепенно сделал своими данниками. Настали черные времена. Башня, говорят, рушится от тяжести собственных камней. Самые сильные фамилии Куда получили от князя привилегии и стали на его сторону. Благодаря им князь сумел подчинить себе и всех остальных. Свобода, любовь, справедливость — все это оказалось в железной клетке. Даже камни в те времена боялись князей, кто же из людей мог поднять голову? Так тянулись годы, и небо было скрыто от людей черными тучами.

Арагвинский князь зверствовал все больше, не зная жалости. Без его разрешения юноши не могли жениться, девушки — выходить замуж. Если где-нибудь была свадьба, князь требовал, чтобы невесту в первую ночь привели к нему...

Он потерял человеческое лицо, опьяненный кровью, и сделался опасней лютого зверя. Но в том была не только его вина: вокруг было немало негодяев, которые помогали ему, сбивая народ с толку и натравливая людей друг на друга. Обычаи отцов были растоптаны, человек перестал понимать человека.

Одни плясали на головах бедняков и кормились их трудом, другие гнули спину от зари до зари — и жили впроголодь.

В те самые времена в небольшом горном селении Ганис¹ на берегу Арагви жили бездетные супруги — Берд и Кызмыда. Люди любили их за доброту и гостеприимство, жалели их и молили Бога дать бедным супругам потомство. Видно, небо услышало эти молитвы, и Кызмыда забеременела. Весть об этом передавалась из уст в уста, но не все в это верили — ведь Кызмыда никогда не имела детей, и годы ее как будто прошли. Наступил срок, и в пятницу перед Пасхой Кызмыда родила мальчика. Соседи от души поздравляли Берда, радовались, что небо сжалилось над теми, кого они так любили, — и благодарили Бога за это.

Но разве мог быть счастлив бедный крестьянин в те времена? И сам он, и его дети, и скот — все было собственностью князя, и тот делал с ними, что хотел.

Той же весной, когда у супругов родился мальчик, борзая

¹ Г а н и с — осетинское селение в верховьях р. Арагви, родина С.Гадиева.

сука князя принесла щенков. Сука тут же издохла, из щенков выжил только один, его выкармливали коровьим молоком.

Однажды князь охотился возле Ганиса. Кызмыда сидела у ворот с ребенком на руках. Князь проезжал мимо, его взгляд остановился на ней — рослая, белокожая, полная женщина в летах и мальчик, похожий на нее, пухлый, словно сдобная булка. Он смотрел на мать и улыбался, как солнышко.

Окруженный свитой князь остановился у ворот дома, вызвал Берда и сказал ему:

— Слушай! Я пришлю к вам борзого щенка. Пусть твоя жена кормит его грудью и не вздумает оставлять голодным. Я вижу, у нее достаточно молока, она хорошо выкормит его. Но попробуйте только не сделать этого, я вас уничтожу!

Он повернул коня и уехал.

На другой день один из моурави привез щенка и еще раз предупредил, чтобы щенок, упаси Бог, не оставался голодным. Шло время. То ли человеческое молоко было щенку не впрок, то ли в нем самом был какой изъян — одному Богу известно, — но щенок сильно отошал.

Как-то князь снова приехал охотиться в Ганис. У ворот Берда он спешил и вошел во двор. Кызмыда сидела на пороге, ребенок был у нее на руках, а щенок лежал возле ног. Князь посмотрел на щенка, увидел, что он худой, и закричал, сверкая глазами:

— Разве я не говорил вам, ослы, чтобы вы как следует выкормили его?!

Он вырвал ребенка из рук матери, схватил его за ноги и, размахнувшись, ударил об ее голову. У мальчика переломился позвоночник, он несколько раз дернулся и умер.

А князь все кричал:

— Я выколю тебе глаза, если не выкормишь щенка!

...Собрались бедняки, похоронили мальчика. Долго сокрушались и роптали, но что они могли изменить? Дальше разговоров дело не пошло.

Пришлось женщине кормить щенка. Народ тогда был скован железными цепями и не мог распоряжаться даже собственной жизнью. К тому же многие и не подозревали, что человек рожден для свободы, и считали, что им свыше суждено владеть рабское ярмо от рождения до самой смерти.

Чего только не сделает сильный, чего только не простит слабый! Несчастная Кызмыда кормила щенка — ведь князя страшились тогда, как небесного грома.

Щенок подрастал и становился все шкодливей. Однажды он прокусил женщине грудь. Место укуса покраснело и вспухло, грудь отекала, нагноилась. Начался жар, Кызмыда слегла. Никто не смог помочь ей, и через короткое время она умерла. Снова собрались люди, оплакали ее, похоронили и разошлись.

Эта смерть никого не оставила равнодушным. Берд, человек спокойный и справедливый, жил у самого выхода из ущелья и любому путнику был добрым хозяином, а Кызмыда — веселой и хлебосольной хозяйкой. Всякого, кто попадал к ним в дом, она встречала, как родная мать, и люди были благодарны ей.

Целый год устраивал Берд поминки по жене и сыну¹ — и потратил на это все свои убогие сбережения. Он остался одиноким на старости лет, жизнь опостылела ему. Правда, люди помогали ему, как могли, но все же часто в его доме не было хлеба. В конце концов, от горя и лишений он потерял разум, целыми днями бесцельно бродил по округе, безучастный ко всему, а то вдруг с криками бросался бежать, не разбирая пути.

— Князь идет, князь! Ребенок! Спасайте ребенка! — кричал он.

Так он бежал, пока не покидали его силы, а потом ничком падал на землю и бессвязно жаловался, если кто-нибудь пытался успокоить его.

Однажды в январе Берд исчез. Через некоторое время его нашли замерзшим на перевале Дзимыр. Когда в ущелье узнали об этом, вновь собрался народ. Тело Берда привезли домой. Соседи похоронили его рядом с женой и сыном, сказали: «Светлая вам память» и сделали за общий счет поминки. Пустел дом Берда, и только крик совы доносился оттуда по ночам.

Всякому терпению приходит конец. Народ изнемог от притеснений, а после гибели Берда и его семьи людей охватил гнев. Кто ушел в абреки, кто укрылся в горах. Податей больше не платили, многие моурави были убиты. Но змеиный язык и хитрость князя делали свое дело: он побеждал одних с помощью других, а люди не могли понять друг друга и снова попадали в рабство.

Время шло, и горцы жили во мраке, не видя просвета, а если где-нибудь появлялся человек, призывающий к свободе, княжеские слуги убивали его, и все оставалось по-прежнему.

¹ Согласно осетинским обычаям, по умершим в течение года обязательно устраивались неоднократные, многолюдные поминки, весьма разорительные для семьи покойного.

Как-то весной, в праздник, на площади возле крепости собрался народ. Зашла речь о князе, и тогда взял слово седобородый Мистала Рубайты:

— Солнце погасло, и луна нам больше не светит. Земля дрожит от гнева, звезды падают с неба, не в силах больше смотреть на наши страдания. Подлый князь позорит наших дочерей, а жен заставляет кормить грудью собак. Он обманом привлек к себе молодежь. Мы не верим никому и идем к гибели. Так протянем же друг другу руки, объединим наши сердца и дадим перед святынями клятву единства!

— Поклянемся! — в один голос вскричала толпа.

Снова наступила тишина.

— Скрепим нашу клятву, друзья мои! — сказал Мистала. Он выстрогал из березовой ветки трехгранную палочку; каждый сделал на ней надрез в знак того, что он будет верен общему делу¹. Палочку положили в часовню и стали решать, что делать дальше. Встал Тохти Дзанайты:

— Будущее в ваших руках, храбрые юноши! Мы состарились, и наше время состарилось вместе с нами. Мы много прожили, много видели, но не можем вспомнить ничего хорошего. Скажите нам, что вы собираетесь делать, мы внимательно слушаем вас.

Долго совещались люди, каждый высказал свое мнение. В конце концов решили отправить к князю посла.

Выбрали Реваза Рубайты, человека умного и смелого в речах, и сказали ему:

— Иди, Реваз, и скажи князю так: «Мы все, как один, были свободными людьми — ты же сделал нас рабами. Ты сравнил нас с нашими соседями хевцами и заставил нас истреблять друг друга, так что теперь нам придется до века платить кровавые долги. Ты принуждаешь наших женщин вскармливать грудью собак, не оставляешь нам ни доброго коня, ни красивой девушки. Дай нам жить спокойно, тебе же будет лучше. Предки наши не были твоими рабами — и мы не будем!»

— Скажи все это князю в лицо! — напутствовал Тохти посланника. Тот сел на коня и ускакал. В полдень Реваз спешил во дворе князя и послал стражника доложить о себе. Князь приказал впустить Реваза, важно спросил:

— Говори, с чем пришел?

¹ Старинный ритуал принесения клятвы; береза у осетин считается священным деревом.

Реваз передал все, что было ему поручено.

Князь, запыхав злобой, вскочил, схватил стул, на котором сидел, и ударил Реваза по голове. Реваз выхватил саблю, но стражники налетели на него, выволокли во двор и там убили.

Люди до самого вечера ждали своего посла. Не дождавшись, они разошлись, поручив Тохти и Мистала утром узнать, что стало с Ревазом.

А князь в ту же ночь разослал гонцов, и уже утром появился в Кудском ущелье, ведя за собой войско. Он скакал впереди своих воинов на белом коне. Из башни, что стояла над дорогой, по нему открыли стрельбу. Тохти выстрелил и убил под князем коня. Тогда князь снова послал гонцов, вызвал подкрепление и ворвался в ущелье. Кудцы с боем отступили в горы, но женщины и дети остались в селах — нападение застало их врасплох, никто не успел подготовиться к войне.

На четвертый день князь, согнав всех детей, каких смог захватить, приказал своим всадникам затоптать их конями.

Одному Богу известно, сколько было там детей. От воплей их матерей и камень бы обратился в воду, но князь только ухмылялся в усы: жалость ни на минуту не шевельнулась в его сердце. Он собрал все добро, весь скот, какой был в ущелье, и ушел, оставив за собой черные пепелища.

После его ухода люди собрались на площади, где были растоптаны дети. Каждый искал своего ребенка, но большинство из них были изуродованы до неузнаваемости. Плач и стон стояли над ущельем...

Эта площадь и сейчас еще называется «Мепис кало», что значит «Царский ток».

Черная скорбь переполнила сердца, погибшие дети зывали к мщению, но силы народа были сломлены. Делать нечего, надо было как-то жить — и люди начали восстанавливать сожженные дома. А князь обложил их еще большей данью.

...Опять настала весна, снова в праздничный день собрался народ.

— Лучше всем нам погибнуть, — сказал Мистала, — чем простить этому зверю его черные дела!

— Ты прав, — сказал старый Тохти, — лучше умереть, чем оставить потомков рабами. Хищник повадился к нам, надо с ним что-то делать!

Задумались люди и, поразмыслив, решили:

— Надо убить его, другого средства нет. Смерть ему!

Снова заговорил Тохти:

— Легко решить, добрые люди, труднее выполнить. Не так-то просто добраться до князя. Нужно хорошо все обдумать и подготовиться, чтобы не пришлось потом жалеть. Пусть будут едины наши мысли и действия, тогда даже скалы не устоят перед нами.

— Мы согласны! — вскричали все как один и вторично принесли клятву верности, и каждый в знак этого оставил в чашовне пулю.

Был ясный весенний день. Ярко светило солнце, склоны сверкали зеленью, во весь голос пели птицы. Арагви, в радужных брызгах и пене, извивалась серебряной лентой. Природа пришла в движение, ожидая лучших дней, и у людей на душе посветлело.

Теперь дни князя были сочтены.

И вот настала Пасха. В этот день все, у кого был скот, должны были дать князю по одному барану, у кого не было скота — индюка или курицу. Отовсюду к княжескому замку тянулись вереницы людей, несущих дары, поэтому ни у князя, ни у его стражи собравшийся народ не вызвал подозрений.

Люди рядами стояли в большом дворе княжеского замка. Князь важно вышел к ним, и его тотчас обступили со всех сторон. Сердце князя дрогнуло, почуяв беду. Он заговорил, стал поздравлять народ с праздником, но слова застревали у него в горле. Он смотрел на молчаливую вооруженную толпу и все больше бледнел. Пальцы его дрожали, ему хотелось стать птицей и улететь отсюда подальше. Он был бы рад поменяться местами с самым убогим из своих рабов, но деваться было некуда, и он стоял, ожидая своей участи. Иногда князь поглядывал в сторону башни, где скрылись его приближенные, но те не смели даже выглянуть наружу.

Из толпы вышел Тохти.

— Сядь, арагвинский князь. Сегодня последний день твоей власти, но все же мы выслушаем тебя.

Князю вынесли стул. Он сел, и вид его был настолько жалок, такими несчастными глазами смотрел он на людей, что многие готовы были смягчиться. Но они помнили о данной клятве, помнили прежние дела князя, и никто не сказал ни слова в его защиту.

Старики сели напротив. Народ притих. Встал Тохти Дзанайты:

— Эристави! Сегодня мы судим тебя, и ты должен ответить на наши вопросы. Скажи, зачем ты заставил нас и наших

соседей хевцев истреблять друг друга? Зачем, обманом отняв у нас свободу, превратил нас в рабов?

Князь молча, со страхом глядел на людей.

— ...Скажи, что сделали тебе малые дети, которых ты растоптал? Чем мешали тебе бедные наши жилища, которые ты сжег? Что плохого сделал тебе Берд, которого ты погубил вместе с семьей? Зачем ты вскармливал собак священным человеческим молоком?

Князь не смог выдать из себя ни слова, только глянул опухшими красными глазами на вершину башни, откуда на него смотрела перепуганная жена.

Тохти повернулся к народу:

— Судите его по обычаям предков! — сказал он.

И суд постановил: князь виновен и не имеет оправданий. Предлагали разное: забить его камнями, повесить, сбросить со скалы, но в конце концов решили:

— Окажем ему последнюю честь: пусть умрет от оружия.

Сверкнули, засвистели клинки, бросили блики на стены замка — и черная княжеская кровь хлынула на молодую траву. Люди вытерли свои сабли и ушли, а с башни неслись вопли княгини.

Кто-то из стражников поскакал к ксанскому¹ князю Дзимсеру — княгиня была его дочерью. Дзимсер приехал, похоронил Эристави, а дочь вместе со слугами забрал к себе в Ксан. С тех пор дом арагвинского князя опустел, в нем никто больше не живет, только птицы выют там свои гнезда...

Ксанский князь Дзимсер постепенно стал прибирать к рукам людей своего зятя, жителей Хада², найдя себе среди них добровольных помощников. Но он боялся трогать Кудское ущелье, потому что кудцы объединились и больше не пускали к себе ни князя, ни его слуг. Они снова стали свободными.

Теперь жители Хада платили подати Дзимсеру, а он притеснял крестьян еще хуже, чем арагвинский князь. Он сумел обложить данью и осетин, живших близко к грузинским селам. Дзимсер сначала не решался появляться в Хадском ущелье — он посылал туда своих моурави, но потом и сам стал наезжать за данью, отбирая у людей все, что ему нравилось, будь то конь, бык или красивая девушка. Без его разрешения никто не мог жениться или выйти замуж. Останавливаясь в

¹ По названию реки Ксани (по-осетински — Чсан).

² Х а д — ущелье в Грузии, к югу от Крестового перевала.

чем-либо доме, он требовал себе на ночь девушку. Он творил еще большее зло, чем его предшественник, и жители Хада снова оказались в ярме.

Как-то осенью Дзимсер стал собираться в Хад за данью. Жена решила отговорить его.

— Не ездь, — сказала она, — я видела дурной сон, будто кто-то разрушил наш замок.

Дзимсер расхохотался в ответ:

— Бог с тобой, княгиня, о чем ты говоришь! Ведь скалы дрожат, и камни трескаются от страха, когда я появляюсь в Хаде! Не беспокойся, я пригоню стада быков и отары овец, а тебе привезу шелка и драгоценности.

И в тот же день отправился в путь с двенадцатью всадниками.

На берегу Арагви, в селении Млета¹ жили семь братьев. Старшего звали Хуца. У братьев была единственная сестра Тамар; все вокруг только и говорили о ее красоте. Дзимсер прослышал о ней и с тех пор не находил себе места. Мысль о красавице не давала ему покоя, поэтому, выехав со двора, он направился напрямик в Млета.

Семеро братьев понимали, что Дзимсер не успокоится, пока не обесчестит их сестру, поэтому подготовились заранее. Они сплели два больших плетня и поставили их вдоль стен внутри дома.

Когда появился Дзимсер со свитой, Хуца, как радушный хозяин, вышел им навстречу, помог сойти с коней и пригласил в дом. Дзимсер, увидев девушку, не сводил с нее алчных глаз и был похож на дракона, готовящегося проглотить свою жертву.

А сердце Тамар от гнева и отвращения сжимали железные обручи.

Подоспел ужин. Накрыли на стол, и князь со своими людьми приступил к трапезе. После того, как они наелись и напились, князю постелили у одной стены, а его телохранителям — у другой. Они улеглись, и тогда князь сказал:

— Вы ведь знаете, что мне теперь нужно? Приведите сюда вашу сестру!

— Да, да, мы знаем это, и девушка уже предупреждена, — с готовностью ответил Хуца, — но здесь светло, она стесняется.

Дзимсер, потянувшись, приказал:

¹ М л е т а — грузинское селение, расположенное под Крестовым перевалом с юга.

— Погасите свет.

Светильники погасли, в доме стало темно. Тут братья опрокинули плетни и бросились на них сверху, а князь и его люди ворочались снизу и кричали. Вошла Тамар с факелом в руке, братья выхватили кинжалы и, нанося удары сквозь прутья, перебили незваных гостей всех до одного.

На другой день собрался народ, живущий вдоль Арагви — и осетины, и грузины. Убитых похоронили недалеко от Млета, а Хуца, избавившего народ от жестокого князя, с почетом избрали смотрителем Ломисской¹ святыни. И по сей день все смотрители Ломиса происходят из рода Хуца — Бурдули.

С той поры жители Хадского ущелья тоже стали свободными людьми, а на берегах Арагви никогда больше не знали князей.

Мать и сын

Еще до того, как Грузия присоединилась к России, в ущелье Дзимыр жил человек по имени Леко. Его жену звали Дзебисон. Долгое время они были бездетны, но потом у них родились два мальчика и три девочки.

Неподалеку от Леко жили его родственники — пять братьев, бездельники и гуляки. Они не любили работать, зато любили жить в достатке. И вот как-то раз задумали они убить Леко и завладеть всем его добром.

Вечером в праздник Святого Георгия они пригласили Леко к себе, сели с ним за стол, а рядом посадили человека, который должен был его убить. Стали они пировать, и через некоторое время старший из братьев спросил Леко:

— Скажи-ка, Леко, с какой стороны восходит солнце?

Удивился Леко и указал рукой на восток.

— А в какой стороне оно заходит?

И только повернулся Леко в ту сторону, где заходит солнце, как убийца ударил его кинжалом. Леко упал головой на стол и умер.

А братья закопали тело Леко и на другой день забрали к себе его жену, детей и все его имущество, и один из убийц

¹ Л о м и с — святилище, часовня на границе Душетского района, где раз в году проводились религиозные празднества.

сделал Дзевисон своей женой. От плача сирот Леко рассыпались бы и камни, но братьев-убийц не тревожила совесть, они были очень довольны тем, что им удалось заполучить чужое богатство.

Но прошло несколько дней, и слухи об убийстве Леко дошли до князя Эристави. Он послал в Дзимиры стражников, и те отняли у братьев все, что нашли у них в доме, а также весь скот. Детей Леко тоже забрали и отвезли к Эристави, а он отдал одну из дочерей Леко, Марине, кахетинскому князю, сменяя ее на борзую собаку. Остальных сирот выкупил у Эристави их дядя, Бата Дзевисаты, и увез их к себе.

Прошло время, и кахетинский князь выдал Марине замуж за одного из дворовых крестьян, Левана. С тех пор Марине вместе с мужем жила при князе и работала на него.

Через три года у нее родился мальчик, его называли Бицико. Когда Бицико исполнилось восемь лет, он, как-то раз, играя с княжеским сыном, ударил его. Тот, плача, побежал к отцу жаловаться. Князь, рассвирепев, приказал своим слугам:

— Приведите сюда этого ублюдка, я ему покажу, как надо бить!

Бицико привели на княжеский двор и привязали к столбу. Князь, усевшись напротив, велел сечь его розгами. Мальчика били весь день. Солнце уже клонилось к закату, когда он уронил голову на грудь и умер. Леван через одного из моурави выпросил у князя труп сына. Мальчика оплакали и похоронили.

Шло время; Марине и Леван жили в беспросветной нужде, не надеясь дожидаться лучшей доли.

Через три года у них родился второй сын. Друзья Левана, такие же бедняки, собрались у него в доме, поздравили родителей и назвали мальчика Туганом.

Но Леван не радовался даже рождению сына. Темно было у него на душе, невеселые мысли одолевали его. Он думал: «Зачем мы рождаемся, зачем живем, лишенные родины и свободы? Пропасть бы нам совсем — и то было бы лучше!»

От этих горьких дум он иссох, почернел и через три года умер.

Остался Туган с малых лет сиротой. Марине пять дней в неделю работала на князя. Выбиваясь из сил, она растила сына, как могла.

Тугану исполнилось уже двенадцать лет, но мать, боясь несчастья, не выпускала его со двора. Однако нет такой тайны, которая со временем не раскроется. Как-то князь, глядя с балкона, увидел играющего у дверей Тугана. Мальчик понравился ему, и он приказал одному из моурави:

— Приведи сюда сына Левана вместе с матерью.

Перед князем предстала маленькая иссохшая женщина. Туган, чуть выступив вперед, стоял рядом с матерью, словно молодой львенок.

Князь, сидя в кресле, смотрел на них некоторое время, потом сказал, обращаясь к Марине:

— Я дам тебе работу полегче. Ты будешь ухаживать за курами, а сын твой пусть занимается моими охотничьими собаками.

Слово князя — закон. Марине стала работать в курятнике, Туган — на псарне.

Прошли годы. Тугану исполнилось двадцать лет. Он сильно вырос, над верхней губой уже темнели усы, лицо — кровь с молоком, высокий, широкоплечий. Он без промаха стрелял, и не было охотника лучше него.

Князь его любил и заботился о нем, как о собственном сыне. Туган ни в чем не знал нужды — ни в одежде, ни в пище, но все же ему не нравилась его жизнь. «Чем быть рабом в золотом платье, не лучше ли ходить в лохмотьях, но свободным человеком?» — такие мысли все чаще не давали ему покоя. Он стал мечтать о свободе.

Как-то раз Туган с князем вернулись с охоты. Князь с соколом на плече, насвистывая, поднялся в свой дом. Туган отвел собак на псарню и тоже отправился домой. Марине плакала, сидя у очага. Туган посмотрел на нее, но ничего не спросил: в их жизни было мало веселого, и мать плакала часто. А Марине сказала, утирая передником слезы:

— Пропать бы нашему создателю, зачем он даровал нам жизнь?

Туган присел рядом.

— Что случилось, нана¹, почему ты плачешь?

— Нет никакой разницы между нами и скотом! Моего названного брата Осепа князь продал вместе с семьей какому-то кабардинцу. Сейчас их уведут.

Туган молча вышел за дверь, сел на камень. Тяжелый гнев переполнял его. Из дома слышались причитания Марине — она оплакивала своих покойников. Туган несколько раз услышал имя Бицико. Он поднялся и вошел в дом.

— Нана, кто такой Бицико, почему ты оплакиваешь его?

— Тебе не нужно этого знать, мой мальчик, — с тяжелым вздохом ответила Марине.

¹ Н а н а — мама (осет.)

Она никогда не рассказывала Тугану о брате, боясь, что сын не сдержится, и случится новая беда. Но Туган продолжал расспрашивать, и она в конце концов не выдержала.

— Видно, всю жизнь будет лить на меня кровавый дождь! Бицико был твоим братом, Туган. Этот волк, наш хозяин, забил его до смерти.

Туган стоял, как громом пораженный. Кровь стучала у него в висках, застилала глаза красной пеленой.

Некоторое время он молчал, потом спросил:

— Знаешь ли ты дорогу туда, откуда тебя привезли?

— Дорогу-то я найду, да кто нас отпустит?

— Разве мы будем спрашивать?

И они задумали бежать.

Наступила ночь. В небе светила луна, весело сияли крупные звезды, и на земле все было видно, как днем. Большие ореховые деревья отбрасывали густую тень. Река Алазани, серебрясь, извивалась в ущелье.

После ужина беглецы, взяв с собой пару лепешек, отправились в дорогу. Они шли, не останавливаясь, всю ночь, а на рассвете спрятались в лесу возле Зиновского моста, рассчитывая продолжить путь с наступлением темноты.

Наутро князь узнал, что Марине с сыном исчезли. Он разослал во все стороны всадников, чтобы поймать беглецов. На Зиновском мосту поставили караул. Марине и Туган три дня прождали в лесу, но караул с моста не уходил, а перейти реку вброд было невозможно. Тогда они двинулись кружной дорогой через Хевсурский перевал, Пасанаури¹ и Хадское ущелье, а оттуда через Ломисский перевал спустились в Дзимиры, на родину Марине.

Марине уже не помнила ни слова по-осетински, никто не мог узнать ее. Они разыскали Бата, дядю Марине; назвавшись чужими именами, нанялись к нему в работники и стали жить у него.

Кахетинский князь от злости потерял сон. Он рассылал повсюду письма, чтобы Марине с сыном, если они где-нибудь появятся, задержали и отправили в Кахетию. Одно из таких писем получил и дзимирыский князь Эристави.

В горах слухи летят, как всадник на быстром коне. Уже через несколько дней кто-то рассказал князю, что в ущелье Дзимиры появилась неизвестная женщина с сыном. Эристави

¹ П а с а н а у р и — селение, расположенное по Военно-Грузинской дороге к югу от Крестового перевала.

подумал, что это, возможно, те, кого разыскивает кахетинский князь, и на другой день послал в Дзимиры стражников.

Есть у человека враги, но есть и друзья. Женщина по имени Сабадо поспешила к Марине с вестью о том, что идут стражники. Марине и Туган бежали и укрылись в безлюдных Кельских горах. А стражники вернулись к Эристави ни с чем.

К западу от Арагви в небо упираются высокие голые вершины. Между ними дикие ущелья, теснины, узкие каменные лабиринты — и так до самого Урстуалта¹. Это пустыня в сердце Кавказа, зимой здесь не встретишь ни души, здесь выпадает во много раз больше снега, чем в других местах, и даже звери предпочитают уходить отсюда с наступлением зимы. Это и есть Кельские горы.

Несколько стражников остались в Дзимиры, надеясь, что Марине с сыном вернуться, когда настанут холода. Но пришла зима, а беглецы так и не появились.

Бушевала, свистела метель, белая мгла неслась по ущельям, над перевалами клубились снежные облака. Пастухи давно угнали стада в долины, горы обезлюдели. Снег, закрыв все дороги, лежал слоем в три человеческих роста. Звери тоже ушли вниз. Ни звука, ни движения, только из пещеры, где укрылись мать с сыном, вилась струйка дыма.

Воды вокруг было вдоволь; за осень Туган заготовил достаточно дров и навялил мяса диких зверей. Но мясо не в чем было варить, приходилось жарить его на углях. Однажды Туган нашел большой мягкий камень и выдолбил его наподобие котла осколком гранита. Теперь они могли варить мясо. Ветки и сухая трава служили им постелью.

Осенью беглецы не особенно тосковали: кругом пели птицы, бродили звери. Теперь же вокруг были лишь безмолвные снега да бескрайнее небо. Мир словно вымер, только ветер, наметавший сугробы у входа в пещеру, нарушал тишину своим свистом. Марине и Туган потеряли счет времени, им не оставалось ничего другого, как ждать прихода весны.

И вот день стал заметно удлиняться. Пригрело солнце, снег начал оседать, стал тяжелым и рыхлым. Марине и Туган были уже мало похожи на людей: лица их почернели, обожженные вьюгами и солнцем, глаза слезились от постоянного дыма. Они обессилели и двигались с трудом, есть им было нечего: мясо кончилось. Приближалась гибель.

¹ У р с т у а л т а — горная область в Южной Осетии.

Но однажды на склоне Красной горы появилось стадо туров. Туган закинул за спину ружье и пошел вверх по склону. Одному Богу известно, как он сумел добраться до туров, но раздался выстрел, и самый крупный зверь упал. Туган приволок тушу в пещеру и сказал матери:

— Теперь мы не умрем, нана. На месяц нам этого хватит, а там и весна настанет.

Они поели турьего мяса и снова пришли в себя.

Как-то раз Туган пошел на охоту. Южные склоны уже покрылись проталинами, журчали ручьи, природа пробуждалась. Туган бродил по горам весь день, и к вечеру ему удалось убить косулю. Он уже возвращался, когда погода испортилась и началась гроза. Сверкали молнии, гремел гром, хлестал дождь со снегом. Было уже темно, когда Туган добрался до пещеры. Он вошел с тушей на плечах и увидел, что огонь в очаге едва тлеет, а Марине без чувств лежит рядом. Туган, сбросив ношу, кинулся к матери. Марине открыла глаза.

— Что с тобой, нана, что случилось? — встревоженно спросил Туган.

— Только что к пещере что-то подошло из темноты. Я думала, это ты возвращаешься, и выглянула, но оно, увидев меня, взвыло и исчезло.

Туган успокоил ее, развел огонь, и они принялись за ужин.

Тот, кого так испугалась Марине, был одинокий путник, который сам был испуган не меньше, приняв ее за горного духа. Ни жив, ни мертв, он притаился за камнем, но, увидев при свете молнии входящего в пещеру Тугана, бросился бежать, не разбирая пути. Добравшись до людей, он рассказал, что в кельской пещере обитает Черный дух. Он был так перепуган, что люди поверили ему, и пещера эта и сейчас еще называется пещерой Черного духа.

На другой день солнце ярко осветило землю, и горы засверкали под его лучами. Зима разом кончилась, настала весна. Через несколько дней склоны Кельских гор покрылись зеленью, зазвенели птицы, воздух наполнился ароматом цветов. Ад превратился в рай.

Вскоре в долине неподалеку от пещеры, где провели зиму мать с сыном, появились пастухи со стадами. Через день один из пастухов гнал овец мимо пещеры и случайно заглянул туда. Увидев Марине и Тугана, он похолодел от страха и бросился бежать. Спустившись к своим товарищам, он крикнул им, задыхаясь:

— Там, наверху, в пещере сидят два черта!

Пастухи рассмеялись:

— Какие могут быть черти в полдень?

Парень, немного придя в себя, стал рассказывать:

— Там женщина и мужчина, лица их черны, как уголь. Одежда висит на них лохмотьями, они обвязаны пучками травы, оба худы, как скелеты, глаза сверкают. Клянусь Лесарским крестом, настоящие черти!

— Пойдем-ка, парни, посмотрим на чертей!

Пастухи впятером поднялись к пещере и увидели Марине и ее сына — и вправду, ни дать ни взять, черти.

Дауита, самый решительный из пастухов, вошел в пещеру и спросил у ее обитателей, кто они и откуда. Марине скрыла правду. Она сказала, что ее имя Марта, а сына зовут Тархан.

— Люди предали нас изгнанию, — сказала она, — и мы живем только милостью Божьей.

Пастухи позвали их к себе и накормили.

Марине и Туган нанялись к пастухам работать: Марине доила коров, Туган пас скот. Наконец они зажили по-человечески, не зная недостатка в еде. Силы вернулись к ним, лица посветлели. Те, кого принимали за чертей, снова стали людьми.

Так прошло лето, наступила осень. Небо стало хмуриться, в воздухе запахло снегом. Пастухи начали готовить выюки, собираясь домой. Через день они отправились вниз, и Марине с Туганом вернулись вместе с ними в Дзимыр.

Прошло время, и кто-то опять донес Эристави, что Марине с сыном живут у ее дяди. Эристави снова послал стражников и приказал доставить беглецов живыми или мертвыми.

Приближалось рождество. Все было покрыто снегом, и дом Бата Дзебисаты, стоявший между двумя селами, чернел среди белой равнины, как утес среди моря.

Ночью дом окружили стражники. Они послали к Бата человека и потребовали выдать Марине и Тугана. Бата ответил послу:

— Добровольно я свою родню не выдам. Попробуйте взять их силой, если сможете, — и заперся в доме.

Уже занимался рассвет. Стражники двинулись к дому, но навстречу им загремели выстрелы, и эхо прокатилось по ущелью. Нападающие попрятались. Когда стало ясно, что силой взять обороняющихся, не удастся, стражники подожгли пристроенный к дому овин, где хранились запасы сена. Дом загорелся. Тогда распахнулась дверь, и наружу вышел Туган, дер-

жа в руках ружье. Он выстрелил, и один из стражников упал. Тут же ударили ответные выстрелы, пуля пробила широкую грудь Тугана, но он даже не покачнулся и выхватил шашку. Снова грянули выстрелы; Туган опустился на колено, успев, однако, ударить старшего стражника шашкой.

— Теперь тебя, мой друг, ни один знахарь не вылечит, — сказал он и упал в снег.

На звуки выстрелов собрались оба села — и верхнее, и нижнее. Люди стали между врагами и остановили кровопролитие. Бата был в трудном положении: дом горел, в нем нельзя было оставаться. Родственники уговорили его прекратить сопротивление.

Стражники связали его и вместе с Марине отвезли к Эристави. Тот отправил Марине в Кахетию, к прежнему хозяину, а Бата бросили в подземелье Канчельской башни. Братья Бата сумели выкупить его у Эристави, и вскоре он вернулся домой. А Марине снова стала гнуть спину на кахетинского князя.

Шли годы, менялись времена. В 1861 году русский царь Александр отменил крепостное право. Старая Марине тоже получила свободу и перебралась в Калак.¹ Она прожила еще несколько лет и умерла. Светлая ей память!

Азау

В верховьях Арагви лежит село Ганис. Когда-то кипела здесь жизнь, зерном и скотом были богаты здешние люди. Жили они вольно и счастливо, и жизнь улыбалась им.

Были в Ганисе два соседа — Боба Сачинаты и Бибо Тогузаты. Они любили друг друга, словно братья. Оба были женаты; Жену Бибо звали Томиан, а жену Боба — Канукон. И радости, и заботы делили эти семьи пополам, и печаль у них была общая: и те, и другие были бездетны. «Кому останется все наше добро?» — сокрушались они.

Но, видно, услышал Бог их молитвы, и забеременели одновременно Томиан и Канукон. И сказали друг другу две женщины: если родятся у нас мальчики — будут братьями, родятся девочки — будут сестрами, а если у одной родится мальчик, а у другой — девочка, пусть будут мужем и женой.

И поклялись они, что так и будет.

¹ К а л а к — осетинское название Тифлиса (Тбилиси).

В ночь под Новый год родился у Томиан мальчик, а у Канукон — девочка. Бибо зарезал быка, созвал людей на пир. В большом доме Тогузата пылал огонь, ветер далеко разносил запах шашлыка. Гости сидели двумя длинными рядами. Звучали тосты, звенели песни и пенилось, шипя, черное пиво.

Настало время дать мальчику имя. Судили, рядили, а потом послали к Томиан ее шафера, чтобы, по обычаю, назвать новорожденного именем, выбранным матерью.

Томиан ответила шаферу:

— Назови его, как сам захочешь, но мне больше нравится имя Таймураз.

Шафер передал ее слова старшим. Мальчика назвали Таймуразом, подняли рог за его здоровье и пожелали счастья его родителям.

Попировали, повеселились и разошлись.

Однажды Томиан и Канукон разговорились, встретившись у родника.

Канукон спросила:

— Скажи, Томиан, твой мальчик плачет по ночам?

— Нет, никогда. Это ангел, а не ребенок. Он спит так тихо, как будто его и нет в доме.

— Боже мой, а наша девочка всю ночь до утра не дает мне сомкнуть глаз. Я уж думаю, не сглазил ли ее кто?

— Умереть бы мне за тебя, разве у тебя нет амулета Тутыра?¹

— А что это такое?

— Неужели ты не знаешь? В день Тутыра, в среду, кузнец встает рано утром, умывается и, не поев, не сказав никому ни слова, кует крестики. Над тем, у кого есть такой крестик, не властен дурной глаз. И нечистый ему не страшен.

— Господи, а ведь я этого не знала! Ей-богу, чтоб им пропасть, нашим Тагиата²: у них против всех напастей одно средство — конское мясо!

— Где-то у меня есть один крестик, я отдам его тебе — ведь это, как-никак, для моей будущей невестки, — сказала, рассмеявшись, Томиан.

— Спасибо, умереть бы мне за тебя. Пусть Мать Мария поможет нам!

¹ Т у т ы р — в осетинской мифологии божество, покровитель волков.

² Т а г и а т а — одно из привилегированных сословий в Осетии, из которого происходила Канукон.

Так, беседуя, дошли они до места и разошлись по домам.

Однажды Канукон созвала женщин, хорошо их угостила, и они дали ее дочери имя Азау.

Дети потихоньку росли и с тех пор, как начали ходить, были неразлучны. Они бывали вместе то в доме Боба, то в доме Бибо.

Как-то летом Томиан и Канукон вернулись домой из лесу. Дети спали, обнявшись, во дворе Бибо, а сверху на них лежала большая черная змея. Женщины в ужасе закричали. Змея, испугавшись их крика, скользнула и скрылась в густой траве, а Таймураз и Азау, проснувшись, радостно улыбались матерям. Детей осмотрели, убедились, что с ними ничего не случилось, и понемногу успокоились, но черной тенью легло на сердце предчувствие несчастья.

Шли годы. Летело время. Двое влюбленных росли, как райское дерево. Они ни минуты не могли друг без друга. Им было уже по двадцать лет, но Бибо и Боба все откладывали свадьбу.

Настала весна, и Бибо погнал свой скот на летние пастбища. Он сделал загон в зеленой долине высоко в горах и там пас свое стадо. В канун праздника Атынаг¹ вдруг начался снегопад. За ночь снег выпал в рост человека, и на земле не осталось черного пятнышка. И тогда с высокой горы сошла лавина, унесла Бибо вместе со стадом и похоронила под снегом в узком ущелье.

На другой день люди вышли на поиски, но от стада Бибо не осталось и следа. Только вороны кружили в ущелье над снежным завалом.

Пригрело весеннее солнце. На третий день снег растаял, склоны снова зазеленели. Тело Бибо выкопали из-под снега, принесли на носилках домой. Весь его скот погиб и стал добычей воронов и диких зверей.

Горе пришло в дом Тогузата, и эхо вторило рыданиям Томиан. Собрались люди, похоронили покойного, сказали: «Светлая тебе память!» — и разошлись. Того, что осталось от всего добра Бибо, едва хватило на поминки.

Люди держатся от бедняков подальше, и счастье обходит их стороной. Боба словно подменили. Он стал холоден с Таймуразом, перестал заходить в его дом. Он запретил Азау встречаться с ним и зорко стерег ее, чтобы она не могла даже поговорить с Таймуразом. Канукон стала чваниться, она уже

¹ А т ы н а г — праздник, посвященный началу сенокоса.

не любезничала с Томиан. И если та, как прежде, заговаривала с ней, Канукон презрительно усмехалась и отворачивалась.

А Таймураз и Азау горели пламенем от любви друг к другу.

Тем временем Боба искал для дочери другого жениха. Таймураз больше не устраивал его: он обеднел и уже не годился ему в зятя.

И вот однажды пришли сватать Азау Биганата — очень богатая семья — и повели с Боба переговоры за столом на веранде дома. Боба не говорил ни да, ни нет, но ему было приятно, что его дочь сватают в такой богатый дом. После долгих разговоров они сошлись на выкупе в семьдесят коров¹.

Азау слушала, стоя за дверью. Когда она поняла, что договор состоялся, силы покинули ее, и она схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть. Горе и гнев переполняли ее, разрывая грудь. Слезы сами собой покатались из глаз. Она вытерла их рукой и сказала: «Пусть попробуют отдать меня!». В глазах ее появилась решимость, и она повторила: «Пусть только попробуют!».

Вбежав в дом, она бросилась к матери:

— Наш волк отдал меня какому-то медведю, а ты что скажешь, нана?

— Пусть твою нана принесут тебе в жертву: люди боятся нищеты, а ты сама к ней стремишься! Чем он будет кормить тебя, твой Таймураз? Где что найдет? Не отказывайся от богатства и счастья и не беги вслед за своим глупым сердцем!

— Ты забыла, нана, что говорила мне раньше?

— Помню, умереть мне за тебя, но теперь они обнищали, у них больше нет ничего! Ты ведь даже от меда с маслом отворачиваешься, что же ты будешь есть у Тогузата?

— Да ведь люди живут не только ради желудка! — Азау зарыдала.

— Хорошо, хорошо, я скажу твоему отцу, и он не отдаст тебя...

Но это были лишь пустые слова, а дело шло своим чередом. Азау просватали. Она похудела, лицо ее побледнело, в глазах пылал гнев. Она упорно молчала и не разговаривала ни с кем. Как дикий зверь, смотрела она на отца и мать.

А Боба и Канукон думали так:

¹ В прежние времена у осетин за невесту обязательно полагалось платить выкуп, калым (*по-осет.* — ирад), который часто достигал очень больших размеров.

«Когда Азау станет женой сына Бигана, она полюбит его».

Но разве смог бы кто-нибудь вырвать из ее сердца образ Таймураза? Не было в мире такой силы.

Однажды Азау несла пахарям хлеб, а Таймураз возвращался с работы. Они встретились по дороге.

Они смотрели друг на друга, не в силах произнести ни слова. Дыхание перехватило, сердца переполняла любовь.

Наконец Таймураз произнес:

— Дай Бог тебе счастья, девушка! Ты нашла себе хорошего жениха.

Лицо Азау вспыхнуло, на глазах появились слезы, и она ответила:

— Я получила то, что мне было суждено; тебе же пусть Бог даст счастья.

Его глаза сверкнули.

— Клянусь отцом своим, я никому не отдам тебя, пока жив.

— Ради Бога, забудь меня и мою любовь! Не обрекай меня на позор!

— Нет, Азау. Даже если весь мир восстанет, никто не сможет отнять тебя у меня, никто не устоит перед моим безумством.

— Не делай этого, Таймураз, не губи нас обоих! Если я увижу тебя мертвым — я умру, и еще семь раз умру на том свете. Лучше забудь меня, выбрось из своего сердца. Иначе два рода начнут истреблять друг друга.

— Разве ты не знаешь, что человек от любви теряет рассудок? Разум мой помутился, сердце обуглилось... Скажи мне прямо: ты моя или нет.

Ничего не ответила Азау. Мысли ее смешались. Сказать бы «нет», да где взять для этого силы? Сказать бы «да» — но знала она, что тогда не миновать беды. И она стояла молча, тербя бахромку своего платка. А между тем любовь уже одерживала верх над разумом, и удары сердца туманили мозг.

Наконец она сказала:

— Как легко тебе кажется отнять у осетина невесту!

Таймураз вонзил в землю острие кинжала.

— Перед высоким небом клянусь тебе этой землей, что никто, кроме нее, не разлучит нас с тобою!

— Нас ждут несчастья, Таймураз, я это знаю. Забудь меня, прошу!..

Таймураз не дрогнул бы и перед сотней врагов, но тут он не выдержал и опустил голову.

— Азау... — голос его прервался. — Ты нашла свое счастье, не пожалей же для меня смерти! — он вытащил пистолет и протянул ей.

— Стреляй, мне не будет больно!.. Не бойся...

От этих слов затрепетало сердце бедной девушки. Пламенем полыхнула в нем любовь, и, забыв обо всем, бросилась Азау к Таймуразу на грудь. Губы их соединились.

Они долго сидели на мягкой траве и молчали, лишь звук поцелуев нарушал тишину. Бог знает, сколько бы они так просидели, не помешай им дождь. Началась гроза, и они разошлись в разные стороны.

Была весна. Томиан устроила последние поминки по мужу, потратив на них те крохи, которые еще оставались в доме. Она купила ягнят, приготовила угощение и созвала людей.

Люди съели угощение, помянули покойного и разошлись. В доме остались только пятеро друзей Таймураза, прислуживавших на поминках: Бимболат, Камболат, Хазби, Турбег и Чермен. Они сидели в комнате, ужинали и беседовали. Много хорошего пожелали они Таймуразу, много построили башен из снега¹, а под конец решили, что ему надо жениться. Но никакой осетин не отдаст свою дочь без выкупа, а у Таймураза не было ничего, поэтому они решили похитить невесту. Договорились так: Таймураз предупредит Азау, чтобы следующей ночью она была готова к побегу.

Вечером Таймураз спрятался за дверь в доме Боба, а когда Азау проходила мимо, окликнул ее и все объяснил. Азау не соглашалась. Ее отец никогда бы не отдал дочь Таймуразу, у которого в доме не осталось даже кошки. Боба потратил бы все силы, чтобы разлучить их. Да и Биганата возьмутся за оружие, если узнают, что у них похитили невесту. Азау понимала, какие беды повлечет за собой ее побег. Но любовь толкала ее вперед и заглушала доводы рассудка. Она не смогла долго сопротивляться, только сказала:

— Ты губишь себя из-за недостойной женщины, но воля твоя.

И дала слово, что будет готова к побегу.

На следующий вечер в доме Бобо приготовили то, что оставалось от поминального угощения, и пригласили старших. Чермен пошел к Боба и сказал ему:

— Томиан послала меня за тобой. Кое-что осталось от поминок. Старики уже там, ждут тебя.

¹ «Башни из снега» — соответствует выражению «Воздушные замки».

Боба поблагодарил его и пошел в дом Бибо.

Когда он сел за стол, Таймураз и пятеро его друзей незаметно вышли. Камболат был воспитанником¹ Сачината, он и вошел к ним в дом на разведку. Увидев, что Азау и Канукон одни, он подал Азау знак. Та вышла за дверь, ее посадили на коня, и всадники помчались прочь.

Пронзительные вопли переположили все село. Это кричала Канукон. Поднялась тревога, Сачината и Биганата бросились в погоню. Боба выбежал из-за стола и тоже поскакал следом.

Похитителей обошли по пешей тропе, и настигли их на плато Кайджин. Поднялась стрельба. С обеих сторон полыхали выстрелы, свистели пули. Была ночь, и некому было остановить кровопролитие. Было убито десять человек — по пять с той и с другой стороны. В темноте Азау и Таймураз потеряли друг друга. Израненный Таймураз сумел скрыться и бежал в Урстуалта, к родственникам матери, а Азау спряталась между камней. Разъяренные преследователи, вернувшись, разгромили дом Бибо. Томиан укрылась у соседей.

Утром тревожная весть облетела ущелье. Все пришло в движение, отовсюду собирался народ, по дорогам к Ганису скакали всадники. Кровникам не позволили напасть друг на друга, между ними поставили надежных посредников. Назначили разбор дела на воскресенье и, похоронив убитых, разошлись.

Настало воскресенье, народ собрался на поляне возле дзуара². Не было только Мистала Рубайты, и все ждали его. Наконец появился и он, с посохом в руке. Утренний ветер развеивал по широкой груди белоснежную шелковую бороду. Мистала приветствовал собравшихся:

— Добрый вам день, и мир вашему совету!

— Будь счастлив, Мистала, добро пожаловать, — ответили ему.

Начался суд. Когда разбор дела был закончен, старшие встали.

— Таймураз виновен в том, что он сбил с толку девушку, просватанную Биганата, и похитил ее.

Азау виновна в том, что, будучи просватанной, согласилась бежать с ним, и из-за этого произошли большие несчастья — убиты лучшие юноши, несколько родов стали врагами, люди лишились спокойной жизни.

¹ Существовал распространенный обычай брать на воспитание мальчиков из других фамилий. Такие воспитанники пользовались правами кровных родственников.

² Д з у а р — святилище, часовня; божество.

А Боба виновен в том, что выдавал свою дочь замуж против ее воли. И по этим обвинениям виновны все трое.

Когда речь зашла о наказании, собрание разделилось на три части. Одни сказали: «Забросаем их камнями», другие сказали: «Убьем их», а третьи, их было большинство, решили: «Отречемся от них!» Они никак не могли договориться. Наконец, встал Мистала.

— Пусть фарн¹ внимает вам, добрые люди!

Все вокруг умолкли, наступила полная тишина.

— Мы один народ, одна семья. Какой палец ни отрезать — все будет больно. Не властны мы над жизнью, так же не властны и над смертью. И та, и другая в руках Божьих. Если мы вынесем смертный приговор, мы нарушим закон, установленный Богом, а из нашей семьи погубим две души. Так приговорим их к изгнанию², дорогие мои! А из быков Боба зарежем одного, мост наш давно пора починить, сделаем это за его счет.

Он вытер слезы и сел.

Мудрая речь Мистала и его слезы настолько смягчили сердца людей, что все в один голос сказали: «Мы согласны!».

Мистала воскликнул, обернувшись к смотрителю дзуара:

— Сделаем священные отметки в знак нашей клятвы!

И люди отреклись от Азау и Таймураза и произнесли слова клятвы: «Кто пустит их в свой дом, кто даст им хлеб и воду, кто возьмет их скот в свое стадо, тот пусть будет проклят Ломисской святыней!»

Смотритель зазвонил в колокола. Сделали зарубки на трехгранных березовых палочках и положили их в часовню. У Боба зарезали быка, собрали людей и починили мост. С кровников взяли слово, что они не тронут друг друга, в знак этого взяли у каждого по волоску из усов и тоже положили в часовню. Потом разошлись каждый в свою сторону.

В этот же вечер Азау, обессиленная без еды и питья, под покровом темноты спустилась в Ганис. На краю села жила одинокая вдова по имени Дыса. Азау заглянула к ней сквозь щель в двери. В это время Дыса, положив перед собой лепешку, молилась:

— О Боже, дай людям изобилия, чтобы я тоже не умерла с

¹ Ф а р н — мировая благодать, благополучие, счастье.

² Одна из суровых форм наказания, ostracism. Человек, изгнанный из общества, лишился всех человеческих прав.

голоду... Боже, если есть где-нибудь такая же несчастная душа, как я, спаси ее!

Она разломила лепешку и принялась за еду. Азау, услышав ее молитву, осмелела и приоткрыла дверь. Дыса обернулась на скрип петель, спросила, вглядываясь в темноту:

— Кто здесь?

Азау переступила порог.

— Ссс... Это я...

— Очаг мой! Ты ли это, Азау? Да ведь люди отреклись от тебя, что же мне теперь делать? — растерянно сказала Дыса.

В очаге, вспыхивая неровным пламенем, горел хворост.

Азау и Дыса присели рядом у огня. Вдова положила перед Азау кусочки лепешки.

— Пусть Бог простит мне, я нарушаю клятву, но, может, не будет на мне греха, если я поделюсь с бедной душой. Поешь, поешь, погибнуть бы мне за тебя, ведь в твоём лице ни кровинки...

Чёрные глаза Азау глубоко запали и были похожи на две мрачные тени. Потрескавшиеся губы дрожали, язык пересох и не слушался ее, щеки были белее снега.

— Разве можно пускать меня в дом, — сказала она, утирая слезы концом платка. — Как низко я пала! Люди будут слагать обо мне позорные песни...

Дыса снова подвинула к ней кусочки лепешки.

— Ешь, ешь... Утолишь голод — и сердцу станет легче.

Азау положила в рот маленький кусочек, но горло ее пересохло, она не смогла проглотить пищу и выплюнула ее в руку. По старым, иссохшим щекам Дыса потекли слезы.

— Хоть воды выпей, бедняжка, — сказала она, протянув Азау чашку.

Азау, сделав несколько глотков, спросила:

— А что стало с ним?

— Ты спрашиваешь о Таймуразе?

Азау кивнула. Дыса сказала со слезами в голосе:

— Он в Урстуалта, у братьев матери. Еще не оправился от ран, но жизнь его, говорят, вне опасности.

Вдруг с улицы кто-то позвал:

— Дыса, а Дыса! Ты дома?

Дыса пошла к двери, а Азау, метнувшись в угол, спряталась в кладовке. Оказалось, кто-то из соседей прислал вдове еду — миску бульона и кусочки мяса. Дыса с благодарностью взяла миску. Когда мальчик ушел, она заперла дверь и вернулась в дом.

— Где ты, Азау?

Азау вышла из укрытия, сердце ее все еще билось от испуга. Дыса с улыбкой поставила перед ней миску.

— Это нам Божий дар, а то ведь мне нечем было накормить тебя, — и стала нарезать мясо.

— Вот, поешь-ка... Кусочек мяса подкрепит тебя.

Азау попыталась съесть мясо, но у нее не было сил прожевать его. Тогда Дыса дала ей в руки чашку с бульоном:

— Выпей, бедняжка, это поможет тебе.

Азау выпила немного бульона, и щеки ее порозовели.

Они поужинали. Дыса задумалась.

— Оставила бы я тебя на ночь, да вдруг кто-нибудь увидит утром! Тогда нам обеим будет плохо... Лучше скажи мне, где ты скрываешься, и я буду носить тебе еду.

Азау встала. Голос ее дрожал.

— Ты мне теперь ближе родной матери. Я не делилась с тобой своей радостью, но ты разделила мою беду... Прошу тебя, не говори обо мне никому!

— Клянусь моим Дзанаспи, унесенным лавиной, я никому ничего не скажу.

— Тогда слушай: под утесом, где была крепость, есть пещера. Вход в нее прикрыт папоротником. Там и найдешь меня.

Они, плача, обнялись. Дыса осталась дома, Азау ушла в свое убежище.

С той ночи Дыса каждый день носила Азау еду, а людям говорила, что ходит за малиной. Азау словно поглотила земля — никто, кроме вдовы, не знал о ней ничего.

Пришла поздняя осень, солнце отдалилось от земли. Стало холодать, зима уже укрыла белой шубой вершины гор. Азау нельзя было оставаться в пещере — ее могли похоронить там лавины. А главное — мысль о Таймуразе не давала ей покоя. Азау днем и ночью думала о нем.

И вот однажды вечером, когда в небе сиял месяц и звезды улыбались друг другу, а от немых утесов легли черные тени, Азау решила бежать к Таймуразу. Недолго думая, она подоткнула подол старого платья и пустилась в путь.

Светила луна, и было видно, как днем, но когда Азау добралась до безлюдных Кельских гор, небо закрыли тучи, стало темно, пошел дождь со снегом. Северный ветер метался от горы к горе, порывами бил Азау в грудь, и снег таял на ее белой шее. Это была страшная ночь, но Азау упорно шла вперед. Когда она дошла до подъема Саудзуар, на нее из темноты

залаяли собаки. То пастухи из Гудана¹ и Хеви перегоняли свои стада. Азау спряталась за камнем, но пастух, подошедший вслед за собаками, увидел ее и сказал на ломаном осетинском языке:

— Пойдем, поешь хлеба!

И Азау поняла, что перед ней разверзлась пасть дракона. У нее не было никакой защиты, кроме собственной смелости, и она ответила:

— Не болтай много, я жду своих спутников. Они поднимаются следом и скоро будут здесь.

За эти мгновения сотня мыслей пронеслась в ее голове. Ей хотелось стать мышью и спрятаться где-нибудь под землей. Или превратиться в орла и исчезнуть в бескрайнем небе. О, если бы ветер помчался к Таймуразу вестником тревоги! Но помощи было ждать неоткуда.

Тем временем подбежали и другие пастухи. Они повели Азау к костру, усадили ее у огня и укрыли буркой. Но чем больше старались они угодить ей, тем горше становилось у нее на сердце, и тем резче отвечала она им. А пастухи говорили между собой по-грузински: «Хорошая невеста досталась Гугуа!» Они торопливо увязывали вьюки, боясь, что снег засыплет их скот. Азау в отчаянии вскочила, сбросила бурку, и стала, рыдая, умолять их:

— Отпустите меня, или я умру! Я не гожусь для вас!

Что долго рассказывать! Скот погнали вперед, Азау посадили на коня Гугуа, тот привязал ее к себе башлыком и скрылся в снежной мгле.

Наутро выглянуло солнце. Высокие горы белели снегами, в глубине ущелий лежали черные тени. Дыса принесла в пещеру еду, но Азау там не было. Дыса долго искала и звала ее, не нашла нигде и, плача, вернулась домой. С этого дня и Дыса уже не знала, куда исчезла Азау, и что с ней случилось...

Хевец сделал Азау своей женой. Жизнь стала пыткой для нее, она горела адским пламенем в змеиных объятьях. День казался ей минутой, а ночь тянулась, как год. Для нее было хуже смерти видеть рядом с собой хевца, и сердце ее разрывалось на части. Она не произносила ни слова, все время молчала. Ночью не могла уснуть — ждала рассвета, а с рассветом ждала восхода солнца, и лучи его, словно любовь Таймураза, грели и ласкали ее. Заледеневшее сердце ее оттаивало, и она говорила себе: «Может, хоть в стране мертвых мы

¹ Г у д а н — ущелье в Хевсуретии.

увидим друг друга, если не суждено нам встретиться на земле...»

Но проходил день, наступал вечер — и при виде Гугуа в сердце Азау вонзались острые иглы. Плача, шла она в дом. Она много раз собиралась бежать, но не знала дороги, и ей приходилось оставаться.

У Азау родились два сына. Они росли такими же грубыми и своенравными, как их отец. Азау не смогла полюбить их, как ни старалась, и они относились к ней как к чужой.

Все ее помыслы сплелись вокруг Таймураза, но от него не было никаких вестей. Так шло время, а она все ждала...

Таймураз был тяжело ранен, но молодость и стальное здоровье победили: он быстро поправился. Он жил в Урстуалта, у братьев матери, помогал им пасти скот. Бывало, ночью на пастбище он смотрел на плывущий в небе месяц. «Светлый месяц, — говорил он, — может, где-нибудь Азау так же зовет к тебе? О, звезда Бонварнон¹! Может, черные глаза Азау любят тебя?.. О, подземный Барастыр²! А, может, ее белое тело давно гниет в земле!..» — и в этих горьких думах встречал он утро.

Он пробовал искать ее, но не находил нигде и следа, и каждый раз возвращался ни с чем. Родственники пытались женить Таймураза, но одно девичье сердце страдало по нему, но он и слышать не хотел о женитьбе и никого вокруг не замечал.

Тоска раньше времени сводит человека в могилу, а любовная тоска хуже всякой болезни. Таймураз стал таять на глазах, заболел и слег. Он позвал родственников и сказал им:

— Я умираю. Пусть впрок пойдут вам мои труды, но когда я умру, отвезите меня в Ганис и похороните рядом с отцом.

И взял с них слово, что они так и сделают. После этого он прожил недолго. Родственники сдержали слово, отвезли его в Ганис, похоронили рядом с Бибо, а в головах поставили памятник из ствола карагача. Этот ствол пустил побеги и стал деревом.

Шли годы. Русские взяли Кавказ. Распри утихли, дороги освободились, разные народы стали свободней общаться друг с другом. До Азау начали доходить вести из родных мест, но о судьбе Таймураза она так ничего и не знала. И она решила ехать в Ганис.

¹ Б о н в а р н о н — утренняя звезда, Венера.

² Б а р а с т ы р — в осет. мифологии владыка страны мертвых.

Была весна, мир вокруг искрился. Деревья зазеленели, склоны гор покрылись цветами. Все ожило, все в природе искало себе пару. Птицы, насекомые, рыбы, звери радовались весне. Лишь замерзшее сердце Азау никак не могло отогреться. Она была одинока под этим бескрайним небом, и мысли о Таймуразе не давали ей покоя.

И вот однажды Азау сказала мужу:

— Я столько лет прожила в твоём доме, как рабыня, составила здесь и никогда не была на родине. Я не знаю, где могилы отца и матери, родные забыли меня. Если я умру, не побывав дома, ты возьмёшь грех на душу. Прошу тебя, дай мне возможность увидеть могилы родителей!

Гугуа согласился без лишних разговоров.

Подходил праздник Вознесения, и Азау стала собираться в дорогу. Она сделала араку¹, испекла пирогов и купила барана. В арбу запрягли лошадь, и Азау отправилась в путь с одним из сыновей. Чем ближе подъезжали они к Ганису, тем больше оживлялась Азау. Её высохшие щеки разругались, глаза смеялись. Давние счастливые видения снова вставали перед ней.

На закате они добрались до Ганиса. На окраине им встретила женщина по имени Магда. Когда-то они с Азау были подругами. Узнав друг друга, они со слезами на глазах обнялись и вместе пошли в село. Родные радостно встретили Азау и ввели её в дом.

Азау с Магдой сидели на террасе. Солнце освещало горы последними лучами, утёсы Ганиса горели золотом. Женщины долго разговаривали; наконец, Азау решилась задать мучивший её вопрос:

— Скажи, а что случилось с Таймуразом?

Магда тяжело вздохнула.

— Он ведь давно умер, давно... В Урстуалта, у родственников матери... Его привезли сюда и похоронили рядом с отцом.

Свет померк перед глазами Азау. Она почувствовала, что превращается в кусок льда.

— Покажи мне его могилу... — тихо сказала она.

Азау медленно шла за Магдой. Та молча указала рукой на холмик под большим деревом. Азау ничком упала на могилу, взяла в рот горсть земли, тело её задрожало и вытянулось. Магда стала звать на помощь, но Азау уже была мертва.

¹ А р а к а — осетинская самогонная водка, изготавливаемая из зерна.

Сбежались люди, обступили лежащую на могиле Азау. Вскоре собралось все село. Старики поведали молодежи историю Азау и Таймураза. Тот давний суд теперь не казался им праведным, но ничего уже нельзя было изменить. Два любящих сердца так и не встретились в этом мире.

Азау похоронили рядом с Таймуразом. Барана, которого она привезла с собой, зарезали ей на поминки, сказали: «Светлая тебе память!» — и разошлись.

А над кладбищем Ганиса по сей день шумит листвою на ветру старый карагач.

Вдова

Кудское ущелье рассекает Кавказский хребет в самой его середине. Вокруг стоят горы-великаны, устремляя вершины за облака. Склоны и долины пестрят цветами, воздух полон их запаха. Высоко вверху серебром сверкают на солнце утесы, оттуда мчатся белопенные потоки. На зеленых скатах белеют, как снег, отары овец. Радостно чувствует себя человек в этих местах, и дышится ему здесь легко.

Прекрасно Кудское ущелье летом, но как тяжело жить в нем зимой! Здесь выпадает особенно много снега. Ветер несет его с севера, из-за хребта, ссыпает, словно в могилу, и он ложится на склоны слоем в человеческий рост.

В Кудском ущелье, на берегу Арагви, жили два брата — Таджи и Дзама. Оба были бездетны. Жили они богато, двери свои держали открытыми для всех, любому путнику были гостеприимными хозяевами, и добрая слава о них разнеслась по обе стороны гор. Люди молились за них, но молитвы, видно, не дошли до Бога: Таджи и Дзама так и остались бездетными.

Во времена присоединения Грузии к России выдались голодные годы. Солнце выжгло поля, хлеб не уродился. Люди, погибая от голода, меняли на хлеб все ценное, что у них было: ружье — на горсть зерна, что помещалось в стволе, саблю — на то, что помещалось в ножнах. А когда уже нечего было менять, отдавали умирающих голодной смертью детей¹.

Была поздняя осень, небо хмурилось. Север дышал холо-

¹ Мой дед Залиа в те времена купил девочку за три мерки овса, ее звали Майя (*прим. автора*).

дом и запахом снега, над хребтами клубились темные тучи, и у людей на сердце лежал мрак: надвигалась голодная зима, и неоткуда было ждать помощи.

Неподалеку от Косета, на берегу Арагви, жил арагвинский князь.

Однажды жена сказала князю:

— Подходит зима, а у нас нет и мерки зерна. Что мы будем есть? Мы уже продали все, что можно было продать! У наших холопов тоже нет ни хлеба, ни скота — что с них взять? Однако есть старая пословица: «Если арба не годится для перевозки дров — она сама годится на дрова». Возьми детей Глахи и обменяй их где-нибудь на зерно.

Князь никак не возразил.

Ночью через хребты прорвался северный ветер, засвистел, завьюжил, намел сугробы. Стало очень холодно.

Глаха и Марта, двое бедняков, жили недалеко от княжеского дома. В тот вечер они улеглись спать поближе к огню, укрывшись старой буркой, а детей своих, мальчика и девочку, уложили между собой и стали рассказывать им сказки, чтобы дети забыли о голоде. Но ведь и волку голодному не спится, что же сказать о маленьких ребятах? Они долго не могли уснуть, плакали и просили хлеба. Однако сон побеждает и голод, и горе: в конце концов дети уснули.

Наутро потеплело. Солнце обласкало горы горячими лучами, утесы засверкали золотом. Земля отогрелась, снег растаял. Запели птицы. Люди вышли на улицу; Глаха с семьей тоже сидел у порога дома, грелся на солнце и в душе благодарил Бога, создавшего светило.

Вдруг перед ними вырос стражник.

— Князь требует к себе ваших детей, — сказал он.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Глаха ничего не мог понять, сердце его сжалось, и он спросил дрожащим голосом:

— Зачем же князю наши дети?

Стражник, подбоченясь, крикнул:

— Откуда мне знать, зачем они ему понадобились? Это его дело!

Он схватил детей за руки и потащил со двора. Девочке было семь лет, мальчику — девять или десять.

Поднялся крик, земля содрогнулась от плача детей и причитаний их родителей. Сердца всех, кто видел эту картину, готовы были разорваться, но вступить не посмел никто.

Глаха и Марта, плача, шли за детьми. Подойдя к княжескому дому, они упали на колени. Князь, глянув с балкона, крикнул:

— Гоните прочь этих ослов, чтобы я не слышал их воя!

Слуги пинками погнали несчастных за ворота, а Глаха и Марта, плача, проклинали князя. Тот услышал их, побагровел и крикнул:

— Хосро!

К нему явился толстый Хосро.

— Беги, скажи стражникам: пусть как следует намнут им бока! — приказал князь.

Стражники догнали Глаху с женой и избили так, что на них не осталось живого места. Они с трудом добрались до дому, и Марта в тот же день умерла. Собрались бедняки, такие же, как Глаха, оплакали несчастную женщину и похоронили ее.

Глаха недолго прожил после этого — через несколько дней он тоже умер.

В тот самый день, когда хоронили Марту, князь посадил детей в хурджины¹, навьючил на коня и повез продавать. По их лицам потоками текли слезы. Камень бы растаял от их плача, но сердце князя было тверже булыжника, горе детей не тронуло его.

Вечерело. Солнце садилось за горы. Казалось, оно спешит скрыться, чтобы не видеть страданий сирот.

Было уже темно, когда князь добрался до дома Таджи.

— Добро пожаловать! — приветствовал гостя хозяин. Князю помогли спешиться, детей тоже сняли с коня и ввели в дом.

Таджи с князем сели у огня. Женщины, обрадовавшись детям, приласкали их — и те перестали плакать, только время от времени еще всхлипывали.

Зарезали барана. В котле над пылающим очагом варилось мясо, жена Таджи тем временем пекла пироги с сыром. Вскоре был готов обильный ужин.

Таджи ни в чем не знал недостатка: при жажде пил пиво, для веселья — араку. Дом — полная чаша, вдоволь земли. Из года в год у него оставались излишки зерна.

Они долго пировали, тост следовал за тостом. Наконец ужин закончился. Убрали столы. Таджи все еще не знал, зачем к нему пожаловал князь. Такой уж был у него обычай — не

¹ Х у р д ж и н — переметная сума.

спрашивать гостя ни о чем, не угостив его сначала хлебом-солью.

Теперь настало время, и Таджи обратился к князю:

— Позволь спросить тебя, куда ты везешь этих детей?

Князь ответил, подкрутив усы:

— Ищу, где бы купить зерна. Мои холопы обнищали, у них взять нечего, вот я и меняю этих двоих на хлеб.

Таджи, подумав, решил взять детей себе. Сошлись на десяти мерах зерна. Поговорили еще о том, о сем, и улеглись спать.

Наутро встали рано. Умывшись, снова сели за стол, потом князь отмерили его зерно, и он отправился восвояси.

Таджи предложил брату взять кого-нибудь из детей. Дзама выбрал мальчика, а его сестра стала приемной дочерью Таджи. Девочку стали звать Гурдзыхан¹, а мальчика Гурдзыбек.

Они долго не могли забыть своих настоящих родителей и плакали по ним, но, окруженные заботой и лаской, через несколько лет забыли родной грузинский язык. Прошлая жизнь представлялась им далеким сном.

Таджи и Дзама уже не считали себя бездетными; в их домах звучали песни, слышался смех.

Сердце человека стремится подняться по лестнице жизни до самого неба. Оттуда, с высоты орлиного полета, открывается сверкающая красота мира, и жизнь улыбается человеку. Увы, часто все проходит в мгновение ока.

Как-то летним днем Гурдзыбек вместе с женщинами доил во дворе коров. Дзама, сидя на плоской крыше дома, возился с ружьем. Он весело шутил, глядя на домочадцев, на сердце у него было светло и радостно.

Вдруг ружье выстрелило. Гурдзыбек ткнулся головой в ведро с молоком: пуля попала ему в лоб и вышла из затылка.

Женщины бросились к нему, Дзама тоже сбежал с крыши. Гурдзыбек был мертв.

Дзама молча повернулся и ушел в дом. Там он зарядил ружье, выстрелил в себя и упал навзничь посреди дома.

Поднялся крик и плач. Женщины рвали на себе волосы, царапали щеки. Сбежались люди — и они тоже плакали, узнав о случившемся. Таджи в это время не было дома — близилось время сенокоса, и он отправился в горы взглянуть на луга. За ним послали, и вскоре он появился. Понятно, что он чувствовал.

¹ Г у р д з ы — грузины (осет.)

Через три дня был готов склеп. Собрался народ из трех ущелий. Таджи зарезал двух быков. Мертвых оплакали, положили в склеп; потом, вернувшись в дом, помянули покойников, сказали: «Светлая вам память!» — и разошлись, а из опустевшего дома долго еще слышались причитания женщин.

Шло время, летели годы. Таджи стал забывать о своем горе, жизнь вернулась в привычное русло.

В те же времена на берегу Терека жили три брата. Младшего звали Джиргол.

Как-то весенним днем Джиргол, остановившись возле дома Таджи, приветствовал сидевшего у дверей хозяина:

— Да будут счастливы твои дни, Таджи!

— И тебе счастливой жизни, юноша, — ответил Таджи. В те времена старшие не обращались к младшим по имени. — Входи в дом, угостись хлебом-солью, ты, верно, проголодался в пути.

Джиргол хотел отказаться, но у него было дело к Таджи, поэтому он поблагодарил хозяина и без лишних слов вошел в дом.

Было как раз обеденное время. Гурдзыхан собрала им на стол, они стали есть и пить, а она им прислуживала.

Гурдзыхан и Джиргол никогда раньше не встречались. Теперь, увидев друг друга, они пришли в смятение. Им обоим казалось, что сердца их стянуты раскаленными железными обручами, оба не в состоянии были произнести ни слова.

Наконец обед закончился. Гурдзыхан убрала со стола и вышла.

Как я уже говорил, Таджи сначала потчевал гостей, а потом уже задавал вопросы. Теперь, когда они встали из-за стола, Таджи спросил:

— Скажи, что за дело у тебя ко мне?

— Ничего особенного, я хотел арендовать пастбище, — смущенно ответил Джиргол.

Они договорились о плате за пастьбу — по одной овце с сотни — и Джиргол отправился домой. С этого дня и он, и Гурдзыхан горели тайным огнем.

Весна была в разгаре, вся природа пришла в движение. Джиргол пригнал свой скот на земли Таджи. Он сделал загон в зеленой долине и пас здесь свое стадо. Скот Таджи пасся неподалеку. Гурдзыхан приходила туда доить коров, она каждый день видела Джиргола, и сердце ее сторало от любви.

Как-то раз, когда она снова пришла на пастбище, Джиргол сказал ей:

— Девушка, неужели в тебе нет ни капли жалости ко мне? Мое сердце обуглилось, превратилось в золу. Я не могу так больше, уж лучше убей меня... Вот тебе пистолет, — он протянул ей оружие.

Бедная Гурдзыхан! Ее сердце отчаянно забилось, дыхание перехватило. Она молча бросилась на грудь Джирголу, и мир перестал существовать для них. Недоенные коровы разбрелись по пастбищу. Но вот вдали появился пастух со стадом и крикнул с пригорка:

— Где ты, Джиргол? Собери свой скот!

Влюбленные разошлись в разные стороны: Гурдзыхан пошла домой, Джиргол направился к стаду. С того дня их сердца слились в одно; они поклялись, что никогда не изменят друг другу и станут мужем и женой.

Пришла осень. Небо стало хмуриться, на вершинах утесов уже белел снег. Ветер нес с севера, из-за перевалов, черные тучи. Не стало слышно пения птиц — они улетели в теплые страны. Пришло время и Джирголу возвращаться домой. Что ж поделаешь, он собрался в дорогу и отправился вместе со стадом обратно.

Вот и зима настала, засвистела метелями, занесла все снегом, не оставив на земле ни одного темного пятнышка.

Гурдзыхан стала сама не своя.

Она всегда была веселой и общительной, теперь же сделалась молчаливой и печальной. Все ее мысли были с Джирголом, и она целыми днями смотрела в сторону Дарьяла, куда он ушел.

Джиргол тоже худел день ото дня, забросил хозяйство и упрекал братьев в том, что они никак не женят его. Братья сразу поняли, в чем дело.

Кончилась зима. Земля задышала, деревья покрылись молодой листвой. На полянах зацвели цветы, наполняя воздух ароматом. Природа, проснувшись, праздновала приход весны.

Однажды старший брат Джиргола, Бицико, сказал:

— Пойдем к Таджи, сосватаем его дочь за Джиргола.

Родные согласились с ним.

Бицико взял посох¹ и отправился в путь. Солнце уже садилось, когда он ступил на порог Таджи.

— Добрый вечер, Таджи!

¹ По обычаю, сват являлся в дом с посохом в руке.

— Будь здоров, Бицико, добро пожаловать!

Они вошли в дом, сели и начали неторопливо беседовать о погоде, о травах, о домашних делах. Тем временем подоспел ужин. Гурдзыхан поставила перед мужчинами фынг¹ и стала прислуживать им. Таджи и Бицико выпили за здоровье друг друга. Вскоре Бицико заговорил о деле. Гурдзыхан, смутившись, оставила мужчин одних.

Таджи согласился отдать дочь за Джиргола. Сразу же договорились и о калыме. Бицико не торговался, и они остановились на пятидесяти коровах. Бицико, не откладывая, пригласил Таджи приехать за калымом через неделю. Как договорились, так и сделали. Через неделю Таджи получил то, что ему причиталось, а двое влюбленных обрели, наконец, покой.

Минуло лето. Урожай был уже убран, по берегам рек стал появляться лед, вершины гор укрылись снегами. Настал праздник Святого Георгия, и Джиргола женили.

Это были смутные времена. Грузия пришла в упадок и не могла уже защищаться от врагов. Один за другим следовали грабительские набеги.

Человек — самый большой хищник на земле. Взор его алчен, душа ненасытна. Он силой отбирает у слабого имущество и саму жизнь. Великие мудрецы во все времена призывали к добру и справедливости, но им до сих пор не удалось смягчить человеческие сердца. Наверно, много веков еще пройдет, прежде чем люди поймут, кто они такие, откуда вышли и куда идут.

Ненастной осенней ночью в дверь Таджи постучали:

— Принимай гостей, Таджи!

Таджи поднялся с постели, оделся и пошел к выходу. Женщины зажгли огонь. Таджи открыл дверь, и в дом ворвались пятеро вооруженных людей — судя по всему, дагестанцев. Таджи мгновенно понял, что это за гости, и бросился к оружию, но абреки навалились на него и связали. Жена Таджи, схватив со стены кинжал, по рукоять вонзила его в живот одному из грабителей, и тот мгновенно испустил дух. Остальные выхватили сабли и зарубили Таджи и его жену. Они поймали жену Дзама, связали ей руки, забрали все, что было ценного в доме, выгнали скот и скрылись в ночной мгле, прихватив с собой несчастную женщину. Через три дня они уже были в Дагестане.

На другой день соседи заметили, что из дома Таджи никто

¹ Фынг — круглый трехногий стол.

не выходит. Они пришли узнать, в чем дело, и нашли Таджи и его жену мертвыми. Послали вестника к Джирголу и Гурдзыхан. Собрался народ. Покойников оплакали и положили в склеп рядом с Дзама и Гурдзыбеком. Гурдзыхан, войдя в опустевший дом, сняла надочажную цепь¹ и повесила ее в знак траура себе на шею.

В те времена жила в Хевском ущелье одна ничем не примечательная фамилия. Когда русские войска стали продвигаться в Грузию, горцы разделились на две части: одни были на стороне русских, другие оказывали им сопротивление. Люди из хевской фамилии, о которой идет речь, помогали пришельцам, показывали им дороги. Научившись кое-как изъясняться по-русски, завели дружбу с начальством, а оно, в свою очередь, не скупилось на награды, и вскоре получилось так, что эта фамилия возвысилась над другими. Они постепенно прибрали к рукам всю округу и никому не давали поднять головы.

Многие люди, стараясь сблизиться с этой фамилией, брали себе из нее воспитанников. Отец Джиргола тоже в свое время взял на воспитание их мальчика по имени Теджиа. Тот вырос высокомерным, заносчивым, вероломным, и не годился ни в друзья, ни в родственники.

Гурдзыхан оставалось две недели до снятия траура, когда Теджиа пришел к ним в гости. Был какой-то праздник, все ушли к дзуару, и в доме не было никого, кроме Гурдзыхан.

Она приветливо встретила Теджиа, как и полагается встречать родственника: пригласила его в дом, поставила на стол еду и питье. Теджиа, выпив, захмелел и завел бесстыдные разговоры. Гурдзыхан, побледнев, гневно нахмурилась:

— Ты ведь воспитывался в этом доме и вскормлен нашим молоком, как же ты смеешь мне, женщине, носящей траур, говорить такие слова?! — сказала она и, повернувшись, пошла прочь.

Теджиа, догнав ее, схватил и бросил на кровать. Она отбивалась, кричала, но тщетно: негодяй сделал свое грязное дело и ушел.

Гурдзыхан плюнула ему вслед:

— Будь ты проклят, подлая собака! — и зарыдала.

Она, плача, оглядела комнату, достала откуда-то веревку и привязала ее к потолочной балке.

¹ Надочажная цепь — главная святыня осетинского дома.

— О всевышний Боже! О Мать Мария! Вы видите все. Вам я поручаю свою несчастную грешную душу! — с этими словами она обвязала веревку вокруг шеи и повисла под потолком.

Солнце клонилось к закату, когда люди вернулись в село. На улицах царило веселье, но вдруг из дома Джиргола донеслись крики и рыдания. На шум сбежались соседи. Веревку развязали, но Гурдзыхан давно уже умерла. Народ недоумевал, никто не мог понять, почему она покончила с собой — ведь Гурдзыхан жила с мужем в любви и согласии. Так никто тогда и не узнал тайны смерти Гурдзыхан.

Горе старит человека. Черные усы Джиргола покрылись инеем, словно осенняя трава, стройный стан согнулся, лицо побледнело, на лбу залегли морщины. Он стал заикаться, сон не шел к нему, все его мысли были связаны с непонятной гибелью Гурдзыхан. Целыми днями сидел он, неподвижный и молчаливый, на пороге своего дома, а ночи проводил на могиле жены.

Но нет такой тайны, которая рано или поздно не раскроется. Теджиа был человеком распутным и легкомысленным, и водил дружбу с такими же женщинами. Часто, захмелев, он рассказывал им о своих похождениях. Как-то раз он был в гостях у одной из них, по имени Госази, и, крепко выпив, ночью проболтался о случае с Гурдзыхан. Но Госази ублажала не одного Теджиа, так что вскоре несколько человек узнали историю загадочного самоубийства, а через несколько дней эта история стала достоянием всей округи. Узнал обо всем и Джиргол, и решил убить Теджиа.

Всевышний прощает много, но не все. Через короткое время Джирголу представился удобный случай: Теджиа сам явился к нему в дом. Пьяный, он сидел, развалясь, в кресле посреди комнаты, и важно разглагольствовал. Джиргол молча сидел в углу напротив и думал: «Не годится убивать его в доме. Лучше я отпущу его, а потом догоню и убью где-нибудь по дороге...»

Тем временем Теджиа, сыто икая, стал издеваться над ним:

— Ты, Джиргол, был бы хорошим человеком, если бы нашел мне на ночь какую-нибудь женщину.

Джиргол едва не задохнулся от гнева. Не в силах больше сдерживаться, он выхватил кинжал и всадил его в жирное брюхо Теджиа. Удар был такой, что Теджиа остался пригвожденным к креслу.

Ночью Джиргол, привязав труп к хвосту лошади, выволок

его со двора и бросил в поле между Окрокана и Кобом¹, а сам ушел в абреки.

Когда-то осетины были многочисленным и сильным народом, но они сами довели себя до плачевного состояния. Они никогда не были крепки единством и часто убивали друг друга, проливая братскую кровь.

В ущелье Тырсыгом жила одна семья из рода Семмарзата. Однажды Джиргол заночевал у них, не зная того, что Семмарзата в близких отношениях с его кровниками. А хозяева, когда он уснул, потихоньку налили ему воды в ствол ружья, затупили саблю и кинжал и послали к его врагам гонца.

Джирголу устроили засаду. На рассвете, когда он отправился в путь, его встретили к Касарской теснине двенадцать вооруженных всадников и начали стрелять в него.

Джиргол поднял ружье, но выстрела не последовало. Он выхватил саблю, но тупая сабля не наносила врагам никакого вреда. Тогда, видя, что деваться некуда, он встал, опершись о бесполезный клинок, и сказал:

— Что ж, собаки, ваша взяла.

Из ран его ручьями текла кровь, он медленно, как подрубленное дерево, упал на землю, и жизнь покинула его.

На другой день люди, проезжая по Касаре, нашли там предательски убитого Джиргола. Весть о его гибели облетела все ущелье. Тело привезли домой. Братья его умерли раньше, в доме оставалась только старая мать. Соседи сделали поминки за свой счет и похоронили Джиргола рядом с Гурдзыхан. Народ разошелся, и только рыдания старой женщины слышались из осиротевшего дома.

Так кончилась печальная история Гурдзыхан и Джиргола. А что же вдова Дзама, что случилось с ней?

Разбойники увезли ее в Дагестан и там продали какому-то наibu²: Тот, в свою очередь, продал ее еще кому-то. Так за долгие годы ее продавали несколько раз, пока она не оказалась в Чечне. Там ее выкупили осетины из рода Мамсырата и привезли в Осетию, в Гизель. К тому времени она уже стала забывать осетинский язык. Когда ее спросили, кто она такая, она ответила: «Куда», что значит «из Куда». Так ее и стали звать.

Шли годы. Россия укрепила свою власть на Кавказе, горцы

¹ О к р о к а н а и К о б — названия сел.

² Н а и б — заместитель или помощник духовного лица. В данном случае имеется в виду наиб Шамиля.

лишились прежней воли. Мамсырата решили переселиться в Турцию. Они взяли с собой и Кудаг. Их путь лежал через Дарьял, постепенно они приближались к родным местам несчастной женщины. И вот она, наконец, увидела родной дом, увидела склеп, в котором лежали Дзама и Гурдзыбек, вспомнила прошлую жизнь, все страдания, которые ей пришлось перенести, и сердце ее, дрогнув, вспыхнуло огнем, словно его сжали раскаленным железом. Вдова упала на колени и зарыдала. Слезы потоками текли по ее старым иссохшим щекам.

К ней подошла какая-то старушка, участливо спросила:

— О чем плачешь, бедняжка?

Вдова, собрав остаток воли, уняла рыдания.

— Ради всего святого, не знаешь ли ты Гурдзыхан, жену Джиргола? — с трудом произнесла она.

Старуха, вздохнув, ответила:

— Как же мне было не знать ее? Да только она давно уже умерла. И Джиргол умер, его убили кровники. — И рассказала, как было дело.

От горя вдова не смогла даже заплакать. Ее лицо покрылось мертвенной бледностью, свет померк в глазах. Она упала, ударившись головой о придорожный камень, и тут же скончалась.

Спутники похоронили ее невдалеке от дороги. «Мир тебе и светлая память!» — сказали они и отправились дальше.

До сих пор в Дарьяльском ущелье возле дороги виден небольшой могильный холмик, где похоронена вдова. Мир праху ее!

Конец и нашей печальной повести.

Сагулла и Манигза

У подножия Кельских гор, в узком ущелье, куда зимой не заглядывает солнце, а летом — луна, жили муж с женой.

Мужа звали Куцкк, а жену — Фатма. Жили они хорошо, у них было много всякого добра, но не было детей. Оба уже в летах: жене около шестидесяти, а мужу и того больше. Были они приветливы и хлебосольны, одинаково принимали и богатых и бедных; люди любили их за это и часто в молитвах просили Бога, чтобы он дал старикам потомство.

Трудно сказать, помогли эти молитвы или нет, но Фатма на старости лет забеременела. У нее никогда не было детей и

она не знала, как это бывает, да и годы ее как будто уже прошли — вот она и решила, что заболела.

Она всем рассказывала о своей непонятной болезни, но минуло шесть месяцев, и стало ясно, что это за недуг. Друзья и родственники обрадовались за стариков и стали молить Бога, чтобы он дал им сына.

Кончилось лето, настала зима. По ущельям свистели вьюги, солнце лишь на короткий миг выглядывало из-за высоких гор. Однажды морозным вечером Фатме пришло время рожать. Она лежала на войлоке, постеленном поверх соломы и, держась за живот, стонала. Куцык хлопотал возле очага, пытался согреть дом, подбрасывая в огонь сухие сучья, да где там! Ледяной ветер задувал в щели, на потолке блестел иней.

Стемнело. Куцык позвал соседок. Они собрались вокруг Фатмы и им одним известными способами помогали ей рожать. Наконец, в полночь родился мальчик.

Наутро дом Куцыкка был полон родни и соседей, пришедших поздравить его и Фатму с рождением сына. Куцык зарезал барана, устроил пир. Гости сели за столы и подняли бокалы за здоровье новорожденного. Потом решили дать мальчику имя. Долго судили-рядили и, наконец, назвали его Садуллоу.

Попировали и разошлись по домам.

Шло время. Садулле исполнилось три года, когда отец вздумал его женить. Он сосватал за него дочь одной бедной вдовы, восемнадцатилетнюю девушку по имени Цамакуд. Девушка уже взрослая, мальчик — совсем ребенок, какая из них могла получиться пара? Бог знает, зачем Куцык это сделал, видно, просто нужна была в доме работница.

Девушка, конечно, не соглашалась, но мать выдала ее насильно, не посчиталась даже с тем, что Цамакуд любила какого-то юношу.

Куцык заплатил калым, тридцать коров. Пришла осень, закончились полевые работы, настал праздник Уастырджи¹. Садуллу женили.

Цамакуд горела от горя и гнева и целыми днями плакала. Вернуться домой она не могла — мать не пустила бы ее на порог, а бежать куда глаза глядят — не решалась. Она ходила опустив голову, повесив руки. Мысли, как черные тучи, клу-

¹ У а с т ы р д ж и — один из главных богов осетинского языческого пантеона, впоследствии принявший облик христианского Святого Георгия. Покровитель мужчин — воинов и путников.

бились в ее голове. Глядя на своего мужа-несмышлениша, она плакала и причитала:

— Пока он вырастет, я превращусь в старуху. Пусть мое горе обрушится на мать, продавшую меня!

Так она жила, страдая, словно в аду.

Однажды весной Куцыкк с утра отправился на мельницу, Садулла играл с детьми на улице, Фатма зачем-то пошла к соседям. Цамакуд осталась дома одна. Она огляделась по стоконам и сказала себе:

— Лучше смерть, чем такая жизнь!

Взяла веревку и крепко привязала ее к потолочной балке. Потом, помедлив, поставила один на другой два стула, взобралась на них, закинула на шею петлю и прыгнула вниз. Она еще попыталась схватиться за веревку — видно, в последний миг ей расхотелось умирать, — но было поздно: лицо ее посинело, она дернулась раз-другой и затихла.

Фатма заговорила с соседкой и долго не возвращалась. Наконец, она пришла домой, увидела висящую посреди комнаты невестку и подняла крик. Сбежались соседи, вынули Цамакуд из петли, но она была уже мертва. Послали за Куцыкком, вскоре он, запыхавшись, прибежал домой. Собрался народ.

А Садулла продолжал играть с мальчиками на улице.

Потом приехали чиновники, стали искать виновного, но было ясно, что Цамакуд повесилась сама. Следствие прекратили. Покойную похоронили, и люди разошлись по домам.

Прошло несколько лет. Куцыкк совсем состарился и уже не мог работать. Фатма лежала, не вставая, — у нее отнялась половина тела. Садулла тоже не мог работать, потому что был еще мал. Они полностью обнищали, из всего добра только и оставалось, что луг да пашня, да еще сокровище предков — крымское ружье¹ с граненым стволом.

Вскоре Фатма умерла, Куцыкк пережил ее ненадолго, и Садулла с малых лет остался сиротой. Родственники по очереди воспитывали его, так он и вырос.

Садулла жил в пустом доме один. Вот теперь ему было самое время жениться, да кто бы ему, нищему, отдал свою дочь? Чтобы свести концы с концами, он стал ходить на охоту с ружьем, доставшимся ему в наследство, и тут ему улыбнулась удача: каждый день он добывал по две-три косули или

¹ Крымское ружье — разновидность кремневого оружия.

серны. Он был добрый, веселый парень, и люди полюбили его.

Как-то поздней осенью он отправился охотиться на Красную гору. К вечеру ему удалось убить косулю. Он развел под скалой огонь, насадил на березовый шампур куски жирного мяса и стал жарить шашлык.

Стемнело. Костер отбрасывал красные блики, над углями шипело мясо. В небе серебром горел месяц. Вокруг высились немые темные утесы, стояла тишина, лишь изредка откуда-то из ущелья доносился крик совы.

Когда шашлык был готов, Садулла снял его с огня, положил на плоский камень и воззвал к Афсати¹:

— Слава тебе, Афсати! И богатых, и бедных наделяешь ты одинаково. Пусть всегда будет над нами твоя благодать!

Он переломил лепешку, нарезал мясо, поужинал и улегся в пещере, завернувшись в бурку.

После полуночи небо заволокло тучами. Поднялся ветер, началась метель. К утру земля покрылась толстым слоем снега. Садулла поднялся, отряхнул бурку, обвязал тушу косули ремнем и направился вниз. Вокруг гремели лавины, но ему удалось выбраться из опасного места невредимым. В ближайшем селе его пригласили в дом. Садулла отдал добычу хозяину.

— Вот подарок Афсати, — сказал он, — воздадим ему должное. Прикажи сварить это мясо.

— Будь счастлив, Садулла, — поблагодарил хозяин, — дай нам Бог побольше таких гостей! Да благословит тебя Афсати!

Тушу освежевали, хозяйка принялась печь пироги с сыром. Полыхает в очаге огонь, варится мясо в большом котле, в кувшине подогревается арака. Когда обед был готов, пригласили соседей. Уселись за длинный стол, во главе стола — хозяин дома Сосе, бритоголовый, с пышными усами.

Дочь хозяина, Манидза, красивая шестнадцатилетняя девушка, стояла поодаль, время от времени бросая на Садулла быстрые взгляды. Всякий раз при этом она чувствовала, как пламя обжигает ей сердце. Пальцы ее дрожали, лицо разрумянилось, но осетинские обычаи суровы, и она старалась ничем не выдать себя.

Садулла, сидя за столом, тоже незаметно поглядывал на Манидзу. Он чувствовал необычное волнение, нежданно-негаданно овладевшее им. Так, незаметно для окружающих, они

¹ Афсати — в осетинской мифологии божество, покровитель диких животных.

смотрели друг на друга и вспыхивали огнем, когда их взгляды встречались.

Наконец обед закончился. Соседи, поблагодарив хозяев, встали из-за стола и ушли. День клонился к вечеру, хозяева не отпустили Садулла, и он остался ночевать у них.

Солнце закатилось за горы. Домашние разошлись — доить коров, кормить скот. В доме остались только Садулла и Манидза.

Садулла сидел у огня, смазывая обмороженные ноги гусиным жиром. Вошла Манидза, стала возле него:

— Я бы душу отдала, лишь бы не болели твои ноги!

Садулла взглянул на нее снизу вверх:

— Спасибо, дай Бог тебе счастья! Но не бойся за меня, собака не умрет от хромоты. Вылечусь и на этот раз.

Девушка опустила на скамейку рядом с ним и сказала:

— Как хорошо мы посмотримся вдвоем! Ах, если бы когда-нибудь нас усадили рядом...

Садулла, улыбнувшись, ответил:

— Пусть Бог этого захочет, мой свет!

Он потянулся к ней, но девушка выскользнула и встала. Тем временем вернулись женщины. Манидза ушла.

Ночью ей не спалось. Сердце замирало, непонятные желания владели ею. Перед глазами стоял образ Садуллы, он снился ей и в те минуты, когда она забывалась коротким сном.

Она чувствовала, что готова идти за ним хоть в огонь.

Садулла тоже не мог уснуть в эту ночь. Он ворочался в постели, его не покидала горькая мысль о том, что он беден и не сможет заплатить выкупа за Манидзу.

Наутро взошло солнце, горы и долины засверкали сплошной белизной, лишь кое-где по склонам чернели стены домов. Садулла и хозяин дома сели завтракать. Манидза прислуживала за столом, подносила им по очереди рог с аракой. Она чувствовала себя так, будто в последний раз видела солнце. Садулла чувствовал себя не лучше: он мысленно прощался с Манидзой, горечь жгла ему сердце.

После завтрака Садулла попрощался с хозяевами и ушел. На окраине села он встретил Магду, свою бывшую соседку, которая вышла замуж в это село. Они разговорились. Садулла решил рассказать о Манидзе и попросил Магду быть посредницей между ними.

— Бог с тобой, — сказала Магда, — кто же отдаст тебе девушку без выкупа! Ведь в твоём доме нет даже кошки!

— И все же передай ей: пусть ждет меня. Чего не бывает в жизни! Бог, говорят, дает — в окно подает.

И они, попрощавшись, разошлись.

Через несколько дней Магда встретила Манидзу у родника.

— Э, лукавая, — сказала она, — узнала я о твоих делах!

— О чем ты говоришь? — покраснев, спросила Манидза.

Магда улыбнулась ей:

— Ладно, от меня можешь не скрывать...

— Да мне нечего скрывать!

— Я-то знаю, что тебе скрывать... — Магда рассмеялась. — Садулла сам рассказал мне обо всем.

Манидза покраснела еще больше.

— Заклинаю тебя твоими братьями, не говори об этом никому!

— Скажи, ты любишь его?

— Пусть Всевышний так же любит нас! — смущенно ответила Манидза.

— В нашем селе нет юноши лучше него: храбрый, сильный и добрый, он и муравья не обидит.

— Но, говорят, он очень беден... — печально сказала Манидза.

— Да. Он с детства остался сиротой, от отца ему не осталось никакого наследства... Но он молод, и у него все еще впереди.

— Я веду речь не о богатстве! Я говорю о том, что он не сможет заплатить калым, а так-то я знаю, что человек трудом может добиться всего.

— Если Садулле попадется жена под стать ему, они через два года будут богаты!

— Прости меня, Магда, за многословие, да не покажутся тебе нескромными мои слова... Я знаю, девушке неприлично говорить об этом, но пусть горит в адском огне тот, кто первый придумал калым! Мы не можем выйти замуж по своему желанию, и нас продают, словно скот. Махнуть бы на все рукой и поступить, как сердце велит, да отец с матерью этого не допустят. У нас ведь считается позором выйти замуж без калыма, а я слышала, что ни у русских, ни у грузин не требуют выкупа за девушку... Как же быть бедному человеку, где ему взять сорок или шестьдесят коров?

— Ей-богу, пусть не знает покоя душа того, кто это придумал! — ответила Магда. — Вон, нашему Гарсо уже тридцать, а он все ходит в холостяках. У нас есть два вола, но если мы их

отдадим, как будем жить сами? Мы с нашим стариком каждый день об этом думаем, но выхода никакого не видим.

— Почему, Магда, человек не волен сам распоряжаться своей судьбой? Почему мои отец и мать не выдадут меня за того, кто мне нравится?

— Э-э-э, Манидза, умереть бы мне за тебя! А ты спроси-ка своего отца, согласится ли он отдать тебя кому-нибудь меньше, чем за шестьдесят коров? Возьми наших соседей — с каких пор сватают они дочь Турама, а он требует за нее семьдесят коров. Думаю, соседи откажутся от нее, где им собрать столько скота! Между тем сама девушка ни за кого другого выходить не хочет, а отец намерен отдать ее за богача, ничемного Кази Багдайты, чтоб ему пропасть! Бабале, бедняжка, недавно говорила мне на мельнице, что наложит на себя руки, если отец выдаст ее за этого пьяницу...

Так, разговаривая, они дошли до села.

Жизнь текла своим чередом, и непросто было разорвать цепи древних обычаев. Люди, забыв о родительской любви, не стеснялись продавать собственную плоть и кровь, менять ее на скот.

Однажды Кази со своим дядей Дзанхотом пришел свататься к Бабале. Турам, ее отец, сидел у двери, покуривая трубку. Увидев Кази и Дзанхота, он приветливо встал им навстречу. Они поздоровались, пожелали друг другу счастья и здоровья, уселись на террасе дома и стали говорить о том, о сем.

В это время Бабале ткала во дворе сукно. Увидев Дзанхота и Кази, она бросила работу и скрылась у соседей. Турам крикнул жене, чтобы та готовила ужин для гостей, а сыну велел резать барана. Через короткое время ужин был готов. Сели за стол впятером — Турам, Дзанхот и три соседа Турама. Кази стоял рядом и прислуживал сидящим. Один за другим шли тосты. Когда все наелись и напились, стали говорить о деле. После долгих разговоров Турам сказал:

— Вот мое условие: семьдесят коров и конь впридачу.

Он знал, что Багдайта не станут упорствовать и уступят, потому и принял их так радушно, а вообще он не особенно жаловал гостей.

Дзанхот, погладив бороду, ответил:

— В знак уважения мы дадим еще одного коня сверх того, что ты просишь. У нас много всего, пусть Бог даст нам еще больше. Но согласна ли девушка? Надо бы спросить и ее...

Турам покрутил ус:

— До сих пор в моем доме никто не спрашивал мнения женщин. Все будет так, как скажу я. Но почему, собственно, вы думаете, что моя дочь не согласна выйти за такого молодца? — и он взглянул на Кази.

Кази, довольный, улыбнулся.

Ударили по рукам. Дзанхот подарил Тураму свой пистолет в знак того, что договор заключен. После этого они еще долго пировали, а на другой день Дзанхот и Кази отправились домой. Через неделю Турам получил выкуп за дочь: семьдесят коров и двух коней.

Была весна. Обновленный мир сиял, солнце светило с небес, согревая землю, и земля покрылась изумрудной травой. Пели птицы, высоко на скалах играли туры, деревья оделись молодой листвой. Люди весело занимались полевыми работами, со склонов слышались песни пастухов. Вся природа праздновала весну, только Бабале не видела ничего этого. Печальная сидела она у порога дома и плакала. Горько было у нее на сердце, лицо покрылось мертвенной бледностью. Жизнь казалась ей хуже смерти.

— Пусть тот день, когда я выйду за него замуж, станет моим последним днем! — повторяла она про себя.

А что же Турам? Его мало заботило горе дочери. Он радовался привалившему богатству и знать не хотел, чем все это кончится. Родственники говорили ему, чтобы он не брал греха на душу, не выдавал дочь замуж насильно, но он весело смеялся в ответ:

— Ничего, стерпится — слюбится!

Прошло лето. День стал короче, высокие вершины покрылись снегами. Настал праздник Уастырджи, пора свадеб. Прибыл свадебный поезд и во двор Турама. Село оживилось. В доме Турама царило веселье: рекой лились арака и пиво, столы гнулись от яств, гремели песни, звучали тосты.

А Бабале тем временем готовилась вручить вечному небу свою невинную душу.

В полночь она сказала подружкам, сидевшим с нею в комнате, что хочет отдохнуть. Девушки ушли, Бабале осталась одна. Некоторое время она сидела неподвижно, о чем-то раздумывая, потом надела подвенечный наряд и вышла из дому.

Ее хватились только на рассвете. Стали искать повсюду, но даже следа ее нигде не нашли. То ли земля ее поглотила, то ли тучи унесли, — никто не знал, куда она делась. Стали было подозревать соседского юношу, который сватался к ней рань-

ше, но против него не было никаких улик, и его оставили в покое. Сваты через два дня уехали. Решили не забирать выкуп обратно до тех пор, пока не выяснится, что случилось с Бабале.

Время шло, а Бабале так и не появилась. Тураму было уже не до веселья. Угрюмый и мрачный, он все время ломал голову над тем, куда могла деваться его дочь. Он потерял не только ее: надо было возвращать выкуп, за нее полученный. Эта мысль отравляла ему существование, и он сидел дома, не показываясь среди людей.

Пришла весна. О Бабале не было никаких вестей. Ее еще долго искали в разных местах, но все напрасно. Люди предполагали разное. Одни говорили, что она бросилась в реку, и ее унесла вода, другие — что ее, скорее всего, съели волки. Третьи клялись и божились, что она сбежала с кем-нибудь в дальние края...

Разное говорили, но толком никто ничего не знал.

Недалеко от села посреди ущелья стоял утес. На его вершине высились руины древнего монастыря, окруженные со всех сторон отвесными обрывами. К монастырю вела одна-единственная тропа. Никто не ходил туда, лишь раз в году, за три дня до Вознесения, там собирался народ. Настал этот день, люди вновь пришли на вершину утеса. Не успели они усесться за столы с угощением, как хлынул ливень, да такой сильный, что небо смешалось с землей. Неподалеку была подземная часовня, построенная когда-то давно, во времена войн и смут. Люди решили укрыться в ней от дождя. Они вошли внутрь и увидели Бабале.

Она лежала посреди часовни лицом вверх, скрестив на груди руки. Одному Богу известно, что делала она перед смертью и как умерла.

Послали за ее отцом, труп отнесли домой. На другой день Бабале похоронили. А через неделю Багдайта забрали назад свой скот — семьдесят коров и двух коней.

К Манидзе со всех сторон приезжали сваты, но никто не получил ее согласия. Отец с матерью рады были бы выдать ее замуж, но она любила Садуллу и была готова пойти против воли родителей, забыть обычаи предков. Люди стали поговаривать, что она дерзкая, избалованная и своевольная. Видно, такова уж любовь — даже великие мудрецы иногда теряли из-за нее разум, что же сказать о Манидзе? Любовь сжигала ее и заставляла забыть о скромности и покорности.

Как-то раз соседи пригласили Садуллу к себе — был какой-

то праздник, и у них собралось много гостей. Среди приглашенных был армянин по имени Гиго. Вскоре завязалась беседа. Гиго сказал:

— Тот, кто назовет настоящее сокровище, получит от меня шелковый платок.

Кто говорил «плодородная земля», кто — «булатная сабля», кто — «доброе ружье». Наконец Гиго прервал их:

— Это все не сокровища. Попав в нужду, человек продаст любое из них. Настоящее сокровище — хорошая жена, ее нельзя продать!

С ним согласились. Действительно, никакая нищета не заставит продать жену.

Придя домой, Садулла долго не мог уснуть и все думал: «А ведь правда, жена дороже земли. Тогда на что мне земля? Отдам-ка я вместо выкупа свой участок!»

Утром он отправился на охоту и к вечеру вернулся домой с косулей на плечах. Он созвал родню, угостил, как полагается, и рассказал о том, что задумал сделать.

Родственников было пятнадцать человек — по одному от каждого дома. Они переглянулись и поняли друг друга без слов. Поднялся старший из них, по имени Керим:

— Садулла, брат наш! Я думаю, мы не разоримся, если дадим тебе каждый по одному быку. Ты член нашей семьи, и должен жить среди нас. А земля пусть остается твоей. Если бы ты был плох для нас, мы бы не стали помогать тебе, но ты настоящий человек, и можешь на нас рассчитывать. Завтра же я пойду с тобой в дом, который ты укажешь, а заботу о выкупе предоставь нам самим.

На другой день Садулла и Керим отправились в путь. Солнце уже садилось, когда они остановились на пороге дома Сосе. Тот не особенно обрадовался им, но пригласил в дом и предложил переночевать. Он догадывался о цели их приезда, знал, что с Садуллы нечего взять, и смотрел на своих гостей довольно прохладно.

После ужина Керим завел разговор о деле:

— Мне кажется, твоя дочь и наш брат любят друг друга. Не надо мешать им. Мы будем тебе хорошей родней.

— У меня нет такой дочери, которая могла бы содержать дом одинокого бедняка, — ответил Сосе. — Пока что она довольна жизнью. К ней и без вас сватаются многие, но я ее никому не отдаю. Пусть пока живет со мной.

— Недолго ей жить с тобой, Сосе, — сказал Керим, — ведь

ты не можешь изменить законы природы. Лучше скажи, какой выкуп ты требуешь за нее.

— Что ж, Керим, ты спрашиваешь — я отвечаю: семьдесят коров или пятнадцать упряжных волов.

Керим не стал возражать. Он знал, что Сосе не уменьшит названную цену, разве что увеличит ее.

— Пусть будет так, если ты не согласен на меньшее, — сказал он.

Сосе добавил бы еще, но постеснялся.

— Я и так прошу слишком мало, — пробурчал он.

— Послушай меня, дорогой Сосе, — сказал Керим. — Мы хотим породниться с тобой. У Садуллы достаточно сил, чтобы прожить и на вершине снежной горы. Пусть он сегодня беден, но, хвала Всевышнему, у него хватит ума и силы, чтобы добиться всего в этой жизни. И все же семьдесят коров — это слишком много.

Сосе в глубине души был уверен, что Садулла не наберет и десятка коров.

— Хорошо, Керим, ради тебя я согласен на меньшее. Пусть будет шестьдесят коров или пятнадцать волов. Но это мое последнее слово, хотя бы мы с тобой проговорили еще целый год.

Они сошлись на пятнадцати упряжных волах. Садулла отдал в знак договора свой пистолет и пустился с Керимом в обратный путь.

К празднику Святого Георгия родственники Садуллы приготовили богатое угощение — еду и питье, откормленных баранов и котлы пива — и послали за Сосе. Вскоре он с пятью спутниками явился за выкупом.

Они пировали целую неделю. А потом Сосе получил то, что ему причиталось, и отправился домой.

Суровы зимы в горах. Через несколько дней начались снегопады, дороги занесло — ни пройти, ни проехать. В ущельях лег снег в три человеческих роста. Свадьбу пришлось отложить до весны. Но вот пришла весна, и на пасху Садулла привел, наконец, в дом молодую жену.

В доме было пусто. Манидза недолго раздумывала, пошла к родственникам и взяла у них шерсти. Она наткала тонкого сукна, сшила нарядную черкеску и сменяла ее на кобылу. За вторую черкеску она получила корову. Через некоторое время корова и кобыла принесли приплод. Садулла бросил охоту и начал заниматься хозяйством. Дела их постепенно поправились. Прошло еще несколько лет, и дом стал, как полная чаша.

У Манидзы родились дети — три мальчика и девочка, которую назвали Сахар. Дети выросли. Сыновья женились, у них появились свои дети. Садулла и Манидза провели остаток дней в радости и довольстве.

После их смерти братья выдали Сахар против ее воли за Гуса Сачинаты, получив за нее семьдесят коров. Гус и Сахар с первого же дня жили как враги. Гус был человеком жестоким, черствым и взбалмошным, ему ничего бы не стоило убить кого-нибудь. Он не боялся греха и не знал, что такое совесть. Он и с виду был похож на дьявола. Сахар ненавидела его и не прощала ему ни одного слова. Он бил ее, а она осыпала его проклятиями. Так и жили они, словно собака с палкой.

Однажды, когда он в очередной раз принялся бить ее, Сахар крикнула:

— Бей, бей! Ты разве не знаешь, чем больше бить по бурке, тем она лохматей? Или ты думаешь усмирить меня побоями?

Гус в ярости выхватил кинжал и отсек ей оба уха.

— Теперь, — заорал он, — можешь быть лохматой, как андийская¹ бурка! — и выгнал ее из дому.

Окровавленная Сахар пришла к братьям. Те бросились мстить за свою кровь. Гусу удалось уйти от них, но они убили одного из его братьев. После этого между родом Сахар, Биганата, и родом Сачината вспыхнула кровная вражда, они начали истреблять друг друга. Было убито семь человек из Сачината и девять из Биганата. А Гус бежал за реку Куар и там снова женился.

До сих пор там живут его потомки.

Залга

Когда Грузия присоединилась к России, в каждом округе было поставлено русское военное начальство, а помощников назначали из местных жителей. Так Зарбег Назгасты стал сборщиком налогов в Кудском ущелье.

В самой середине Кудского ущелья, между селами Верхний и Нижний Ганис, в Сохта жили два соседа — Курдан и Кудзан.

Оба были бездетны. Но вот родился у Курдана сын, а у Кудзана — дочь. Курдан и Кудзан любили друг друга, как бра-

¹ Андийская бурка имеет длинный густой ворс.

тя, вот они и решили, что дети их, когда вырастут, станут мужем и женой. Девочку называли Залда, мальчика — Кази.

К тому времени, как Зарбег стал сборщиком налогов, им было уже по восемнадцать лет. Однажды Зарбег приехал в Сохта по своим делам и остановил коня как раз возле дома Кудзана. Залда во дворе ткала сукно.

— Добрый день, девушка, — поздоровался с ней Зарбег.

Залда, покраснев, встала и застенчиво ответила:

— Будь здоров.

— А где Кудзан?

— Не знаю, куда-то вышел.

Зарбег спешился, привязал коня к плетню и подошел к ней.

— Какое прекрасное сукно!

Залда от смущения не знала, куда деться. Тем временем появился Кудзан.

— Добро пожаловать, Зарбег!

— А-а-а, Кудзан, мой лучший друг! Добрый день! А я вот слез с коня, чтобы посмотреть на работу твоей дочери. Она удивительно хорошо тклет. Дай Бог тебе здоровья, Кудзан, откуда у тебя такая красивая дочь?

— У меня нет другой дочери, а об этой я не сказал бы, что она красивая. Просто длинная, как колос, выросший на навозе.

— Не скажи, не скажи! Я и в Калаке не видел такой красавицы. Кто-нибудь уже сосватал ее?

— Есть у нас договор с Курданом...

— За кого же сватает ее Курдан?

— Как за кого? За своего сына.

— За никчемного слюнтяя Кази? Да разве мыслимо отдать ему эту княжну?!

Залда бросила работу и скрылась в доме. Кудзан промолчал. Зарбег понял, что его речи не понравились девушке.

— Кажется, вы обиделись на мои слова, — сказал он.

— Нет, не обиделись, но...

— Эту красавицу надо выдать за человека, знающего толк и в жизни, и в службе, чтобы он носил тебе деньги мешками. А Кази болтается где-то в пастухах, какой от него прок?

— Что поделаешь, видно, такая у него судьба, — тихо сказал Кудзан.

— Эти старики все толкуют о судьбе... Ты когда-нибудь видел ее, судьбу? Оставь эти разговоры, в наше время все решает ум!

У Зарбега уже возник свой план, и он решил для начала сблизиться с Кудзаном.

— У нас есть место стражника. Если хочешь, я поговорю с начальством, чтобы тебя взяли.

Кудзану, хоть он и был пожилым человеком, показалось заманчивым пожить на легких хлебах. Люди, живущие на южных склонах Кавказа, вообще отличаются легкомыслием. Так или иначе, Кудзан согласился.

Он пригласил Зарбега в дом, угостил его, а потом они вместе отправились в путь и вечером предстали перед начальником.

— Что нужно этому старику? — спросил начальник с балкона.

— Он хочет служить стражником.

— Не слишком ли он молод для этого?

— Старики лучше нынешней молодежи. Во всяком случае, они хорошо знают, что от них требуется.

— Вот как! — усмехнулся начальник. — Ну что ж, пусть остается.

С этого дня Кудзан и Зарбег постоянно были вместе. Кудзан любил при случае выпить. Зарбег знал это и угощал его почти каждый день. Он старался выполнять все желания Кудзана, рассчитывая, что тот в конце концов отдаст за него свою дочь. И в самом деле, Кудзан полюбил его, как родного брата. Зарбег стал частым гостем в доме Кудзана, но Залда старалась держаться от него подальше.

Зарбег пылал любовью, не спал ночами и готов был отдать жизнь за одну встречу с ней. А Залду от одного его вида мутило. Она не находила себе места, когда он бывал у них в доме, и думала: «Скорее бы он убрался отсюда!»

Как-то осенью Зарбег с Кудзаном приехали по своим делам в Сохта. Кудзан пригласил Зарбега в дом, они вошли и сели за стол. Залда в это время делала сыр. Увидев Зарбега, она оставила свое занятие, вышла во двор и сказала матери:

— Нана, дай им что-нибудь поесть.

Мать занялась угощением, а Залда скрылась за домом и не показывалась оттуда. Мужчины поели, выпили, потом собрали жителей села на работы к князю и уехали.

По дороге Зарбег завел разговор с Кудзаном:

— Кудзан, ты ведь знаешь, как я тебя люблю!

— Конечно знаю! Мне не надо говорить об этом.

— Вот если бы мы породнились... Если бы ты отдал за меня свою дочь, я бы любил тебя еще больше. Не в похвальбу

будь сказано, но где ты найдешь для нее лучшего жениха? У начальства я на хорошем счету, люди уважают меня.

— Видишь ли... — Кудзан замылся.

— Что тебя смущает? Если речь идет о выкупе — вот он, у меня в кармане. Хочешь — деньгами, хочешь — скотом.

— Дело не в выкупе. Моя дочь... согласится ли она?

— А что ее спрашивать? Что она понимает? Ты ее отец, тебе и решать.

— Так-то оно так, да ведь я дал слово Курдану...

— Ну, знаешь ли! Ты лишишь счастья собственную дочь, если будешь вспоминать о таких пустяках!

С тех пор он не давал Кудзану покоя ни днем, ни ночью. Дело дошло до начальника, и тот тоже замолвил слово за Зарбега. Кончилось тем, что Кудзан взял у Зарбега выкуп, триста рублей.

Залде, когда она узнала об этом, оставалось лишь плакать целыми днями, что она могла сделать еще?

Пришла весна, Зарбег прислал сватов в дом Кудзана. Столы гнулись от яств, арака и пиво лились рекой. Гости пиروвали два дня, а потом повели молодых в церковь.

Залда от слез, застилавших ей глаза, не видела дороги. Вошли в церковь. Зарбег сунул священнику пять рублей. Тот спросил, согласен ли Зарбег взять в жены Залду. Довольный Зарбег ответил:

— Да!

Потом священник спросил Залду, согласна ли она стать женой Зарбега. Тут стоявшие вокруг женщины, родственницы Зарбега, наперебой загалдели:

— Зачем бы она пришла сюда, если бы не была согласна!

Одна из них выхватила у Залды свечку, вложила ее руку в руку священника и сказала:

— Она согласна, согласна!

Священник приступил к венчанию. Плачущая Залда стала женой Зарбега.

Его родители вскоре умерли, и Залда осталась хозяйкой в доме.

Зарбег привык к разгульной жизни и господскому столу, был придиричив, несдержан и частенько бил жену. Она же, хоть и не любила его, никогда не отвечала грубостью и продолжала заниматься хозяйством.

Зарбег надеялся силой добиться ее любви. Возвращаясь откуда-нибудь домой, он с порога показывал ей кнут:

— Видишь кнут? Это для лошади и для жены!

Он привык иметь дело с веселыми женщинами, которых возил к начальству, и с женой обходился так же, как с ними.

В доме не было работников; все заботы легли на плечи Залды, но она не роптала: работа помогала ей отвлечься от невеселых мыслей. Она уже пять лет была замужем, но ни разу за это время не побывала в доме отца — боялась встретиться Кази.

Однажды летом она приготовила хлеб для пастухов, навьючила сумы на осла и отправилась в горы. Как раз в это время Кази возвращался с пастбища, и они встретились на полпути. Они молча приблизились друг к другу, не в силах произнести ни слова. Кази обнял Залду, губы их соединились.

Им казалось, что они одни во всем мире; солнце светило только для них, для них пели птицы, и ласковый ветерок обвевал их лица. Время остановилось. Ни Кази, ни Залда не думали о том, что ждет их в будущем. Забытый осел ушел с дороги и пасся в траве.

Бог знает, сколько бы длилось это свидание, не появившись вдали пастух со стадом овец. Залда и Кази встали и разошлись в разные стороны.

Залда отвезла пастухам хлеб и вернулась домой. Во дворе ее встретил Зарбег.

— Где ты была? — спросил он ее.

— Возила хлеб пастухам.

— Как там дела, как скот?

— Все хорошо, — ответила она и направилась в дом.

— Постой, куда ты? — он поймал ее за руку. — Ей-богу, я не отпущу тебя, пока не поцелую!

Залда попыталась вырваться.

— Пусти, не валяй дурака!

— Нет, ты не уйдешь от меня! — и он принялся целовать ее.

После того, что было сегодня, его поцелуи казались Залде укусами ядовитой змеи. Она содрогалась от отвращения.

Наконец они вошли в дом. Зарбег уселся у очага.

— Я оставил службу, — сказал он. — Будет лучше, если я сам буду заниматься своим хозяйством.

Сердце Залды дрогнуло.

— Зачем же ты оставил службу? — спросила она.

— В доме нет хозяина, так и разориться недолго.

Залда отошла в угол и стала возиться с посудой, чтобы не выдать своего волнения.

Итак, Зарбег больше не служил. Но он привык к бродячей жизни и постоянно придумывал причины, чтобы уехать из дому.

Однажды Зарбег попал на пир к начальству. Он веселился, пил, плясал перед начальником, тряся большим животом. Ему куда было спешить, и он остался в гостях на неделю.

Тогда же Кази случайно встретил одного из пастухов Зарбега. Он разговорился с ним и как бы невзначай спросил:

— А где ваш хозяин?

— Уехал к начальнику на пир, — ответил пастух.

— Как же его бедная жена живет одна?

— Так и живет. Это железная женщина, другая бы на ее месте не выдержала.

— Не может быть, чтобы у нее не было дружка.

— Клянусь Уациллой¹, к ней даже дьявол не подойдет!

— Неужели она так строга?

— Не то чтобы строга, а просто не расположена к таким штукам.

— Не знаешь ли, когда вернется Зарбег?

— Он ниоткуда не уйдет раньше, чем кончатся еда и питье.

— И его жена бывает по ночам в доме одна? Как же она не боится?

— Я же тебе сказал, к ней даже дьявол не осмелится подойти! Ей-богу, она, если что, и убить может.

— Наверно, она и вас тиранит?

— Что ты! Нам она как родная сестра! Если бы не она, никто из нас не стал бы работать у Зарбега.

Солнце уходило за горы, близился вечер. Пастух погнал стадо домой, а Кази той же ночью отправился к Залде и ушел от нее только под утро. Так продолжалось целую неделю.

Однажды в полночь Кази вновь подошел к дому Зарбега. Нигде не было ни огонька, люди давно спали. Кази скользнул во двор. Залаяли собаки, он замер, держа в руках ружье. Его удивило, что в доме не было света: Залда никогда не гасила свечу до его прихода.

Пока он стоял, раздумывая, дверь распахнулась, и на пороге вырос Зарбег с ружьем в руках. Увидев перед собой темную тень, он вскинул ружье и выстрелил. Пуля просвистела мимо. Кази мгновенно выстрелил в ответ, Зарбег зашатался и упал.

Соседи, сбегавшиеся на звуки выстрелов, нашли Зарбега мертвым.

¹ У а ц и л л а — св. Илья.

На другой день приехали чиновники с казаками, собрали народ. Искали убийцу. Долго судили, рядили, но ни к чему так и не пришли. Сельчане не знали, на кого и и подумать.

— Какие отношения были у Зарбега с женой? — спросил их чиновник.

— Зарбег с женой жили плохо, друг друга не любили. Он бил ее почти каждый день, — ответили люди.

Стали допрашивать Залду, но она на все вопросы отвечала:

— Не знаю.

Чиновник приказал казакам связать ей руки и отвезти в тюрьму.

Залда любила Кази и не могла его выдать, кроме того, она никогда бы не решилась открыть перед людьми свою тайну.

Три месяца ее продержали в тюрьме, добиваясь признания, а потом повели на суд в Калак. В тот же день в селе появился чиновник. Он продал с торгов скот Зарбега, положил деньги в карман, объявил, что они пойдут на покрытие судебных издержек, и уехал.

В суде дело решили быстро. Залду признали виновной и приговорили к высылке в Сибирь на пожизненную каторгу.

Пришла весна. Повсюду резали скот, готовясь к празднику Ломиса. Настал день праздника, народ собрался на поляне возле дзуара. Кругом царило веселье, слышались песни.

Вдали показался какой-то человек. Он шел размеренным шагом, держа в руке шапку. Полы его черкески были заткнуты за пояс. Он приблизился к собравшимся, поздоровался:

— С праздником вас!

— С праздником и тебя! Какие новости?

Путник остановился, отер пот со лба.

— Бедную Залду угоняют в Сибирь. Я видел ее сегодня.

Народ притих, разговоры смолкли. Из дзуара показался седобородый старец с хоругвью в руках. Он оглядел безмолвную толпу и спросил:

— Что случилось?

Путник подошел к нему и сообщил новость.

Старик тряхнул колокольчиками, висевшими на хоругви, и обратился к народу:

— Слушайте, добрые люди! — и стал подробно расспрашивать путника.

Тот начал рассказ:

— Я ходил на станцию купить свечей для дзуара. Только зашел в лавку, как с улицы донесся звон кандалов. Русские

солдаты вели заключенных, среди них была Залда. Солдаты не подпускали в ним, но я дал унтеру двадцать копеек, и он разрешил мне поговорить с Залдой.

Люди молча слушали.

— Что она говорила, бедняжка? — спросил старик.

— Ее обвинили в убийстве Зарбега и теперь гонят в Сибирь. У меня оставалось еще двадцать копеек, я отдал их ей.

— Несчастная Залда! — заволновался народ. — Пусть все ее беды падут на Кудзана!

— Не обижена ли она на нас? — спросил старик.

— Нет, она всем передавала привет.

Старик опять тряхнул колокольчиками:

— Все слышали, что рассказал этот человек? Невинную женщину отправляют в Сибирь!

— Слышали! — ответили все в один голос.

— Мы должны найти убийцу Зарбега. И пусть Божье проклятье падет на того, кто не приложит к этому сил!

— Аммен! — вскричала толпа.

С этого дня вновь начались поиски убийцы. Но как люди не старались, а нового в этом деле не прибавилось ни на ноготь. Подозревали, правда, Кази, но против него не было никаких улик.

Шли годы. Кази почти не показывался среди людей. Он исхудал и почернел, его мучила совесть. Не находя себе места, бродил по горам, растерял всех друзей и жил одиноко, как зверь.

Как-то весной, когда люди вновь собрались на праздник Ломиса, на склоне горы показался человек. Он медленно брел, опираясь о ружье. Было видно, что человек этот болен. Опустив голову, приблизился он к людям. Волосы его падали на плечи, лицо заросло густой бородой, щеки ввалились и почернели, одежда свисала лохмотьями. Он был похож на мертвеца. Лишь немногие смогли узнать в нем Кази.

Он опустился на колени посреди толпы и тихо сказал:

— Убейте меня, я заслужил казни.

Старики подошли к нему, спросили:

— Что ты сделал, в чем твоя вина?

Он не отвечал им, только повторял:

— Убейте меня... Убейте меня!..

Наконец, он глухо произнес:

— Сожгите меня, пусть мой пепел станет лекарством для Залды. Это я убил Зарбега!

Народ зашумел. Люди долго думали, что с ним делать. В оконце концов решили:

— Он сам пришел к нам, пусть сам себе и будет судьей.

В Калак направили письмо, где подробно изложили все происшедшее. Власти арестовали Кази и отправили в Сибирь бумагу, чтобы Залду освободили.

Кази, когда его вели в тюрьму, бросился с обрыва и разбился.

А Залду больше никто не видел. Говорят, пока шла бумага, она умерла в Сибири.

Айсса

Был солнечный день. На южном склоне Агайта, рассыпавшись, паслись овцы. На краю обрыва сидел молодой пастух Ахмат. Он поглядывал на свое стадо и играл на свирели.

По тропинке с перевала спускались девушки с корзинками, полными черники. Поравнявшись с Ахматом, они поздоровались с ним:

— Пусть множится твой скот, Ахмат!

Ахмат положил свирель на землю, встал им навстречу:

— Дай Бог вам счастья, девушки!

Одна из девушек, Айсса, подняла свирель и с улыбкой протянула ее Ахмату.

— Сыграй нам, Ахмат.

Ахмат дунул в свирель и заиграл, глядя Айссе в глаза:

Черные камни над белой водой —

Как же мне воду не пить?

Черные брови грозят мне бедой —

Как мне тебя не любить?

Айсса молча смотрела на Ахмата, а он все играл. Пальцы его дрожали, ему казалось, что вместо сердца у него кусок раскаленного железа.

Бог знает, сколько времени прошло. Девушки, наконец, попрощались и ушли, а Ахмат долго смотрел им вслед. Он видел, как Айсса, уходя, несколько раз оглянулась.

Ахмат весь день не мог прийти в себя. Нечаянная любовь овладела им, как осенний ветер перелетной птицей. Вечером, пригнав овец домой, он долго сидел у очага, неподвижный и

молчаливый. Его хозяин Кудайнат, войдя в дом, посмотрел на него и спросил:

— Что с тобой Ахмат, о чем грустишь?

— Ни о чем, просто болит голова, — ответил Ахмат.

Так родилась любовь Ахмата.

Шло время. Настала осень, пора уборки хлебов. Однажды вечером Айсса и Ахмат встретились возле тока. Они разговаривали, стоя в тени копны, и на сердце у них было светло.

Вдруг из-за копны блеснул ствол ружья, чей-то голос гневно произнес:

— Возьми оружие, защищайся! Ты опозорил мою сестру!

Ахмат в мгновение ока взвел курок, но Айсса бросилась вперед и закричала:

— Не стреляйте! Уари, это же Ахмат!

Уари опустил ружье, постоял, опершись на него, и сказал:

— Мне кажется, сестра, ты опозорила меня!

— Нет, Уари, клянусь тебе! Мы любим друг друга.

Помолчав, Уари обернулся к Ахмату.

— Сядем, Ахмат, поговорим. Айсса мне названная сестра, ты — мой друг. Я узнал теперь, что вы любите друг друга, но у нее нет никого, кроме старика отца — ни братьев, ни сестер. Кто будет кормить старика и ухаживать за ним? Кто похоронит его? Айсса не может уйти из отцовского дома. Слушай, Ахмат, ведь у тебя нет ни дома, ни семьи, ты с детства остался сиротой. До каких пор ходить тебе в батраках? Я знаю, что ты сумеешь прокормиться и на снежной вершине, но почему бы тебе не жить в доме Дауита, отца Айссы? У него нет никого, кроме дочери, теперь будет еще и сын. А я буду вам братом.

Ахмат задумался.

— Уари, люди не очень-то жалуют бедняков... А вдруг Дауита не согласится отдать за меня дочь?

— Этим я займусь сам, положись на меня.

Они встали. Ахмат вытащил из-за пояса пистолет и подарил его Уари в знак дружбы.

Дауита сидел у огня, накинув на плечи старую шубу, и курил трубку, когда Уари и Айсса вошли в дом.

— Добрый вечер, Дауита, — поздоровался со стариком Уари.

И, недолго думая, рассказал ему об Ахмате и Айссе. Дауита хорошо знал Ахмата и не стал возражать. Тут же договорились и о свадьбе.

Подошел праздник Джеоргуба¹. Все работы были закончены, народ радовался изобилию. Повсюду шумели свадьбы, молодые не могли налюбоваться друг другом. Обвенчались и Айсса с Ахматом.

Ахмат получил от Кудайната плату за труды — шестьдесят баранов — и стал жить своим домом.

...Чего только не делает сильный, чего только не терпит бедняк!

Бибо Губарты служил стражником и от имени начальства распоряжался простыми людьми. Однажды он явился в село и стал с криками собирать людей на работу. В этот день Ахмат был на пастбище. Старый Дауита сидел у ворот, покуривая трубку. Бибо, подъехав к нему, закричал:

— Сейчас же запрягай волов и отправляйся возить сено для князя!

— Ради Бога, оставь нас сегодня — ответил старик. — Зятя нет дома, а у меня не хватит сил, я не справлюсь. Лучше мы отработаем в другой день...

Бибо был человеком чванливым и несдержанным. Он поднял кнут, хлестнул старика по лицу, и у того по губам потекла кровь.

Но Дауита был из рода Тогузата, а они не прощают удара.

Он выхватил нож, висевший на поясе, и по рукоять вонзил его в жирное брюхо Бибо. Тот опрокинулся навзничь. Остальные стражники набросились на старика, связали его и увезли.

Вечером Ахмат вернулся домой. Войдя во двор, увидел плачущую Айссу. Узнав в чем дело, он тяжело опустился на топчан и долго сидел, размышляя. Наконец он сказал:

— Надо идти к начальству, другого выхода нет.

Он хорошо представлял себе, что такое начальство, но другого выхода, действительно, не было.

На следующее утро он взял восемьдесят рублей — все деньги, какие у него были — и отправился в дорогу. Первый, к кому он обратился, был Пиран, который служил у русского начальника переводчиком. В полдень Ахмат вошел в дом Пирана и издали поздоровался с ним. Пиран сидел за столом, листая какие-то потрепанные книги. Наконец, он поднял голову и важно спросил:

— Что тебе нужно? — и нахмурил брови.

¹ Д ж е о р г у б а — праздник Святого Георгия, один из главных религиозных праздников осетин. Проводится каждой осенью, по окончании полевых работ. По традиции, время свадеб.

— Мне нужна твоя помощь, дай Бог тебе здоровья!
В это время вошел стражник Елизбар и обратился к Пирану:
— Из Тырсыгома пригнали ягнят, куда их девать?
— Их матки с ними?
— Нет.
— Что же, теперь слушать их бляенье? Пойди, скажи, чтобы маток тоже пригнали.

Елизбар вышел. Ахмат, держа в руках шапку, стоял у двери и ждал ответа. Пиран еще долго листал свои книги. Наконец он отодвинул их в сторону и повернулся к Ахмату:

— Говори, что тебе?

Ахмат подошел ближе.

— Я по делу Дауита. На бедняка, говорят, камень вверх катится, но, может, удастся как-нибудь помочь ему? Если нужны деньги, за этим дело не станет.

Услышав о деньгах, Пиран встал.

— Он убил очень важного человека, лишил начальника правой руки. Но, я думаю, для любой раны можно найти лекарство. Есть ли у тебя что-нибудь, с чем мы можем пойти к начальству?

Ахмат, опустив руку в карман, ответил:

— Сейчас у меня при себе восемьдесят рублей. Но, если надо, я продам свой скот и принесу, сколько ты скажешь.

Пиран сел за стол и вновь погрузился в свои книги. Ахмат, не дождавшись ответа, сказал:

— Возьми пока эти восемьдесят рублей, а завтра я принесу остальное.

Пиран понял, что можно пожить.

— Дело не будет ждать, пока ты найдешь деньги. Если ты собираешься взять их в долг, то это можно сделать и здесь. Вон, у Иуане денег куры не клюют. Если хочешь, пошлем за ним.

Делать было нечего. Ахмат согласился. Через короткое время появился толстый армянин. Он водил дружбу с начальством и оно, когда требовались деньги, всегда прибегало к его помощи.

Пиран пошептался с Иуане, тот кивнул головой и сказал Ахмату:

— Я дам тебе триста рублей на месяц, но если ты не вернешь их в срок, к твоему долгу каждый день будет прибавляться десять рублей.

Холодок пробежал по телу Ахмата, но он знал, что тестя ждет Сибирь, и другого выхода нет.

— Плохо, что вы даете мне такой короткий срок, — сказал он. Пиран закричал:

— Да ты, я вижу, хотел отделаться пустыми словами в таком серьезном деле!

Составили бумагу. Какой-то солдат расписался за Ахмата, армянин забрал расписку и отсчитал Пирану деньги. Тот положил триста восемьдесят рублей в карман, похлопал Ахмата по плечу и сказал:

— Не волнуйся, я займусь этим делом.

И Ахмат уехал домой.

А через неделю стало известно, что Дауита очень плох и умирает в тюрьме. Ахмат тут же отправился в путь, но к его приезду Дауита уже умер. Чтобы забрать покойного, нужно было получить разрешение врача. Ахмат попросил Пирана помочь ему.

— Э-э-э! — сказал Пиран. — Это очень трудно сделать. Ведь он умер от заразной болезни!

Через два дня он принес Ахмату какую-то бумажку.

— Ты знаешь, сколько пришлось отдать за эту бумагу! — сказал он. — Из всех твоих денег осталось только десять рублей, остальные все пошли в дело. Как много берут эти начальники! — добавил он, сокрушенно покачав головой.

Ахмат взял бумагу, получил тело покойного и отвез домой. Там его оплакали и похоронили.

Кто и когда сумел вырвать кусок из волчьей пасти? Ахмат не получил от Пирана назад ни копейки. Он вовремя вернул долг армянину, но, плохо разбираясь в денежных делах, оставил у него свою расписку.

Прошло около двух лет. Однажды у ворот Ахмата остановился пристав с пятью стражниками. Айсса вышла к ним, поздоровалась и сказала:

— Хозяина сейчас нет, он в горах со скотом, но дом наш здесь. Входите, угоститесь, чем Бог послал.

Пристав не стал с ней разговаривать, повернул коня и направился на пастбище. Он подъехал к пастухам и приказал старшему из них:

— Отдели овец Ахмата. Их надо продать с торгов в возмещение долга.

Ахмат, опершись о ружье, воскликнул:

— Как! Ведь я давно вернул долг! Вы что, хотите, чтобы я платил второй раз?!

Пристав достал из сумки какую-то бумагу.

— Смотри, вот твоя расписка. Ты должен был армянину

триста рублей и не вернул их вовремя. Согласно договору, твой долг рос, и теперь составляет семь тысяч.

Напрасно призывал Ахмат в свидетели Бога и пастухов, которые видели, как он вернул деньги Иуане.

— В денежных делах главное — расписка, а не свидетели, — ответил пристав.

Овец Ахмата отогнали в сторону, пристав пересчитал их и велел гнать вниз. Ахмат никак не мог поверить, что у него отнимут его овец, за которыми он ходил, как за малыми детьми.

Но когда он увидел, что их и вправду угоняют, он бросился следом и повернул овец обратно.

— Бейте его! — крикнул пристав стражникам.

Те стали хлестать Ахмата нагайками, но грянул выстрел, и один из стражников свалился с лошади. Ахмат выхватил кинжал — и второй стражник скорчился на земле. Остальные трое зарубили Ахмата саблями и угнали овец.

Пастухи положили тело Ахмата на носилки и отнесли домой. Собрался народ. Люди оплакали Ахмата, похоронили его и разошлись, сказав: «Светлая тебе память, ты умер как мужчина». И долго еще из осиротевшего дома слышались причитания Айссы.

Ее лицо покрылось смертельной бледностью, глаза не сохли от слез, сердце почернело от горя. Она худела изо дня в день и плакала, не переставая. Через неделю стало ясно, что она лишилась рассудка. Она ходила по улицам, повесив на себя шашку Ахмата, и кричала:

— Кто убил Ахмата? Кто убил Ахмата?!

Разум окончательно покинул ее, она бродила по горам, и никто не мог удержать ее.

В ночь под Новый год она опять ушла из дому, и над рекой Урсдон ее растерзали волки.

Дыса

Когда-то в Ганисе жили пять фамилий: Тогузата, Сачината, Гадията, Дзестелта и Дзгойта.

Это был работающий народ, они ни в чем не знали нужды, любили друг друга и жили дружно, как одна семья. Они щедро делились своим достатком с бедняками, тянувшимися к ним со всех сторон, и встречали чужих так же приветливо, как и своих.

Однажды в Ганис пришли муж и жена. Его звали Дзанаспи, ее — Дыса. Им отдали какой-то сарай на краю села, и они поселились там.

Дыса была мастерица на все руки, Дзанаспи — искусный сказитель, и люди полюбили их.

Когда русские войска стали двигаться на юг, в горах началось строительство дорог. Как-то зимой ганисские мужчины, по одному от каждого дома, отправились на дорожные работы. Дзанаспи пошел вместе со всеми.

Он попал в лавину на склоне Гордзле и разбился об скалы далеко внизу. Был сильный снегопад, дул северный ветер. Одна за другой с грохотом сходили лавины, и труп Дзанаспи оказался погребенным под снегом на дне ущелья.

Через три дня выглянуло солнце. Мир сверкал белизной, лишь кое-где по склонам чернели стены домов. Дыса стояла у двери, глядя в сторону перевала: она ждала Дзанаспи. На забор села ворона и стала каркать в ее сторону, словно вестник беды.

«Не случилось бы чего с моим мужем», — подумала Дыса.

Тем временем сверху прибежал человек с черной вестью. От причитания Дыса камни бы растаяли, превратившись в слезы. Но и камни были скрыты под толстым слоем снега.

Люди по тревоге отправились в горы и три дня провели в поисках, раскапывая снег. Найти Дзанаспи не удалось, и он остался лежать в ущелье до весны. Дыса каждый день уходила на поиски, но напрасно: ей тоже не удалось найти тело мужа.

Но вот день стал удлиняться, пригрело солнце, пришла весна. Снег начал таять, и однажды кто-то обнаружил на дне ущелья тело Дзанаспи.

Дыса была бедна, поэтому соседи похоронили и помянули покойного за свой счет, сказали: «Светлая тебе память» — и разошлись. Долго еще из осиротевшего дома слышались рыдания вдовы.

В знак траура Дыса надела на себя рубаху из грубой шерсти и целый год не прикасалась к скоромному. Через год она с помощью соседей сделала последние поминки по мужу и сняла траур.

Она была уже немолода, но и старой ее нельзя было назвать. Впоследствии многие сватались к ней, но она никому не давала согласия и жила одиноко и бедно в своем убогом углу.

Как раз в это время у начальника Косетского округа служил возницей Мацка Мирикаты. Он кое-что умел говорить по-русски, научился кое-как читать, очень этим гордился и

смотрел на людей сверху вниз. Если надо было обратиться к русскому начальству или дать взятку, его просили быть посредником. Постепенно Мацка стал правой рукой начальника округа. В народе он получил кличку «лисица», многие так и обращались к нему, хоть его и передергивало при этом.

Мацка часто бывал в Ганисе. В праздники он постоянно болтался там и не пропускал ни одного застолья, скромно присаживаясь с краю. Небольшого роста, худой, с большим горбатым носом, глубоко посаженными серыми глазами, тонкими губами, с торчащими густыми бровями и усами, он был похож на черта.

Ему понравилась Дыса, и он решил посвататься к ней. Он стал еще чаще бывать в Ганисе, надеясь как-нибудь сблизиться с Дыса, но даже поговорить с ней не смог, потому что она сразу сообразила, что у него на уме, и избегала его.

Мацка был закоренелым холостяком и состарился, подбирая хозяйские объедки. Одному Богу известно, почему к старости ему взбрело на ум жениться.

Как-то летом вышел указ переписать все население. Мацка с приставом отправились в Ганис. По дороге Мацка сказал приставу:

— В Ганисе мне понравилась одна вдова. Помог бы ты мне засватать ее!

Пристав ответил, глядя вдаль:

— По нынешним законам для этого нужно ее согласие. Если она не будет возражать, то сделать это очень легко.

— В том-то и дело, что она, как я понял, не особенно этого хочет. Но, думаю, согласится, если ты припугнешь ее.

— Хорошо, посмотрим, — ответил пристав.

В Ганисе они остановились у священника. Молодой черноусый пристав сидел за столом и, звеня медалями, листал какие-то толстые книги. Напротив него, перебирая четки, сидел, как сыч, волосатый священник. Его жена крутилась по углам, собирая на стол, временами поглядывая на пристава. Она то садилась рядом с мужем напротив гостя, то вскакивала, как будто ее что-то жгло. Вид пристава явно приводил ее в волнение.

Мацка, похожий на старого черта, стоял рядом с ними и громко выкрикивал в дверь имена тех, кого называл пристав. Перепись началась.

Через некоторое время пристав, откинувшись на спинку стула, сказал:

— Э-э... Позови-ка сюда вдову.

Мацка вышел и вскоре вернулся вместе с Дыса. Она остановилась в дверях. Пристав посмотрел на нее и сказал:

— Поговори-ка вот с батюшкой.

Священник был предупрежден заранее. Он встал и вышел с нею за дверь.

— Привалило тебе счастье, Дыса, — сказал он. — До сих пор в твоей жизни не было ничего хорошего, а вот теперь Бог увидел тебя и решил помочь. На тебе хочет жениться Мацка!

— Пусть проклявший нас страдает до того дня, когда я выйду замуж! — ответила Дыса. — Я ведь уже старуха, время ли мне думать о замужестве?

— Не упорствуй, Дыса! Перед тобой открывается жизнь, а ты отворачиваешься от нее! В наше время все зависит от тех, у кого в руках власть, а Мацка им как сын родной. И денег у него много.

— Нет, нет, храни тебя Господь, не говори мне о нем! Пусть ему пойдут впрок его деньги... А начальство — что мне до него?

— Не говори так! Упаси тебя Бог навлечь на себя его гнев! Ведь тебя сгноят где-нибудь, никто и не узнает, куда ты делась.

— Да неужели они такие звери, что и человека могут погубить?

— Они не звери, но властны делать над людьми все, что угодно.

Дыса сказала, опустив глаза:

— Пусть делают, что хотят. Ведь даже змея не жалит без причины. Я замуж не пойду.

— Говорю тебе, как родной дочери: смотри, не ошибись. А там дело твое...

— Дай Бог здоровья твоей дочери, но замуж я не собираюсь.

Священник вернулся в дом и передал весь разговор приставу. Дыса направилась было домой, но пристав велел вернуть ее. Когда она снова появилась в дверях, он спросил:

— У тебя есть билет?

— Какой билет?

— Вид на жительство.

— Так меня здесь все знают! Спроси вот у священника, с каких пор я здесь живу.

— У священника свои дела, у меня — свои. Я в этом округе начальник, и должен делать то, что мне предписывает закон. А закон велит мне арестовать любого, у кого нет билета.

— В этом селе ни у кого нет билета, что же, ты всех их арестуешь?

— А это уж не твое дело. У тебя нет билета, и я пока арестую тебя.

Дыса заперли на замок в каком-то хлеву. Три дня, пока продолжалась перепись, ее продержали там, а потом снова привели к приставу.

— В какой срок ты сможешь представить билет оттуда, где жила раньше? — спросил ее пристав.

— Какой там билет! Разве князя дадут мне его, ведь мы бежали от них...

— Еще лучше! Так ты из абреков?!

— Я не из абреков. Князь хотел продать нас вместе с мужем, вот мы и ушли от него.

— Какая разница, почему вы ушли! Любой, кто бежал от хозяина — разбойник! Уж теперь-то тебя обязательно надо связать и отправить к князю.

Пристав так и сделал, попутно отправив князю записку:

«Возвращаем Вам женщину из беглых холопов. Прошу не отсылать ее никуда, она нам еще понадобится, и мы выкупим ее».

Перепись закончилась, пристав с Мацка уехали. Через несколько дней пристав дал Мацка бумагу, и тот отправился выкупать Дыса. Он дал за нее князю пятьдесят рублей.

Волей-неволей она стала женой Мацка. Они жили как собака с палкой, ничего друг другу не прощая. Мацка надеялся силой добиться ее любви, и бил ее каждый день. А Дыса ненавидела его, не подходила к нему близко, и он не слышал от нее ни одного доброго слова.

Так они жили. Мацка по-прежнему служил возницей, Дыса стирала господское белье.

Они не были обвенчаны. Однажды Мацка с приставом отвезли Дыса в Ганис и буквально силком загнали в церковь. Мацка сунул священнику пять рублей, тот их обвенчал.

Шли годы. Косетское начальство сменилось. Новое не было расположено к Мацка; в Косете для него уже не было места, и ему пришлось поселиться в Ганисе, в курятнике Дыса.

Он привык есть за одним столом с господами и требовал, чтобы Дыса кормила его тем же. Но откуда могла взять Дыса изысканные блюда? А Мацка всегда бил ее за это. Много раз обращалась Дыса в церковный суд, но ответ всегда был один: «Кого соединил Бог, тех люди развести не властны». И ей приходилось, плача, возвращаться домой ни с чем.

Мацка шатался по свадьбам и поминкам. Однажды, возвращаясь с попойки, он, пьяный, свалился со скалы. Люди принесли его труп домой, похоронили и разошлись.

А Дыса остаток лет прожила в свое удовольствие, хоть и в бедности, но свободной.

Сафиат

Когда-то давно в Алагирском ущелье, в селении Нузал, жил бедный человек Саукудз Сауаты с женой своей Саниат. Саукудз мечтал о сыне, но у них долго не было детей. Наконец жена его забеременела.

Однажды ненастной зимней ночью Саукудз сидел у огня, накинув на плечи старую шубу. За дверью бушевала метель; в очаге, вспыхивая неровным пламенем, горел хворост. В углу на соломенном тюфяке лежала Саниат. Ей пришло время рожать, и она стонала, держась руками за живот. Соседские женщины, собравшись вокруг, подбадривали ее и помогали, как могли. Прошло немного времени, и Саниат родила девочку. Женщины смолкли. Наконец одна из женщин произнесла:

— Все же лучше девочка, чем совсем ничего.

— Жизнь женщины черна, и рождается она в черный день, — ответила, застонав, Саниат.

Через семь дней собрала Саниат соседок, и они дали девочке имя Сафиат.

Шло время. Сафиат росла в любви и ласке, ни в чем не зная нужды. Родители не могли нарадоваться на нее, и Саукудз уже не вспоминал, что мечтал когда-то о сыне.

Когда Сафиат исполнилось семнадцать лет, о красоте ее уже ходили легенды. Она и вправду была красива: черные глаза и брови, чистый высокий лоб, длинные толстые косы, красиво очерченный рот, белоснежные зубы, тонкая талия — словом, всем красавицам красавица.

Многие юноши сходили по ней с ума, к ней отовсюду приезжали сваты, но никто не мог добиться ее согласия. Отец тоже пока не хотел отдавать ее никому. Он гордился красотой дочери и не видел вокруг никого, кто был бы, по его мнению, достоин ее.

Неподалеку от Нузала, в Алагирских горах жил Бибо из рода Тулата, смелый человек и отличный наездник. У него

повсюду были друзья — в Чечне, Ингушетии, Кабарде. Тулата издавна были в кровной вражде с Сауата, родом Саукудза.

И вот случилось так, что Бибо и Сафиат полюбили друг друга. Им приходилось скрывать свои чувства, и никто из людей не знал об их любви. Бибо не смел и думать о том, чтобы послать сватов в дом кровников.

В те же годы в Ардоне¹ жила старая вдова по имени Айсат. У нее не было никого, кроме единственного сына Гади. В доме Айсат часто останавливались приезжие русские, чиновники и торговцы. Айсат радушно принимала их, надеясь, что они обучат ее сына своему ремеслу. И в самом деле, Гади очень быстро научился говорить по-русски и мало-помалу начал разбираться в коммерции.

Благодаря стараниям матери, Гади сдружился с начальством, и вскоре уже пристав повсюду брал его с собой. Однажды они вдвоем поехали в Нузал. Был какой-то праздник, молодежь танцевала на площади, и среди танцующих Гади увидел Сафиат. Ее красота поразила его. Словно окаменев, стоял он среди праздничной толпы и не сводил глаз с плывущей в танце Сафиат.

С тех пор Гади стало трудно узнать. Он днем и ночью думал о Сафиат, забросил все дела и жил только своей любовью. Его старая мать была умной женщиной и сразу догадалась, в чем дело. Узнав, что сын влюблен в бедную горскую девушку, она сказала:

— Счастье не придет к тебе само. В наше время счастлив тот, кто богат.

Слова матери понравились Гади, и он с еще большим усердием занялся коммерцией.

Один хитрый человек из Нузала, по имени Кукуш, каким-то образом проведал о том, что Гади влюблен в Сафиат, и стал часто появляться в Ардоне. Он приходил в дом Гади с рассказами о Сафиат, поэтому его там всегда ждало угощение.

Как-то раз Гади снова отправился с приставом в Нузал и по дороге рассказал ему, что хочет посвататься к Сафиат. Приставу было приятно узнать, что его друг собирается жениться, и он обещал ему свою помощь.

Когда они приехали в Нузал, пристав попросил устроить танцы. Решили уважить гостей, собралась молодежь, начали танцевать, но танцы как-то не клеились. Наконец появилась

¹ Ардон — селение (ныне город) в равнинной части Северной Осетии.

Сафиат, подошла к танцующим и стала среди девушек. Все оживились, будто только ее и ждали. Веселье вспыхнуло с новой силой, и эхо в горах вторило звукам гармоники.

У Бибо в тот день были гости из Ингушетии, и он пришел с ними. Кукуш был избран распорядителем танцев, он старался сделать так, чтобы Сафиат все время танцевала с Гади. Когда же Бибо попытался ввести в круг одного из своих гостей, Кукуш стал выталкивать его. Бибо, разгневавшись, схватил Кукуша и вышвырнул его из круга. После этого веселье расстроилось, все разошлись, а на нихасе люди долго еще издевались над Кукушем, позорно изгнанным с танцев. Обозленный Кукуш поклялся, что не простит Бибо этого оскорбления.

Тем временем пристав пошел к Саукудзу сватать Сафиат за Гади.

— Хорошей поддержкой тебе будет Гади, — сказал он Саукудзу. — У него много друзей среди начальства!

В те времена мало кто решился бы возразить приставу. Саукудз тоже не стал возражать, только заметил:

— Это зависит еще и от дочери, захочет ли она...

Кукуш затаил злобу против Бибо и искал способа, чтобы посчитаться с ним. Однажды он случайно подслушал разговор Сафиат с Бибо и понял, кто перешел дорогу Гади.

В тот же день он поехал в Ардон и рассказал Айсат и Гади все, что слышал. Айсат ласково приняла его и хорошо угостила.

— Кукуш, — сказала она, — надо, чтобы Бибо был наказан за причиненное тебе зло. Но для этого ты подтвердишь все, что Гади завтра скажет о нем приставу.

Кукуш согласился. Айсат обратилась к Гади:

— Отнять невесту — все равно, что отнять душу. Пусть не пойдет тебе впрок мое молоко, если ты не сумеешь натравить на Бибо власти и тем отомстить за свою обиду!

И Гади дал матери слово, что сделает, как она хочет.

Махамат, батрак Гади, слышал их разговор и послал человека предупредить Бибо.

На другой день Гади заявил приставу, что Бибо конокрад, что он грабит и убивает людей на дорогах. Кукуш подтвердил его слова. Пристав отправил за Бибо казаков, но те вернулись ни с чем: Бибо успел скрыться.

Через некоторое время Саукудз, возвращаясь домой из Дзауджака¹, остановился на ночлег в доме Гади. Тот щедро угос-

¹ Д з а у д ж и к а у — осетинское название Владикавказа.

тил его, выставив на стол изысканные блюда и напитки. На другой день Саукудз отправился дальше. В дороге он простудился и, добравшись до дому, слег. Он позвал к себе дочь и стал уговаривать ее выйти замуж за Гади, а когда Сафиат отказалась, он обрушился на нее с проклятиями.

Его состояние все ухудшалось, и через неделю он умер.

В те времена было в обычае охранять могилу первые три ночи. В доме не было мужчин, поэтому вечером Сафиат сама отправилась к могиле отца.

Она стояла одна на пустынном кладбище. Ни души не было вокруг, только вороны кричали в густеющих сумерках. Наступила темная ненастная ночь. Сафиат напряженно вглядывалась во тьму, вздрагивая от каждого шороха; мрак и страх окружали ее. Вдруг призрак отца почудился ей, и она услышала его проклятья. Разум ее помутился от ужаса, она бросилась бежать...

На другой день в Нузале был праздник. Возле дзуара соби-рался народ. Все ждали старого Тасолтана, но он почему-то опаздывал. Вот и он появился, подошел торопливой походкой и сказал:

— Там, в балке, Сафиат. Кажется, она сошла с ума. Надо бы привести ее к дзуару.

Несколько человек побежали в балку и вскоре вернулись, ведя под руки Сафиат. Взгляд ее был неподвижен, она не понимала обращенную к ней речь и упала без чувств, когда ее подвели к дзуару. Люди стали молиться за несчастную Сафиат. Вскоре она открыла глаза, поднялась и безучастно стала поодаль.

В это время из лесу показался одетый во все черное человек. На плечи его была накинута бурка, мохнатая шапка почти скрывала лицо. Не обращая ни на кого внимания, он подошел к Сафиат, взял ее за руку и сказал:

— Пойдем. Ты найдешь свое счастье в Касарском ущелье, — и скрылся с ней в лесу.

Это был Бибо. Когда он понял, что случилось с Сафиат, сердце его окаменело от горя, и он решил броситься вместе с нею в пропасть. Он привел Сафиат на высокий утес, толкнул ее вниз, и она разбилась о выступ скалы. Бибо шагнул было следом, но вдруг какая-то мысль остановила его. Он задумался.

— Не годится оставлять в живых Гади и Кукуша, — сказал он себе и стал спускаться вниз.

К тому времени Айсат умерла, и Гади остался один. Когда

он услышал о гибели Сафиат, его стала мучить совесть. Мысль о том, что он стал виновником ее смерти, не давала ему покоя.

Однажды к нему пришел Кукуш.

— Убирайся и не показывайся мне больше на глаза! — кричал Гади. — Это ты виноват во всем!

— Мы оба виноваты в том, что произошло, — ответил Кукуш, — так что помалкивай и не вздумай никому говорить об этом.

— Ладно, Бог с тобой. Вот тебе постель, ложись спать.

Что-то в лице Гади показалось Кукушу подозрительным, и он поменялся местами с Махаматом. Ночью Гади бесшумно пробрался в комнату и убил спящего батрака.

А Кукуш в это время был уже далеко: он искал Бибо, чтобы свалить всю вину на Гади. Но Бибо, увидев Кукуша, схватил его и привязал к дереву. Напрасно молил Кукуш о пощаде — Бибо не стал его слушать и снес ему саблей голову. После этого он поскакал в Ардон, нашел там Гади, и в схватке они убили друг друга.

А в Касаре ветер долго еще трепал на выступе скалы две длинные черные косы.

Сестра и брат

В былые времена народы, живущие на склонах Кавказа, часто враждовали. Они истребляли друг друга, нападали на соседей, угоняли скот, захватывали пленных. Грузинское государство было не в состоянии подчинить их себе, и на его границах шли постоянные войны. В конце концов Грузия пришла в упадок под ударами Турции, Персии и Дагестана. Русские на Кавказе еще не появились, власти никакой не было; время было смутное и беспокойное.

В те времена у истоков реки Чсан, на выступе горы стоял дом, в котором жил Ахмат Битарты. У Ахмата было двое детей, дочь и сын — Тамар и Казара. Жил Ахмат богато, всего имел вдоволь, и слава о его богатстве разнеслась далеко.

Было весеннее утро. Солнце сияло с голубого неба, и мир после ночного дождя сверкал под его лучами. Казара пригнал с пастбища коров на утреннюю дойку. Семья принялась за работу. Весело пенилось в ведрах молоко, ласково светило солнце, жизнь улыбалась людям.

Тем временем из лесу показался небольшой отряд, человек в пятнадцать. Ахмат, взглядевшись, воскликнул:

— Бог послал нам погибель! Это дагестанцы!

Всадники между тем были уже рядом. Поднялась стрельба. Свистели пули, эхо выстрелов гремело над ущельем. Раненый Ахмат скатился с обрыва в заросли и кричал оттуда:

— Бегите, прячьтесь!

Но напавшие уже поймали Казару и Тамар и крепко связали им руки. Остальные члены семьи попрятались кто куда.

А дагестанцы обыскали дом, забрали все, что было там ценного, согнали скот и отправились домой, прихватив с собой Тамар и Казару.

Ахмат был тяжело ранен, но здоровье у него было крепкое, и он быстро поправился. Дом его теперь был пуст, от всего добра осталась одна-единственная овца, отбившаяся от стада. Но не зря говорят, что жизнь держится на плечах работающих людей. Ахмат был тружеником, и в скором времени дом его снова был полон добра. Однако Ахмату было мало радости от богатства, он жил в тоске и тревоге о детях.

Казару в Дагестане купил один бездетный наиб, а Тамар повезли дальше, в Аварскую землю, и продали там. Казара долго тосковал по дому, но со временем привык к новой жизни. Он был юноша добрый, умный и работающий, и наиб полюбил его, как родного сына. Вскоре Казара стал полноправным хозяином в доме: наиб по всем делам советовался с ним. Казара много раз собирался бежать, но мысль о том, что он причинит боль своему приемному отцу, останавливала его. Он научился говорить по-аварски, усвоил тамошние обычаи, и люди полюбили его. Дагестан стал для него второй родиной.

А Тамар постоянно думала о брате. Одинокая среди людей, она была непокорна и строптива. Хозяин продал ее другому человеку, тот через несколько лет тоже решил избавиться от нее и повел продавать. Так случилось, что она оказалась возле дома наиба, у которого жил Казара.

Наиб сидел у дверей, накинув на плечи шубу.

— Куда ты ведешь эту девушку? — спросил он хозяина Тамар.

— Хочу продать ее.

— А сколько ты за нее просишь?

— Двенадцать золотых.

— Ну что ж, это не много. Я куплю ее, если она понравится моей жене.

Он позвал жену.

— Взгляни на эту девушку, — сказал он ей. — Может, мы возьмем ее для нашего Казары?

Женщина посмотрела на Тамар, подумала и ответила:

— Мне кажется, она хорошая девушка. Она мне нравится.

Наиб отсчитал двенадцать золотых, и Тамар отвели в дом. Казара был на жатве. Когда он вернулся, наиб позвал его к себе.

— Посмотри, Казара, какую я нашел тебе жену. Она красива, как ханская дочь!

Тамар стояла неподвижно, опустив глаза. Прошедшие годы изменили ее, в ней не осталось ничего от той девочки, какой ее знал Казара. Он сам тоже повзрослел и возмужал, отпустил усы и теперь выглядел взрослым мужчиной. Словом, брат и сестра не узнали друг друга.

После ужина наиб с женой ушли спать. Казара сидел на стуле, Тамар молча стояла рядом.

— Мы не знаем друг друга, — сказал Казара, — оба мы люди пришлые и встретились в чужом краю. Скажи мне, кто ты, где твоя родина?

— Я из Осетии, — отвечала Тамар, — отца моего звать Ахмат Битарты. Нас с братом абреки угнали в неволю и продали в разные места. — Она утерла концом платка выступившие слезы. — С тех пор я не знаю, где мой брат и жив ли он. Я все время думаю о нем, и душа моя стала тоньше волоса.

Казара почувствовал, как сжалось его горло и на глазах выступили слезы. Сердце его от радости готово было выскочить из груди, он долго не мог произнести ни слова.

Наконец, овладев собой, он поднялся и воскликнул:

— Хвала Всевышнему, он уберег нас от греха и несчастья! Ведь твой брат, сын Ахмата — это я!

И они бросились друг к другу, не в силах сдержать слез и не веря своему нежданному счастью. Потом они сели, взявшись за руки, и Тамар сказала:

— Пусть принесут меня тебе в жертву! Прошу, не говори наibu, что я твоя сестра.

— Почему же? — удивился Казара.

— Так уж устроена душа власть имущих, они не любят, если что-нибудь происходит не по их воле. Боюсь, если наиб узнает правду, он продаст меня, и мы с тобой снова разлучимся. Пусть остается все как есть, а там посмотрим.

Они поклялись хранить свою тайну, а потом долго еще рассказывали друг другу обо всем, что с ними приключилось.

Наутро, когда солнечные лучи заглянули в окно, брат и сестра поднялись. Казара отправился в поле, а Тамар осталась хлопотать по дому.

Летело время. Прошло пять лет, но никто так и не узнал, что Казара и Тамар — брат и сестра. Однажды наиб сказал жене:

— Похоже, у Тамар никогда не будет детей. Придется, видно, взять для Казары вторую жену.

Как решили, так и сделали. Вскоре у Казары появилась жена, аварская девушка. Она родила двух сыновей, назвали их Умар и Ахмат.

Казара очень любил жену, и не было у него от нее никаких тайн, кроме одной: он так и не открыл ей, что Тамар его сестра. А жена, глядя на них, ничего не могла понять: они вовсе не были похожи на супругов.

Однажды она спросила его:

— Ради Аллаха, скажи, кого из нас ты любишь больше?

— Конечно, тебя, — ответил Казара.

— Именем пророка тебя заклинаю: скажи мне правду!

— Клянусь Аллахом, — весело сказал Казара, — больше всех на свете я люблю Тамар, второй такой жены не найти во всем мире!

Эти слова оскорбили молодую жену, и она, надувшись, уехала в угол. Весь следующий день она ни словом не обмолвилась с мужем, и старики обратили на это внимание. Так продолжалось и на третий день, а когда Казара попытался успокоить жену, она ему гневно сказала:

— Иди к той, равной которой нет на свете!

— Конечно, нет! — ответил Казара, которому все это уже порядком надоело. — Конечно, нет, потому что она — моя сестра.

— Что значит «сестра»?! До сих пор она была тебе женой, а теперь вдруг стала сестрой?!

— Она была, есть, и до конца дней будет мне сестрой!

Тут в комнату вошла Тамар, которая слышала весь их разговор, и рассказала все с самого начала: как они с братом попали в плен к абрекам, как их продали в неволю, и как они, в конце концов, встретились.

На другой день жена наиба стала расспрашивать невестку о причине их ссоры, и та рассказала ей все, что услышала. Пораженная старуха побежала к мужу. Изумлению наиба не было границ. Он позвал к себе Тамар и Казару и сказал им:

— Бедные мои дети! Отчего же вы сразу не сказали мне, что вы брат и сестра? Ведь я, сам того не зная, толкал вас к греху. Бог испытывал вас, но вы оказались тверже гранита. Дьявол держал вас в сетях, но вы победили его! Скажите, что вам нужно от меня, я все для вас сделаю.

Тамар и Казара упали перед наибом на колени, поклонились ему до земли.

— Превыше всего на свете мы ценим твою любовь, — сказали они, — сделай так, чтобы мы еще раз увидели наших родителей.

Наиб подошел к ним, поднял с земли.

— Я выполняю вашу просьбу, — ответил он.

На следующий день они стали готовиться в дорогу. Приготовили много подарков — драгоценное оружие, резвых коней, богатую одежду. Вскоре Тамар и Казара отправились в путь. Наиб ехал вместе с ними, а позади скакали десять всадников. Жена наиба, плача, провожала их в дорогу.

— Клянусь всемогущим Аллахом, — пообещал ей Казара, — я только повидая своих родителей, если они еще живы, и вернусь.

Через четыре дня они сошли с коней на лужайке возле дома Ахмата. Хозяин решил, что это снова грабители, и встретил их с оружием наготове. Казара и Тамар вышли вперед и на ломаном осетинском языке называли себя. Когда Ахмат понял, кто перед ним, он выронил ружье из рук, бросился к детям и обнял их. По его лицу текли слезы.

Он поклонился наибу и сказал:

— Благодарю тебя, ты спас моих детей и дал мне возможность снова увидиться с ними. Благодарю также Всевышнего, который дал тебе доброе сердце. Да будет благословен день твоего рождения, и да будет далек день твоей смерти. Я клянусь тебе в моей преданности до конца дней! — и он снова поклонился и поцеловал наибу руку.

Они вошли в дом. Вскоре запылал огонь, закипели котлы, готовилось угощение. Ахмат между тем беседовал с наибом. Его дети уже плохо помнили осетинский язык, и не смогли перевести наибу и половины того, что говорил Ахмат, но наиб был человеком умным и проницательным и понимал все достаточно хорошо.

Но вот ужин готов, хозяева и гости уселись за столы и пировали до глубокой ночи. А когда все улеглись спать, не уснул один Ахмат. Он долго сидел, глядя то на сына, то на

дочь, осторожно гладил их по голове, все еще не веря своему счастью, и слезы радости катились из его глаз.

Наутро, когда гости встали, их уже ждало новое угощение, и, умывшись и помолившись Богу, все снова сели за столы.

В соседних селах узнали, что за гости пожаловали к Ахмату. Соседи наперебой стали приглашать их к себе. Так прошло четыре дня, а на пятый наиб стал собираться в обратный путь. Ахмат подарил ему на прощанье драгоценное оружие, его спутникам тоже сделал подарки, как и было положено: кому — черкеску, кому — бешмет, кому — башлык; не забыли никого.

Радостно было Казаре увидеть отца и мать, но все же он скучал по своей семье, ему хотелось увидеть детей. И он сказал родителям:

— Я перед Богом обещал моей приемной матери, что вернусь. Я поклялся ей в этом, и не могу нарушить клятву; кроме того, перед наибом я на всю жизнь в долгу. Но теперь, когда мы нашли друг друга, мы не расстанемся больше и будем видеться каждый год.

Ахмат вытер набежавшую слезу.

— Нарушившему клятву нет места ни на земле, ни под землей, — сказал он. — Возвращайся, раз обещал. Но не забывай и нас.

Они крепко обнялись. Гости пожали хозяевам руки, попрощались с ними и пустились в далекий путь.

Тамар осталась в доме отца.

А путники через четыре дня вернулись домой в Дагестан, и жизнь их снова потекла по привычному руслу.

Хороший человек делает людям добро, и слава о нем не исчезнет. Благодаря Тамар, Казаре и наibu между дагестанцами и осетинами возникли дружеские отношения. Люди стали ездить друг к другу с товарами, перестали бояться набегов. Наиб и Казара каждый год гостили у Ахмата и всякий раз приводили с собой много спутников, чтобы познакомить их с осетинами. А когда Ахмат и Тамар отправлялись в гости к наibu, они тоже брали с собой много людей. В конце концов стычки между двумя народами полностью прекратились, и они стали жить в мире.

Шли годы. Менялись времена. Грузия присоединилась к России, но народы горного Кавказа отказывались покориться. В 1830 году Абхадз¹ усмирил горцев, но Шамиль еще воевал. В

¹ А б х а д з — имеется в виду генерал Абхазов.

эти тревожные годы Тамар не имела никаких вестей от Казары. Ахмат состарился, дальняя поездка была ему уже не по силам, но Тамар, чье сердце болело о брате, решила ехать в Дагестан.

Однажды она собрала все необходимое и отправилась в путь в сопровождении трех родственников. Они благополучно добрались до места, но там их ждали горестные известия. Селение было разрушено, наиб и Казара с сыновьями пали в бою. На месте их дома виднелись лишь закопченные развалины. Тамар стала искать могилу брата, но никто не смог сказать ей, где он похоронен, и она, плача, пустилась в обратный путь.

Цыппу из Куга

С южной стороны Кавказского хребта лежит Кудское ущелье. Сама природа создала здесь неприступную крепость: высокие скалистые горы, труднодоступные пещеры, узкие проходы.

Когда закончилась война на Кавказе, и в горах установилось относительное спокойствие, купцы из Калака понемногу начали возить товары через Дарьяльское ущелье. Возчиками они нанимали местных жителей. От Дзауджикау до Косета грузы везли осетины, а дальше до Калака — грузины.

Цыппу жил у реки Арагви, в самом верхнем ее течении. Однажды он отправился в Коб наниматься в возчики. С ним были пятеро его товарищей: Сугар, Тотрадз, Цицо, Гайти и Дудар. В Кобе они подрядились везти партию сукна. Торговец спросил у Цыппу имя и фамилию, и тот назвался Хафыном Карныховым¹ из Кудского ущелья. Торговец выписал на это имя две бумаги, одну отдал Цыппу, вторую оставил себе. Новоявленные возчики погрузили товар на арбы и тронулись в путь. Ночью они свернули с дороги, развезли сукно по своим домам и спрятали.

Прошло некоторое время. Купец в Калаке не дождался своего товара и заявил властям о пропаже. Стали искать Хафына Карныхова, но в Кудском ущелье никто о таком не слышал. Поиски вскоре прекратили, а через два года, когда дело забы-

¹ Хафын Карныхов — вымышленные имя и фамилия, от осетинских слов «хафын» — «стащить» и «карных» — «вор».

лось, Цыппу и его друзья начали осторожно продавать сукно.

В те годы Бибо Рубайты был тайным осведомителем у начальника Косетского округа. Он из кожи лез, чтобы выслужиться перед начальником, и доносил на своих земляков обо всем, что знал и чего не знал, а начальник дал ему в награду медаль, и деньгами тоже не обижал.

Дошли до Бибо слухи о похищенном сукне, и потерял он с того дня покой и сон. Стал он выслеживать Цыппу. А тот продал свое сукно в Чсане и поехал домой. Бибо узнал об этом, помчался в Чсан, перекупил там два куска сукна и отправился к начальнику округа с доносом на Цыппу и его друзей.

Начальник отправил сукно в Калак, и вскоре получил от туда ответ: купец узнал свой товар.

В тот же день в Куд прибыл отряд стражников. Они схватили Цыппу, схватили его друзей и доставили их в Косет. Начальник долго допрашивал их, но ничего не добился: они все отрицали. Тогда начальник приказал заковать их в кандалы и бросить в тюрьму. Они просидели в Косетской тюрьме четыре месяца, а потом их отправили в Калак.

Однажды тюремная дверь со скрипом распахнулась. Вошел офицер и громко прочитал имена и фамилии шестерых друзей. Они вышли, за дверью их ждали десять солдат с ружьями. Солдаты окружили арестованных и отвели в какой-то большой дом. Там заседал суд. Друзей, одетых в серые арестантские шинели, усадили на длинную скамью, и разбор дела начался.

Продолжался он недолго. Не прошло и часу, как судья объявил решение: Цыппу и его друзья были признаны виновными и приговаривались к лишению всех прав и высылке в Сибирь на вечную каторгу. После этого их под конвоем отвели обратно в тюрьму.

Была ясная ночь. Луна серебряным глазом весело смотрела сквозь решетку. Арестанты, усевшись поближе к окну, молча глядели на небо и думали каждый о своем. Долгое молчание нарушил Цыппу:

— Не лучше ли принять смерть на родине, чем погибнуть в Сибири? Человек живет и умирает только раз.

Товарищи согласились с ним. Они долго совещались и решили бежать любой ценой. И поклялись обрести свободу, либо погибнуть.

Через месяц их погнали в Сибирь. Они шли к перевалу в

сопровождении двенадцати солдат. На ночлег остановились в селении Нуаза, теперь там находится станция Циклан.

— Случая удобнее не будет, — сказал Цыппу товарищам. — Ночь темная, места знакомые, лес близко. Бежим сегодня же.

В этот день был праздник Ломиса. У Цыппу еще оставалось немного денег, он дал их солдату и попросил купить в лавке побольше водки. Купили также барашка, зарезали его и затеяли пирушку. Арестанты только делали вид, что пьют, солдаты же пили с удовольствием. В конце концов они охмелели и вповалку улеглись спать, лишь один из них остался караулить. Опершись о ружье, он сидел у огня и поминутно клевал носом. Цыппу подал условный знак. Арестанты вскочили и бросились вверх по склону в сторону леса. Часовой стал кричать, выстрелил им вслед. Другие солдаты проснулись и бросились в погоню за беглецами. Им удалось поймать одного из них, Гайти, остальных и след простыл.

Беглецы шли всю ночь до рассвета, а когда стало светать, укрылись в лесу возле Чсанского монастыря. С наступлением темноты они двинулись дальше и вскоре добрались до Цорцоха. Там они зашли к кузнецу, и тот сбил с них оковы. Цыппу, плюнув на кандалы, сказал:

— Пусть никогда больше вы не коснетесь человеческой ноги!

Они остались ночевать в доме кузнеца, который напоил их, накормил и дал денег, а утром они отправились дальше и через перевал Мудзух спустились в Кудское ущелье. Теперь у них была одна забота: они ломали голову над тем, как выручить Гайти. Цыппу каждый день узнавал новости со станции и ждал, не появится ли их товарищ. Однажды снизу пришла какая-то старуха и сообщила: Гайти уже на станции, завтра утром его поведут дальше.

Абреки устроили на дороге засаду.

Наступило утро. Вершины гор сверкали под лучами солнца, в глубине ущелья еще лежала тень. Из-за поворота показалась арестантская команда. Когда она приблизилась к нависшей над дорогой скале, сверху внезапно прыгнули абреки. Никто не успел и глазом моргнуть, как они схватили Гайти, бросились с ним с обрыва и помчались вниз по склону. Через мгновение они мелькали далеко внизу. Солдаты открыли стрельбу, но абреки уже скрылись среди камней. Вскоре они появились среди скал на противоположном склоне, громко распевая веселые песни.

Они стали охотиться за Бибо Рубайты, но тот уже знал об

их побеге и, запершись дома, не показывал оттуда носа. Силой его было не взять, поджечь дом тоже нельзя было — сгорели бы и соседние дома. Время, таким образом, шло, а Бибо оставался жив.

Прошло лето. Горы покрылись снегом, дороги утонули в сугробах — ни пройти, ни проехать. Абреки разошлись по домам. Бибо, узнав об этом, поспешил с доносом к начальнику Косетского округа, а тот, собрав отряды из Хада и Хеви, послал их в Куд вместе с русскими войсками. Он собирался напасть ночью и захватить абреков врасплох, но в отряде оказался тот самый кузнец из Цорцоха, названный брат Цыппу. Он сумел предупредить абреков об опасности.

Абреки сделали засаду на дороге. Выдалась ясная лунная ночь, все было видно, как днем. Когда отряд подошел на расстояние выстрела, абреки открыли стрельбу. Двое солдат остались лежать на дороге, несколько человек было ранено, остальные, отступив, остановились на ночь в нижнем селении.

Цыппу и его товарищи тем временем держали совет. Положение было хуже некуда: уйти через перевалы зимой невозможно, единственный выход из ущелья занят войсками. Осталось только принять бой.

В скалах над селом была большая пещера, к ней вела крутая узкая тропа. В пещере бил родник. Ночью абреки загнали туда весь свой скот, натаскали сена, дров и съестных припасов. Утром они поднялись к пещере вместе с семьями — стариками и детьми — и стали готовиться к обороне. Вход в пещеру был открытым, кругом лежал глубокий снег, и набрать камней, чтобы сложить из них стенку, было невозможно. Тогда Цыппу зарезал несколько коров и из их туш сложил у входа укрытие.

На другой день начальник приказал взять село штурмом. Войска двинулись вперед, но в селе уже не было ни души, лишь над пещерой вился дымок. Солдаты полезли по следам беглецов вверх. Поднялась пальба, градом сыпались пули, пороховой дым стлался сизым облаком. Весь день длился бой, а к вечеру войска отступили.

Так продолжалось до самого Рождества, а после Рождества солдаты подвезли пушки, и штурм возобновился с новой силой.

Сперва из пушек стреляли обычными ядрами, но они отскакивали от смерзшихся коровьих туш. Тогда начали стрелять разрывными снарядами. Многие из них залетали в пещеру и, ударившись о ее свод, падали на пол. В те времена сна-

ряды взрывались от горящего фитиля. Осажденные бросали их в воду, и фитиль гас. Таким образом, снаряды не приносили никакого вреда, мало того, пороха, добытого из каждого, хватало на семьдесят выстрелов. Один снаряд все же разорвался в самой глубине пещеры, но от взрыва никто не пострадал.

Близилась весна. Съестные припасы подходили к концу, и абреки решили бежать. Они сплели себе снегоступы, сшили белые накидки, чтобы их не было видно на снегу, и вечером выскользнули из пещеры. Никем не замеченные, они ушли вверх по склону. К утру они уже спустились в Дзымыр и остановились в селении Тогойта. Их семьи остались в пещере. Косетский начальник захватил на другой день женщин и детей и отправил в Калак, где они пробыли три года, пока их не вернули домой.

В селении Тогойта было всего пять домов, но над ними высилась большая боевая башня в семь ярусов. Впоследствии ее разрушили русские войска, но и теперь ее развалины выглядят внушительно. Абреки рассчитывали пробыть здесь один день, но в конце концов остались надолго, поселившись в башне.

Вскоре до властей дошел слух, что абреки живут в башне Тогойта. Начальник Косетского округа пришел с войсками со стороны Арагви, а из Чсана привели свои отряды князя Эристави. Снова начались боевые действия.

Гаус Нарон считался другом Цыппу. Однажды он вместе с дзымырским священником пришел к косетскому начальнику.

— Чем наградишь нас, если мы заманим абреков в ловушку? — спросил он.

Начальник пообещал им медали и по сто рублей денег.

На другой день Гаус и священник поднялись к абрекам.

— Я пришел с хорошими вестями, — сказал Гаус. — Власти простили вам все преступления. Идите за мной, я отведу вас к начальству. Поверь мне, Цыппу, никто не причинит вам никакого вреда. Батюшка, подтверди мои слова.

Священник, держа в руке крест, согласно кивал головой. Цыппу внимательно слушал их, а они так горячо уговаривали его, что у него в конце концов не осталось никаких сомнений в том, что его обманывают.

— Хорошо, — сказал он, вставая, — пусть будет по-вашему. Но сперва сделаем зарубку в знак нашей искренности. Дай-ка мне кинжал.

Гаус протянул ему свой кинжал. Цыппу взял его, тут абре-

ки схватили Гауса и привязали к столбу. Священник, увидев это, с необыкновенной резвостью подбежал к краю обрыва и прыгнул вниз. Он съехал по каменной осыпи, ободрал до крови зад, вскочил на ноги и помчался к солдатам.

Цыппу весело кричал ему вслед:

— Не бойся, батюшка, мы не тронем тебя, ведь ты наш духовный пастырь!

Священник не слушал его. Он бежал, не оглядываясь, пока не скрылся в толпе солдат.

А Гауса целую неделю продержали привязанным к столбу. И всю неделю абреки издевались над ним: то объявляли, что казнят его, то делали вид, что собираются выколоть ему глаза, то спускали его, полуживого от страха, на веревке с вершины башни и на целый день оставляли висеть над пропастью.

Наконец, они отпустили его, в чем мать родила, и Цыппу сказал ему на прощанье:

— Иди, дружок, и постарайся больше не попадаться мне на пути. А наготу свою тебе прикрывать ни к чему — все равно у тебя нет совести.

Зима кончалась. Снег осел и начал таять, вскоре он оставался только в низинах. Войска снова пошли на приступ, стрельба не прекращалась ни днем, ни ночью. Башня опоясалась вспышками пламени и пороховым дымом, солдаты окружали ее со всех сторон.

В пятницу перед пасхой погода резко испортилась. Свистел северный ветер, из низких рваных туч сыпался холодный дождь пополам со снегом. Усталые солдаты укрывались чем попало, пытаясь спастись от дождя и холода.

В полночь дверь башни бесшумно отворилась, оттуда вышли шесть человек и исчезли во тьме. Без единого шороха, как тени, проскользнули они мимо врагов, спустились в ущелье и ушли в сторону Кудского перевала. Утром они были уже далеко.

Когда войска снова начали штурм, башня молчала. Дверь ее была открыта, внутри никого не было.

Пришла настоящая весна. Потеплело, деревья покрылись листвой, природа задышала полной грудью. Абреки подались в Грузию. Возле Мцхеты они напали на почтовую карету. Они взяли там очень много серебряных денег — сколько смогли унести. В карете были и бумажные деньги, но абреки не знали, что это такое. Цыппу из любопытства взял с собой одну бумажку — ему понравилась картинка на ней. Они заночевали у одного из своих грузинских друзей. Тот случайно увидел у

Цыппу бумажку, а когда узнал, что их в карете было много, воскликнул:

— Что же вы не брали этих денег? Ведь они гораздо лучше, чем те, которыми вы набили карманы!

Но жалеть было поздно — что сделано, то сделано.

Весть о дерзком ограблении дошла до наместника в Калак, и он тут же отдал приказ по всем областям и округам: найти разбойников и взять живыми или мертвыми. И назначил большую награду за их поимку.

Цыппу понял, что оставаться в этом краю нельзя. Абреки посоветовались и решили пробираться к Шамилю, который все еще воевал с Россией.

Рядом лежало ущелье Джарах. Тамошние жители, ингуши, еще не покорились русским, и Цыппу для начала решил уйти к ним. Он отправил в Джарах своего друга Дзыба Туаты. Мать Дзыба была из Джараха, у него там жили родственники, и он поехал в Джарах узнать, согласятся ли там принять Цыппу и его товарищей. Вскоре Дзыба вернулся и сообщил абрекам, что их ждут в Джарахе.

Абреки поблагодарили Дзыба, сели на коней и отправились в путь. Они ехали всю ночь и на рассвете поднялись на перевал Ахгара. Перед ними лежало во мгле Джарахское ущелье. Позади далеко внизу витым серебряным шнуром блестел Терек. Взошло солнце, залило золотым светом вершины гор. На траве сверкала роса, легкий ветер доносил из ущелья запах хвойного леса. Цыппу огляделся, глубоко вздохнул и сказал товарищам:

— Воистину несчастен тот, кому не суждено вволю надышаться воздухом родины.

Всадники спешили и долго молча сидели. Потом достали из дорожных сумок еду и, подкрепившись, двинулись дальше.

В этот день в Джарахе был праздник. Народ собрался на широкой поляне. Юноши состязались в джигитовке и стрельбе, старики сидели за столами.

Абреки, укрывшись за деревьями, смотрели вниз, на праздничную толпу.

— Осторожность никогда не мешает, — сказал Цыппу. — Они могут принять нас за врагов, если увидят всех вместе. Лучше я спущусь к ним один. Ингуши гостеприимный народ, но время сейчас тревожное, они должны убедиться, что мы пришли к ним не со злом. Подождите здесь, я пришлю за вами.

Он оставил друзей в лесу и стал спускаться на поляну. Навстречу ему выбежали юноши, подвели к столу и усадили рядом со старшими. Нашелся человек, говорящий по-осетински. Цыппу рассказал о своих приключениях — как он стал абреком, как воевал и как вынужден был бежать. Сказал он и о товарищах, ожидавших в лесу.

Юноши пошли в лес и вскоре вернулись вместе с друзьями Цыппу. Их радушно встретили, усадили за стол, как почетных гостей. Вечером в селении устроили пир в их честь: зарезали быка и сделали гостям много подарков.

В то время в Джарахе скрывались шестеро абреков-ингушей. Цыппу и его товарищи подружились с ними и вместе предприняли несколько набегов в Гудан. Они пригоняли оттуда скот и раздавали его жителям Джараха.

Прошло немного времени, и над Джарахом сгустились тучи: снизу по ущелью двигались русские войска. Ингуши встретили их с оружием в руках. Закипел жестокий бой. Несколько дней подряд над ущельем гремели выстрелы, и речка Джарах стала красной от крови. Но силы были слишком неравны, и ингушам пришлось сложить оружие.

Абреки не ждали ничего хорошего от сдачи в плен, и потому заперлись в крепости. Было ясно, что предстоит осада. Цыппу предложил бежать, но ингуши не согласились с ним.

— Эту крепость не смог взять даже великий хан, — сказали они, — и русские тоже не возьмут.

Ночью разразилась гроза. Сверкали молнии, гремел гром, с неба обрушивались потоки воды. Цыппу и пять его товарищей решили уходить, пользуясь непогодой. Ингуши предпочли остаться в крепости.

В полночь шестеро абреков спустились со стены и бесшумно, как змеи, проползли сквозь русские цепи. Они поднялись на гору Мат, развели в пещере огонь и высушили мокрую одежду.

На другой день русские сделали подкоп под стены крепости, заложили порох и зажгли фитиль. Грянул взрыв, все заволело черным дымом. Когда дым рассеялся, стали видны разрушенные стены. В наступившей тишине из-под обломков слышались стоны раненых.

Все происшедшее было хорошо видно из пещеры. Абреки пробыли там весь день, а когда стемнело, двинулись в путь... На четвертый день они добрались до своего знакомого, Азберд-Магомеда, и тот проводил их к Шамилю.

Шамиль, крупный широкоплечий человек с пышной бородой, сидел, задумавшись, на ковре. Его могучая сухошавая рука лежала на рукояти кинжала, лицо было угрюмо, между бровей залегла глубокая складка. Абреки, войдя, склонили перед ним головы. Шамиль поздоровался с ними.

— Я слышал, юноши, вы воевали против русского царя, — сказал он. — Что ж, вы можете получить такую возможность еще раз, если будет на то воля Аллаха. Оставайтесь.

Он приказал дать абрекам жилье. Но у них не было с собой никакой пищи, и они три дня просидели голодными. Цыппу считал, что жаловаться на голод недостойно мужчины, и потому не позволял товарищам просить у Шамиля еды.

Тотрадз, совсем еще мальчик, не выдержал:

— Мне не стыдно говорить о еде, ведь я еще не мужчина!

И пошел к Шамилю.

— Мы — горцы, — сказал он, — и не любим сидеть на одном месте без дела. Если где-нибудь есть война, пошли нас туда, а то ведь без пищи не может жить даже волк...

Шамиль едва заметно улыбнулся.

— Хорошо, — ответил он, — иди пока домой.

Не успел Тотрадз вернуться к товарищам, как дом уже был полон еды.

Через три дня Шамиль вызвал абреков к себе.

— Этой ночью надо будет подстеречь врага, — сказал он, — и я поручаю это вам. Сделайте засаду там, где вам скажут, и ждите. Ночью по дороге проедут всадники, один из них будет в белой одежде и на белом коне. Стреляйте в него, остальных не трогайте.

Он дал абрекам провожатого и отпустил их.

Стояла темная ночь. Абреки ждали, затаившись в кустах по сторонам узкой дороги. В полночь послышался топот копыт, и скоро в темноте стал различим приближающийся отряд. Белый всадник ехал впереди. Загремели выстрелы, всадник упал, а остальные, хлестнув коней, скрылись во тьме. Когда стук копыт затих, Цыппу, выбежав на дорогу, стал искать убитого, но его нигде не было. Лишь бурка, шапка и два пистолета валялись на дороге. Абреки взяли вещи и вернулись домой.

На другой день их снова позвал Шамиль.

— Удалось ли вам выполнить мое задание?

Цыппу выступил вперед.

— Мы стреляли наверняка, но на дороге остались только эти вещи, — он показал Шамилю свои трофеи. — Мы не виде-

ли убитого, поэтому не уверены, что наши выстрелы достигли цели.

Шамиль усмехнулся в усы.

— Нет, вы не промахнулись, — сказал он, рассматривая отверстия в бурке, и отдал вещи абрекам.

Через три дня Шамиль в сопровождении двух наибов отправился к своим войскам. Он ехал на белом коне, в белой черкеске и белой шапке, на боку его сверкала сабля в золотых ножнах. Абреки скакали следом за ним.

Они подъехали к войскам. Шамиль, поздоровавшись со своими воинами, сказал:

— Вот новые люди, шесть горских храбрецов. Они останутся с вами, пусть в бою покажут свою доблесть.

Он обвел войска зорким взглядом, повернул коня и ускорился.

Цыппу и его друзья присоединились к воинам Шамиля. Они храбро сражались, в бою бывали впереди, стреляли без промаха и не прятались от вражеских пуль. Скоро об их отваге узнала вся Чечня.

Так прошло два года.

Однажды на Тереке они отбили стадо. Поднялась тревога, за ними бросились в погоню русские и осетины, завязалась перестрелка. Цыппу, словно сокол, носился на коне в облаках порохового дыма, стреляя в преследователей; ружье его гремело, как небесная гроза.

Тем временем стемнело. Цыппу оказался среди врагов. Он скакал вместе с ними и кричал по-русски: «Держи их, держи!» У одного осетина, принимавшего участие в погоне, кончились заряды, и он попросил порошу у казака. Цыппу, выстрелив в казака, сказал:

— Теперь можешь взять у него и порох, и ружье — они ему больше не нужны.

И, хлестнув коня, скрылся во тьме.

Шло время. Начальником Косетского округа стал Глаха Казбеги, давний друг Цыппу. Имея большой вес среди русского начальства, Глаха стал хлопотать о замирении абреков. Он привлек к этому делу своего приятеля, начальника Терского округа, и тот стал помогать ему. После долгой переписки высокое начальство постановило: «Кудские абреки будут прощены, если добровольно сложат оружие. При этом они должны будут покинуть родные места и поселиться в Терском округе».

Глаха Казбеги послал к Цыппу гонца с письмом. Там было написано: «Обращаюсь к тебе от чистого сердца, и во имя Святой троицы и Ломиса прошу поверить мне: по моей просьбе власти простили вам все ваши дела. Правда, вам нельзя будет жить на родине, но вы вольны поселиться в любом месте Терского округа. Я буду ждать вас на поле возле Цми¹».

Стояли жаркие дни. Цыппу пришел к Шамилю и сказал ему:

— Да будут долгими твои дни, имам. Разрешите нам съездить в горы — мы устали от жары.

Шамиль некоторое время молчал, глядя на Цыппу, а потом, покачивая головой, сказал:

— Мне кажется, юноши, вы задумали обмануть меня. — Но ехать все же разрешил.

К тому времени князь Бехой заключил с русскими мир. Джарахские ингуши тоже прекратили сопротивление. Абреки приехали к Бехою и показали ему письмо Глахи Казбеги. Бехой встретил их радушно и оставил ночевать у себя.

Наутро они отправились дальше. Бехой с двадцатью всадниками поехал с ними. Они подъехали к Чми в назначенный срок, там их уже ждали начальник Терского округа и Глаха Казбеги с сотней казаков. Абреки с оружием наготове остановились поодаль от них.

Глаха выступил вперед.

— Почему ты остановился, Цыппу? Подойди, поздоровайся с генералом!

Цыппу, не опуская ружья, ответил:

— Виданное ли дело, чтобы волк здоровался с пастухом?

Глаха подошел к нему и надел на него свою шапку.

— Перед лицом Хевской Троицы отныне ты — мой брат.

Тогда абреки вместе с Бехою и Глахой Казбеги подошли к генералу. После недолгих переговоров Глаха с генералом сели в фаэтон. Абреки, казаки и ингуши поскакали следом на конях и вскоре въехали во Владикавказ.

К их приезду вокруг генеральского дома собралась большая толпа любопытных. Вот фаэтон, сопровождаемый отрядом всадников, подъехал к дому и остановился возле подъезда.

Глаха с генералом вошли в дом, абреки остались на конях рядом с ингушами. С балкона выглянул Глаха и позвал их.

¹ Ц м и (Ч м и) — селение, расположенное по Военно-Грузинской дороге, в 20 км к югу от Владикавказа.

Абреки вошли было в дом, но генеральская охрана потребовала сдать оружие. Тогда они повернули обратно, и Цыппу тихо сказал товарищам:

— Сдается мне, нас заманили в капкан.

Тут Глаха позвал их второй раз:

— Что же вы медлите, генерал ждет вас!

— Охрана требует, чтобы мы сдали оружие, — ответил Цыппу.

Тогда на балкон вышел генерал и приказал:

— Пропустите их с оружием!

Абреки, переглянувшись, вошли в дом.

— На вашей совести немало лихих дел, я уж не буду их перечислять, — сказал генерал, — но благодаря Казбеги и мне государь простил вас. Отныне вы должны будете жить здесь, в Терском округе.

Цыппу выбрал себе для поселения Туаца, село, которое основал Махамат Есенаты между Ардоном и Кордоном.

Глаха Казбеги поехал от генерала вместе с Цыппу и сказал Махамату:

— Вот тебе гости, позаботься о них.

Цыппу и его товарищи поселились в Туаца. Оттуда они перебрались в Куйан¹. Гайти и Цицо остались там навсегда, остальные переселились еще раз: Дудар и Тотрадз все же ушли обратно в Куд, а Цыппу и Сугар обосновались в Эльхоте и жили там до конца своих дней.

¹ К у й а н, Э л ь х о т — селения, расположенные в плоскостной части Кабарды и Северной Осетии.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Краденые куры

Лекса
Карасе
Жена Лекса
Невестка Лекса
Староста

Лекса сидит у своих ворот и курит трубку. К нему подходит возвращающийся с поминкок Карасе.

К а р а с е. Добрый день, Лекса!

Л е к с а. Здравствуй, Карасе, удачи тебе!

К а р а с е. Что ж ты не был на поминках? Разве тебя не звали?

Л е к с а. У кого были поминки?

К а р а с е. У Кануковых. Лавина, а не угощение! Столы гнулись от яств, арака и пиво рекой лились.

Л е к с а. А я с утра в лес ходил. Думал найти материал на пару ободьев, будь они прокляты. В казенный лес и заглянуть не позволяют, а в нашем лесу даже палки не найдешь, чтоб собаку отогнать. Вот и пришел домой с пустыми руками. И на поминки не пошел, и поработать не вышло.

К а р а с е. Где же твои сыновья, Лекса? Не подобает тебе самому ходить в лес — ты ведь стар уже.

Л е к с а. Где сыновья? Старший, когда женился, влез в долги, чтобы заплатить калым, так заимодавцы не оставляли его в покое, ходили к нам днем и ночью. В конце концов он уехал в Россию — может, говорит, удастся заработать денег и

вернуть долги. Два года не было от него писем. А недавно мы узнали, что он арестован за воровство. Среднего сына сослали в Сибирь за неблагонадежность. Младший похитил девушку — его тоже посадили на пять лет. Вот где мои сыновья.

К а р а с е. Да... да... да... А наши выборные друг за друга горой. Вон, сыновья Миритовых покрали у людей половину скота, так о них никто ни слова не скажет. Потому что их отец Тыррыкк — выборный, и все его поддерживают. А твоего сына, кажется, даже не судили...

Л е к с а. Готов поклясться, он даже на пороге суда не был, и протокол на него не составляли.

К а р а с е. Это так, дорогой мой. Богатые делают, что хотят, а бедными прикрываются.

Л е к с а. А как твой сын? Есть ли от него известия?

К а р а с е. Э-э-э, Лекса... В наше время от детей благодарности не жди. Ты сам знаешь, мне всего хватало — и скота, и денег. Единственного сына я отдал в школу, когда ему исполнилось восемь лет... В конце концов он уехал учиться в Петербург, и я потратил на него все, что у меня было. Он, когда выучился, женился на русской и остался там жить, а домой за семь лет даже не написал ни разу. Сгореть мне на месте, умереть на твоих глазах, если он нам когда-нибудь что-нибудь прислал. Была у меня старая лошадь — ее увели конокрады, теперь даже дров не на чем привезти, и мы с моей старухой погибаем от холода.

Л е к с а. Вижу я, мы с тобой два сапога — пара...

Тем временем из дома слышатся крики, выбегает, держась за голову, жена Лекса.

Ж е н а Л е к с а. Убила она меня, убила! Рухнул мой дом! Расколола мне голову, похоронить бы тебе своих братьев! Погас мой очаг! О-о-о, моя голова! *(Показывает Лекса голову).*

Л е к с а. А, чтобы тебя... Ей-богу, она расколола ей голову. Это не мозг виднеется?

К а р а с е. Ради Бога, кто разбил ей голову, кто этот негодяй?

Л е к с а. Наша сноха, дорогой мой, наша сноха. Каждый день у нас такое. *(Перевязывают старухе голову).*

Н е в е с т к а *(из дому)*. Что они там с ней делают, эти два старых осла?

К а р а с е. Ради Бога, почему вы ругаетесь, что случилось? *(Заканчивают перевязывать голову).*

Ж е н а Л е к с а. А вот что случилось, умереть бы мне за тебя: вчера я пересчитала свои сыры — их было восемь и три, а сегодня осталось только восемь и один. Я и сказала, что кто-то украл мои сыры, а она меня за это ударила по голове горящим поленом, увидеть бы ей смерть своих братьев!

Л е к с а. Да проклянет ее Бог, Карасе. Сил наших нет больше, днем и ночью она пьет нашу кровь. Эта бедная старуха и считать-то дальше восьми не умеет, а она ее никак не оставит в покое.

Невестка выглядывает из дома.

Н е в е с т к а. Считать-то она не умеет, а деньги у него, когда он пьяный, вытаскивает!

Ж е н а Л е к с а. Пусть тот, кто лжет, увидит гибель своих братьев! Это ты, шлюха, перетаскала в лавку всю нашу кукурузу!

Н е в е с т к а. Ты врешь, старая собака, чтобы тебе лопнуть! Ты сама таскала ее каждый день в лавку Теко и меняла на воблу!

Л е к с а. О Боже, избавь нас от нее! Когда-нибудь она выгонит нас из дому.

Ж е н а Л е к с а (*обращаясь к мужу*). Прошу тебя, отведи меня туда, откуда привел когда-то. Кончилось мое терпение.

Н е в е с т к а. Он бы и отвел тебя к этим босякам, да ты им не нужна!

Ж е н а Л е к с а. Ты воровка, такая же, как твои братья! Пстой же, постой! Пусть останусь я без детей, если не донесу на них!

К а р а с е. Ради Бога, замолчите! Времена сейчас плохие, могут пойти разговоры, если вас кто-нибудь услышит.

Ж е н а Л е к с а. И пусть пойдут, пусть! Перед прошлым новым годом в поминальный день священнику надавали кур, а ее младший брат украл их! (*Указывает рукой на невестку*).

Н е в е с т к а. Пусть зарежут кур на поминки тому, кто лжет!

Ж е н а Л е к с а. Аммен, аммен! Тому, чей брат украл двенадцать кур, пусть посвятят их на помин души!

Появляется староста с саблей на боку.

С т а р о с т а. В чем дело, чего вы кричите? Какие куры?

Л е к с а. Ничего, просто жена с невесткой поссорились...

С т а р о с т а. Поссорились? Пусть ссорятся хоть каждый

день, я не о том спрашиваю. (*Обращаясь к жене Лекса*). Расскажи-ка мне, что там случилось с курами?

Ж е н а Л е к с а. Что случилось? Дай Бог тебе здоровья... Куры священника, двенадцать штук... Младший брат нашей невестки украл их.

С т а р о с т а. Когда?

Ж е н а Л е к с а. Перед новым годом.

С т а р о с т а. Так, так... Как раз, когда они несутся. Они бы вывели по двенадцать цыплят каждая. Десять раз по двенадцать — это сто двадцать... Двенадцать да двенадцать — это двадцать четыре... Это, стало быть, сто сорок четыре, да самих их было двенадцать... Целых сто пятьдесят шесть кур! Надо составить протокол.

Н е в е с т к а (*из двери дома*). Да где ты видел, чтобы вареные куры несли яйца?

С т а р о с т а. Как, они были вареные?

Ж е н а Л е к с а. Вареные, дай Бог тебе здоровья, а то какие же?

С т а р о с т а. А зачем священнику столько вареных кур?

Ж е н а Л е к с а. Перед новым годом, в поминальный день, он ходил по домам, и ему давали кур. Вечером он зашел домой и оставил их там, а сам пошел к соседям. Пока он туда ходил, брат нашей невестки этих кур стащил.

С т а р о с т а. Это дело надо разобрать в присутствии священника.

З а н а в е с

2-е действие

Священник

Староста

Хабош, курьер

Жена Лекса

Тего, брат невестки

Лекса

Карасе

Канцелярия. Староста допрашивает жену Лекса.

С т а р о с т а. Расскажи, как украли у священника кур!

Ж е н а Л е к с а. Тего в день поминок принес откуда-то кур и съел их с ребятами в нашем сарае.

С т а р о с т а. Вчера ты говорила, что он украл их у священника!

Ж е н а Л е к с а. Женщина со зла что только не скажет, кого только не проклянет...

С т а р о с т а. Это не проклятье, это донос, потому говори правду, как все было!

Ж е н а Л е к с а. Я и говорю правду: они съели кур, что же еще?

С т а р о с т а. Чьи это были куры?

Ж е н а Л е к с а. Откуда мне знать, добрый человек, на них не было меток, да и темно было.

С т а р о с т а. Говори правду, как вчера, или я тебя арестую!

Ж е н а Л е к с а. Что ж, неудивительно. Из грязи в князи...

С т а р о с т а. Хабош! Немедленно отведи ее в тюрьму!

Женщину уводят.

С т а р о с т а. Тего! Говорят, ты украл кур у священника. Ты облегчишь свою участь, если скажешь правду и признаешься сам. Тогда тебя будут судить не так строго.

Т е г о. Я готов поклясться в церкви, что не брал у священника никаких кур!

С т а р о с т а. Хабош! Позови Лекса и Карасе.

Оба входят.

С т а р о с т а. Скажи правду, Карасе, что вчера говорила жена Лекса насчет кур священника?

К а р а с е. Да что там, когда женщины ругаются, чего только не наговорят друг другу!

С т а р о с т а. Как, ты забыл, что она говорила о курах?

К а р а с е. Да, был разговор о курах, но я был пьян и теперь не помню подробностей.

С т а р о с т а. Лекса, ты ведь тоже был там, когда ругались твоя жена с невесткой. Что они говорили про кур священника?

Л е к с а. Они, дорогой мой, вечером еще и подрались. Священника были куры или дьякона — откуда мне знать?

С т а р о с т а. Хабош! Позови сюда священника!

Входит священник.

С т а р о с т а. Скажи-ка, батюшка, когда у тебя украли кур?

С в я щ е н н и к. Каких кур?

С т а р о с т а. Тех, что ты принес с поминок.

С в я щ е н н и к. С чьих поминок?

С т а р о с т а. С тех, что бывают перед новым годом.

С в я щ е н н и к. Ты что, بريديшь?

С т а р о с т а. Да нет, я пока еще в здравом уме. Вчера жена Лекса ругалась со своей невесткой и сказала, что ее брат украл у тебя кур.

С в я щ е н н и к. Ну-ка, приведите ее сюда.

С т а р о с т а. Хабош, приведи ее!

Женщину приводят.

Ж е н а Л е к с а (обращаясь к священнику). Умереть бы мне за тебя! Того принес кур с чьих-то поминок и съел их с ребятами в нашем сарае, а я думала, что это твои куры.

С в я щ е н н и к. У меня только один раз пропали куры, но тогда их съела собака.

С т а р о с т а. Все свободны! Ничего из этого дела не получилось...

К о н е ц

Тотырбек и его жена

Жена Тотырбека наливает в бочонок араку. Входит Тотырбек.

Т о т ы р б е к. Что это ты делаешь?

Ж е н а. Да вот, хочу свезти пару кувшинов араки в Дзауджикау, может, удастся купить к новому году маленькую елку и алам¹, чтобы помянуть ребенка...

Т о т ы р б е к. Удивляюсь я тебе! Люди идут вверх по ступенькам лестницы, а моя жена пятится назад... Какая елка, какой алам? Ничего не пойму!

Ж е н а. Тебе все непонятно, кроме пьянства! Посмотри, как готовятся люди! Столы ломаются от фруктов; кто делает

¹ А л а м — фрукты и сладости, нанизываемые на нитку и привязываемые к ветке наподобие знамени, или надеваемые на себя всадниками во время скачек, посвященных памяти покойного.

алам, кто наряжает елку... А у тебя только и забот — где бы выпить.

Т о т ы р б е к. Ну, и какая же людям польза от всего этого? В позапрошлом году Ципо, который один стоил целого села, убится на скачках. В прошлом году мальчик Миритовых нес аламы, и его затоптали кони. А Муса Гояев сломал ногу. Вот тебе и вся польза.

Ж е н а. Что ж, люди будут поминать своих покойников, мы с тобой будем ходить по чужим домам, а сами ничего не сделаем? Пропасть бы тебе, ничего ты не понимаешь!

Т о т ы р б е к. До чего ты глупа, серая чертовка! Мы ведь сделали по нему поминки, когда он умер. Так на кой черт еще все эти поминальные дни?

Ж е н а. Чтоб ты провалился, клянусь моим умершим братом! Не говори так, не то мертвые не пустят тебя к себе!

Т о т ы р б е к. Ладно... И все же сегодня не вози. Теперь суббота, кругом толпы народа. Опять тебя поймают. Ведь и в прошлом году ты два месяца просидела в тюрьме.

Ж е н а. А все из-за тебя, выпить бы тебе собственную кровь! Напился и кричал на городского.

Т о т ы р б е к. А, серая чертовка! Что же мне было, ползать перед ними? Привязались к нам, и ни туда, ни сюда...

Ж е н а. Никто тебе не говорит, чтобы ты перед ними ползал. Надо было дать им что-нибудь, они бы нас и отпустили.

Т о т ы р б е к. Да, уж они-то умеют брать взятки.

Ж е н а. А ты зайди-ка к Хадзрет, там городовые с утра до ночи пьют двойную араку.

Т о т ы р б е к. Они пусть хоть сгорят, лишь бы тебя не арестовали. Ты иди переулками.

Ж е н а. Не бойся, больше меня не поймают. Хадзрет научила меня.

Т о т ы р б е к. Что же сказала Хадзрет?

Ж е н а. Держи, говорит, наготове деньги и, если городской задержит тебя, дай ему рубль. Тогда он сразу отпустит.

Т о т ы р б е к. Ну, хорошо. Налей-ка мне стаканчик.

Ж е н а. Лучше тебе огонь проглотить. Стану я из-за стакана открывать бочонок!

Т о т ы р б е к. Ну, тогда продай мне на десять копеек.

Ж е н а. Дай-ка мне вон тот сундучок. Там есть бутылка с аракой.

Т о т ы р б е к. Доставай, доставай, а я тебе заплачу.

Тотырбек вынимает кошелек. Жена протягивает ему бутылку. Он выпивает араку и ставит бутылку на пол.

Ж е н а. Ну, давай мои десять копеек.

Т о т ы р б е к. Пропасть бы тебе, откуда у меня десять копеек? *(Показывает ей кошелек).*

Ж е н а. Чтоб тебе захлебнуться собственной кровью! Чтоб лопнули твои бока! Я и так выбиваюсь из сил, чтобы успеть все приготовить! Подходит поминальный день, а мне нечего положить на стол.

Т о т ы р б е к. А если и найдешь, что положить, то что? Опять будете, пьяные, держаться за заборы?

Ж е н а. Когда ты видел меня пьяной, худший из людей? Когда?!

Т о т ы р б е к. А недавно, когда ты пришла с очередных поминок. Лицо твое было краснее вареной свеклы.

Ж е н а. Чтоб ты умер! Клянусь моим братом, я и выпила-то одну рюмку. Ну, может, покраснела слегка, так ведь только черт не покраснеет от спиртного!

Т о т ы р б е к. Должно быть, хорошая была рюмка — тебя так и шатало.

Ж е н а. Не было этого, утонуть бы тебе в крови!

Т о т ы р б е к. Ладно, ладно, иди. Желаю тебе прошлогодней удачи.

К о н е ц

Знахарка Госама

Комната. Госама сидит на стуле, перед ней круглый столик. На краю стола кучка тонких свечек. Напротив на лавке сидят четверо мужчин. Рядом стоят четыре женщины. Старший из мужчин — Керим — подсаживается ближе.

К е р и м. Будь добра, Госама, погадай мне как следует. Я перестал понимать, что творится в моем доме, узнай, пожалуйста, в чем тут причина. *(Протягивает ей свечку).*

Г о с а м а. Свечка, принесенная со стороны, не годится. Надо, чтобы ты купил свечку у меня.

К е р и м. Да какая разница, откуда свечка!

Г о с а м а. Как какая разница, Керим! Ведь эти свечи мне

привезли из самого Иерусалима, они освящены. К тем же, что вы покупаете здесь, примешан свиной жир. Святой дух к ним и близко не подойдет, умереть бы мне за тебя!

К е р и м. Да будет над нами благодать святых ангелов! Сколько стоит одна свечка?

Г о с а м а. Свечка пятнадцать копеек, да гадание двадцать. Святые не позволяют мне брать больше.

Керим кладет на стол деньги, Госама зажигает свечку и начинает гадание. Пристально смотрит на свечку, двигает ее, что-то бормочет про себя.

Г о с а м а. Боже мой, Боже мой, гибель твоя близка, бедняга! В ночь под новый год высокая черноволосая женщина взяла прах со следа твоего. А рыжеватая низенькая женщина, близкая тебе по крови, дала ей твой волос, и черная женщина околдовала тебя. Сердце тебе свидетель, иногда у тебя болит голова. И с женой вы больше не живете душа в душу, часто ссоритесь по пустякам. И в пути тебе удачи нет, и хозяйство разладилось.

К е р и м. Ей-богу, Госама, это чистая правда! Да благословит тебя Бог, помоги мне, если это в твоих силах.

Г о с а м а. Есть средство против напасти, да вдруг ты не согласишься сделать, что я скажу.

К е р и м. Как же я не соглашусь? Ей-богу, если надо будет выпить яд, я и это сделаю, поверь мне, Госама!

Г о с а м а. Ну, хорошо, хорошо. Принеси мне воду из-под семи вертящихся мельниц, еще воду из семи ручьев, семь пирогов с сыром и жертвенного козленка. Нужна еще вода, освященная утром в праздник Вознесения — такая у меня у самой есть. Вот, принеси все это, и я помогу тебе.

Госама гасит свечку и кладет ее на стол. К ней подсаживается Керимсолтан, кладет перед ней пятнадцать копеек за свечку и двадцать за гадание. Госама зажигает вторую свечу и вновь начинает гадать. Извивается, пристально глядя на огонь свечи.

Г о с а м а. Слава тебе, слава тебе! Слава тебе, Повелитель молний! Как мать и отец, позаботься, как мать и отец, пожалей! Все, что положено, он тебе сделает. Слава тебе, повелитель! Душу свою бросаю тебе под ноги! Он сделает праздник в честь тебя, прости ему его грех. Да будут тебе подношения на золотых блюдах! Слава тебе!

Керимсолтан, солнце мое, прямо посреди твоего двора уда-

рила молния, а ты и в ус не дуешь! Ты привык жить по русским законам, но Он тебе не простит, если ты не соблюдешь обычаи предков. Ты сам себе свидетель, иногда у тебя горит сердце, болит голова. Ночью ты подсакиваешь от этого жжения — знай же, что это огонь Повелителя молний. Сделай алтарь на том месте, куда ударила молния, и каждый год жертвуй ему одно животное и пиво. Но араки там чтобы и близко не было.

К е р и м с о л т а н. Слава ему, съесть бы мне его болезни! Душу свою готов бросить ему под ноги. Я сделаю, как ты сказала, что может быть проще!

Гадание закончено, Госама гасит свечку. Керимсолтан встает, на его место садится Тасолтан, кладет на стол деньги. Госама зажигает третью свечку и начинает гадать ему.

Г о с а м а. Услышь меня тот, к кому я обращаюсь! Услышь меня и откройся, кто ты? Этот человек ничего для тебя не пожалеет — ни скота, ни денег, сделает все, что надо! Прошу тебя, откройся! *(Подвигает свечку поближе к себе, смотрит)*. Так вот это кто! Слава тебе, слава! Прости ему, если он в чем-нибудь допустил ошибку. Слава тебе, покровитель дома! Этот человек не хотел обидеть тебя! Прости его!

Тасолтан, кто-то отведал жертвенного мяса, посвященного покровителю вашего дома, вот он и наслал порчу и на вас, и на ваш скот. Очень сердит он, обидело его то, что вы дали кому-то посвященное ему мясо. Никогда так больше не делайте, не то совсем перестанете понимать друг друга в семье.

Т а с о л т а н. Мальчик наших родственников отхлебнул глоток его пива, ну, мы и дали ему кусочек мяса.

Г о с а м а. Никому больше не давайте, он этого не прощает.

К столу подсаживается Темболат, кладет пятнадцать копеек за свечку и двадцать за гадание. Госама зажигает четвертую свечку.

Г о с а м а. Темболат, ты хочешь узнать о больном или о том, что делается в твоём доме?

Т е м б о л а т. О больном, о больном. Брат мой болен, и мы не знаем, чем помочь ему.

Г о с а м а. Молю тебя, Всевышний, если ты разгневался на

¹ По осетинским поверьям, каждому дому покровительствует свой дух, т.н. «Бынатыхица», нечто вроде домового.

него — пожалей его отцовской жалостью! Молю и тебя, Покровитель мужчин, если это тобой насланная лихорадка, дай нам знать... Слава тебе, сидящий в вышине, я вижу твой знак! Я вижу, что это ты. Он сделает все, что должен сделать для тебя... Видишь, Темболат, в пламени свечи виднеется как бы звезда... Слава ему, это его знак!

Т е м б о л а т. Пусть на золотых блюдах делают ему подношения! Душу свою отдаю ему в жертву. Мы ничего не пожалеем.

Г о с а м а. Где-то твой брат поел свиного мяса, и сидящий в вышине разгневался на него за это. Пусть в его день зарежет барашка для него и помолится. Увидишь, сразу поправится. Не бойся за него... Ну, мужчины, теперь уходите, я погадаю женщинам.

К столику садится Айшат, вдова. Кладет на стол деньги.

А й ш а т. Ради Бога, Госама, хорошенько узнай все обо мне. Не знаю, что со мной происходит. Живот мой увеличивается в размерах, не могу понять, в чем дело.

Госама зажигает свечку, начинает гадание. Смотрит на пламя, разглядывает и так, и этак.

Г о с а м а. Боже мой, Айшат! С тобой сблизился подземный дух! Вспомни сама, не являлся ли он тебе во сне в образе мужчины с большими черными усами. Может статься, у тебя родится шейх, он будет опорой всего мира!

А й ш а т. Ради твоих покойников, не валяй дурака!

Г о с а м а. Клянусь своими покойными, все это правда, можешь мне поверить!

К ней подсаживается Фаризат. Снова пятнадцать копеек за свечку и двадцать за гадание.

Ф а р и з а т. Погадай и мне, дай Бог тебе здоровья.

Госама снова зажигает свечку, снова двигает ее туда-сюда.

Г о с а м а. Что тут скрывать, Фаризат, ты частенько таскаешь добро из дому, вот покровитель вашего места и наслал на тебя болезнь. Перестань красть — и поправишься.

Ф а р и з а т. Бог с тобой, Госама, что же можно украсть в нашем доме?

Г о с а м а. Кукурузу, масло, сыр, кур, яйца, что же еще?

Подошла очередь Марты. Она тоже кладет деньги и присаживается к столу.

М а р т а. Погадай-ка и мне.

Госама зажигает свечку, снова смотрит на нее.

Г о с а м а. Я люблю тебя, как сестру, Марта, но не ешь скоромного во время поста. Не пробуй потихоньку масло, сыр и питье — и глаза твои болеть не будут.

М а р т а. Правду ты мне сказала. Бывает, так хочется попробовать скоромного, что не могу удержаться. Так же и с напитками.

К Госама подходит Хадзрет, молодая невестка. Кладет, как и все, на стол деньги. Смущаясь, обращается к Госама.

Х а д з р е т. Может, и мне погадаешь?

Госама снова зажигает свечку, продельывает с нею то же, что и с предыдущими.

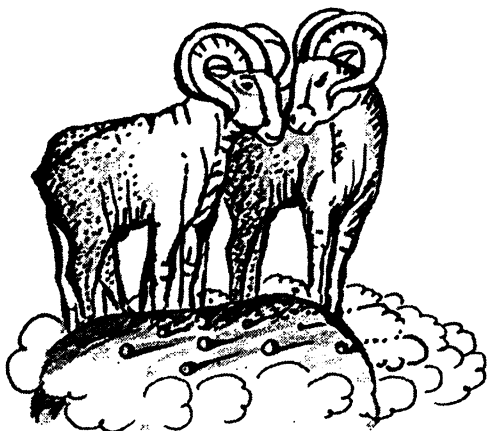
Г о с а м а. Скажу тебе прямо, молодка, ты таскала из дома кукурузу в родительский дом и делала араку на продажу, но признайся честно, разве тебе от нее была когда-нибудь польза? То она у тебя портилась, то в Дзауджикау отнимали городовые. Перестань воровать, и все болезни пройдут.

Х а д з р е т. Однажды я действительно сделала араку из одной мерки зерна, но больше никогда, клянусь отцом!

Г о с а м а. Ну ладно, закончим на этом. Будьте счастливы, идите с миром.

Все уходят.

К о н е ц

Ласточка

*Здравствуй, ласточка.
Никто над тобою не властен.
Пусть горе постигнет того,
Кто причинит тебе боль!*

Был ясный весенний день. Солнце сверкало в небе, бросая на землю теплые лучи. Земля дышала, природа ожила, очнувшись от зимнего оцепенения. Ожились птицы, звери, скот. Люди приготовились к весенним работам, стальной плуг уже провел борозду в теплой земле. Трава пробилась к свету, птицы свили гнезда и уже носили птенцам мошек и комаров. Мир пришел в движение.

Если бы не было на земле счастья, не было бы, наверно, и такого слова. Рядом со счастливым человеком каждый сам становится счастливее, но не жди радости, если рядом недобрая душа.

Какая-то ласточка построила гнездо на стене дома священника и вывела в нем птенцов. Птенцы уже оперились, но летать еще не умели. Ласточка трудилась от зари до зари, безуданно носила корм своим птенцам. Она, наверно, считала себя счастливейшей из счастливых, и заботы не были ей в тягость.

Тем временем стало известно, что в наши края едет какой-то важный духовный сановник. Что тут сделалось со священником! Он завертелся, как волчок, бросился прибирать в цер-

кви, где все было покрыто слоем многолетней пыли. Вскоре алтарь засверкал; правда, в углах все так же чернела пыль. Двор священника зарос бурьяном, в доме пахло плесенью, — он и дом привел в порядок. Незадолго до этого он побил жену, и та, оскорбившись, ушла от него в отцовский дом; священник попросил у нее прощения и уговорил вернуться.

Одним словом, он вмиг превратился в ангела. Человек легко может изменить внешность, но изменить свое сердце ему не дано. Священник сбросил со стены гнездо несчастной ласточки, а птенцов кинул в канаву за домом.

Народ тоже зашевелился, готовясь к встрече. Священник с непокрытой головой метался по селу. Он горел желанием предстать перед начальством в лучшем виде и учил людей, что говорить и как отвечать на вопросы. Но волк и в овечьей шкуре остается волком.

Мне все не давала покоя мысль о птенцах, и я пошел взглянуть на них. Они были мертвы. Ласточка весь день вилась над ними; она то садилась на ветки деревьев, то бросалась к птенцам, то исчезала в бесконечном небе, чтобы через мгновение вновь вернуться.

Она в отчаянье билась о стену в том месте, где было гнездо, кружила над канавой и снова поднималась к облакам. Так прошел день.

Ночью я не мог уснуть, все думал о ласточке, а на рассвете, не выдержав, пошел к тому месту, где оставил ее.

Посреди канавы рядом с птенцами лежала мертвая ласточка.

Когда взошло солнце, народ собрался возле церкви. Здесь же, волнуясь, стоял священник. Наконец появился и тот, кого ждали. Он поздоровался с людьми, поговорил со священником и вошел в церковь. Вид ее не привел его в восторг, он сделал выговор священнику, потом вышел к народу и сказал:

— Любите друг друга. Молитесь Богу. Жалейте бедных и помогайте им от щедрот своих. Не обижайте ни быка, ни лошадь, не давайте им непосильной работы. Любите всякую живую душу, всех Божьих тварей и берегите их.

Он сказал еще много хороших слов, потом благословил всех и уехал.

И никто не спросил тогда: зачем же наш священник разрушил гнездо ласточки, зачем погубил ее вместе с птенцами?

Никто из послушной паствы не посмел спросить этого.

Не посмел и я...

Человек или зверь?

Был ясный весенний день. Солнце сияло на небе, посылая на землю теплые лучи, как мать, лаская все живое. Легкий ветер волновал молодую траву, по склонам свистели, перекликались улары¹, шелестели на ветру деревья, с неба доносилось пение птиц. Мир был праздничным, отовсюду улыбалась жизнь.

По склону горы рассыпались козы и овцы. Я бросил на землю бурку, прилег и стал смотреть, как пасется мое стадо. Впереди овец вверх по склону шли козы.

Вдруг вдалеке из-за скалы показались серны. Впереди вожак, за ним все стадо, некоторые с козлятами. Они остановились на выступе утеса. Вожак стал отдельно, на возвышении. Время от времени он бил копытцем по камню и посвистывал.

Как красивые были эти животные! Наверно, Бог создал их для того, чтобы любоваться ими — и я долго, не отрываясь, смотрел на них.

Тем временем мои козы поравнялись с ними. Серны подбежали и смешались с козами. Не знаю, как описать вам веселье и радость встречи родни, когда-то давно разлученной волей человека. Те, кто выбрал для жизни высокие безлюдные горы и дремучие леса, теперь встретились со своими братьями. Пусть не могли они говорить, но надо было видеть, как радовались они друг другу! Они облизывали друг друга, играли, сшибаясь рогами, а вожак стоял на выступе скалы, охраняя своих товарищей.

«Ах, если бы люди, — подумал я, — так же любили друг друга, если бы так же сильный берег слабого!»

Вдруг грянул выстрел, вожак подпрыгнул и упал вниз, на каменную осыпь. Серны бросились вверх по склону, но опять прогремел выстрел — и вторая серна упала рядом с первой, а я услышал, как запел за выступом скалы охотник: «Ты дал мне, Афсати, дай же еще!» Вот и сам он показался, идет по склону. На нем старая шапка, серая накидка, арчита², в руке ружье. Как на кровного врага, смотрел я на него. «Да не пойдут они тебе впрок, чем мешали они тебе, зачем ты убил их? Или стало жалко клочков травы на скалах?»

¹ У л а р — горная индейка.

² А р ч и т а — обувь из сыромятной кожи.

Уцелевшие серны по северному склону ушли к вершине Красной горы. Я сижу на камне, на душе у меня горько. Но вот с Красной горы, словно раскаты грома, доносятся выстрелы. К убитым сернам охотник добавил еще трех. И опять я с болью подумал: «Неужели тебе не хватило? Или ты хочешь истребить их всех? Ведь ты не косил для них траву, не давал им соли, отчего же ты не оставишь их в покое на горных высотах?»

Вот и солнце зашло, напоследок приласкало лучами зубцы гор, только вершины еще светятся в вечернем небе. Я погнал свое стадо домой.

Всю ночь не мог уснуть — перед глазами стояли погибшие серны. Скажи-ка мне теперь, кто больший зверь — человек или животные?

Сон

Весь день я шел за плугом и к вечеру устал так, что не мог уже двигаться. Товарищи мои после ужина погнали волов на пастбище, а я влез в шалаш, бросил на охапку соломы бурку, завернулся в нее и уснул, да так крепко, что, кажется, не проснулся бы, если бы рядом обрушилась гора.

...Я увидел себя в каком-то странном месте... Вокруг, сколько хватал глаз, простиралось бескрайнее поле. Посреди поля возвышался, как утес, замок; к стене замка прилепился дом, и дверь его была открыта.

Мне хотелось пить; я умирал от жажды, но вокруг не было воды, и я решил войти в дом, надеясь найти воду там.

Я переступил порог и тут же пожалел об этом, даже жажда моя исчезла: посреди дома за столом сидел человек; глаза его были размером с сито, длинный нос изогнут, как лемех плуга, он был черен, как земля, и на шапке его большими буквами было написано: «Белиер». Человек двенадцать стояли вокруг него навтыжку, как солдаты. За спиной Белиера в каменной стене зияло отверстие, что-то вроде забранного решеткой окна такого размера, что в него не мог бы протиснуться человек. За окном виднелось множество людей; толпа эта гудела, как пчелиный улей, слышались слова незнакомого языка.

Белиер листал лежавшие на столе бумаги; иногда он читал их вслух, произнося непонятные странные слова. Потом он

давал бумагу одному из стоявших рядом людей, и тот исчезал с нею.

Мне хотелось узнать, что это за толпа, но я не решался спросить. Я сделал было шаг вперед, но страх перед Белиером сжал мне сердце, и я отступил. Так было несколько раз. Наконец, собравшись с духом, я вышел вперед, но ужас сковал мне язык, в глазах потемнело, мир померк для меня — я словно умер...

Бог знает, сколько прошло времени. Очнулся я в толпе внутри замка, не понимая, как очутился здесь. В стенах замка не было ни дверей, ни окон.

Толпа шумела, люди говорили что-то, не слушая друг друга и не понимая, и я тоже не понимал ни одного их слова. Сердце болело от одного их вида — они были похожи на мертвецов. Я сел на камень под стеной и погрузился в раздумья. «Неужели в этой толпе нет никого, кто бы говорил по-осетински?» — думал я.

— Откуда ты и что здесь делаешь? — услышал я и поднял глаза. Передо мной стоял какой-то человек. Вставая с места, я ответил:

— Не знаю. Мое несчастье занесло меня сюда. Но, ради Бога, скажи мне, кто эти люди, откуда они?

Вздохнув, он ответил:

— Это те, кто искал счастья. Поиски завели их сюда, и не смогут они выйти до тех пор, пока не грянет с неба гром и муравьи не сотрясут землю. Тогда разрушатся стены замка, и люди станут свободными; светлой станет жизнь, и мертвые восстанут из праха.

Разговаривая, мы подошли к отверстию. Вдруг длинная костлявая рука протянулась оттуда, схватила меня поперек туловища — и я снова потерял сознание.

Я пришел в себя среди чистого поля. Неподалеку текла широкая река, по берегам ее виднелись рощи высоких деревьев, в тени которых отдыхали стада овец, и шерсть их белела, как снег. Отовсюду слышались песни пахарей.

Знакомый голос позвал меня из-под деревьев:

— Подойди, добрый человек, угостись вместе с нами!

Это был тот, кто говорил со мной в замке. Я подошел и поздоровался. Он усадил меня рядом с собой. Тем временем собрались пахари и уселись в тени деревьев. Один из них, встав, крикнул:

— Да будет перед нами изобилие новой жизни!

Из-под дерева вышел золотой баран. С его головы сняли золотой рог — и посыпались из него разные яства. Стали мы пировать, а закончив есть и пить, поставили рог на место, и баран ушел под дерево. Люди встали и снова принялись пахать. Одно поле пашут, на другом зеленеют всходы, на третьем уже колосится пшеница. Изумлению моему не было конца.

Тогда я спросил моего знакомого:

— Ведь это те люди, кого видел я в замке, как же они попали сюда, кто дал им свободу? Раньше они не понимали друг друга, а теперь говорят на одном языке. Что значит это чудо?

Он ответил мне:

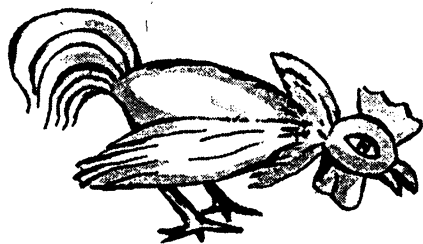
— Гром грянул, и муравьи сотрясли землю, черный замок разрушился, люди стали понимать друг друга, они познали свободу и теперь вместе возделывают землю. Нет теперь обездоленных, и мертвые восстали из праха.

Тем временем наступил вечер, солнце зашло, и закричал этот человек:

— Отдыхайте сами, и волам дайте отдохнуть!

Крикнул он — и я проснулся. Открыл глаза — уже светло, и товарищи мои запрягают волов в плуги. Мне хотелось еще раз взглянуть на чудесные поля, но пора было браться за работу.

И вот я снова держусь за ручки плуга, и лемех его с шорохом отваливает пласты земли...

Куртатинский хитрец

Жили в верховьях Куртатинского ущелья три брата. Отец оставил им небольшое наследство, они разделили его между собой, да только ненадолго его хватило. Остался из отцовского добра лишь круглый фынг о трех ножках. Стали братья думать, как разделить и его, ничего не придумали и взяли каждый по ножке, а круглая доска осталась общей.

Как-то раз говорит старшему брату жена:

— Снес бы ты свою ножку на продажу в город Хадзарта, да на эти деньги купил бы еды, а то мы скоро умрем от голода!

На другой день старший брат взял ножку от фынга и отправился в город. Встретился ему на окраине один алдар¹.

— Сколько ты просишь за эту ножку?

— Пять рублей, — ответил бедняк.

— Что там пять рублей! — сказал алдар. — Слушай меня: если сумеешь усыпить меня небылицами — дам тебе пять туманов². Ну, а не сумеешь — вырежу из твоей спины три ремня, и ножка будет моей.

— Хорошо, — ответил бедняк, — я согласен.

Пошли они к алдару в дом. Алдар выставил на стол еду и питье, стал угощать бедняка. Когда тот захмелел, алдар улегся и говорит:

— Ну, теперь рассказывай, усыпляй меня.

¹ Алдар — владетель, князь.

² Туман — золотая монета, десять рублей.

А бедняк спяну еле языком ворочает. Побормотал он что-то, побормотал, да и уснул.

Алдар вырезал у него из спины три ремня, отнял ножку от фынга и прогнал его. Пошел бедняк, согнувшись, домой в Куртатинское ущелье. Увидела его издали жена среднего брата и закричала мужу:

— Иди-ка сюда, никчемный, и посмотри вниз на дорогу! Вон идет твой старший брат, согнувшись под тяжестью поклажи! Скорее бери ножку от фынга и нести ее в город, да смотри, не продешеви!

Отправился и средний брат в город, и с ним приключилось то же самое. Вернулся он домой сгорбленный, с израненной спиной, а ножка от фынга осталась у алдара.

Задумался младший брат: «Кто же так обидел братьев? Придется, видно, идти в город мне».

Собрался он в дорогу, взял свою ножку и пошел в город Хадзарта. Встретил его на окраине тот же алдар.

— Эй, парень! Сколько просишь за ножку?

— Сто туманов! — отвечает бедняк.

— Что там сто туманов! Вот если сумеешь усыпить меня небылицами, получишь столько золота, сколько унесет осел.

— Что ж, хорошо, — сказал младший брат и пошел к алдару в дом. Алдар снова выставил угощение, еще больше прежнего. Сели они за стол, и алдар спросил:

— Скажи, как тебя звать?

— Мое имя Ещехуже. А как звать тебя?

— Меня? Алдар, как же еще! Ну, давай, пей!

— Скажи мне тост, алдар, и выпей первым. Я никогда не пил раньше хозяина дома.

Стал алдар говорить тосты и пить, и бедняк вместе с ним. Долго они пировали, наконец алдар прилег и говорит:

— Теперь рассказывай небылицы, чтобы я уснул.

— Ты приведи сюда осла да принеси золота, как договорились, тогда начну рассказывать.

Пригнал алдар осла, принес два мешка золотых денег и снова улегся.

— Ну, слушай, алдар, — начал бедняк. — Было у меня когда-то огромное стадо, целых семь овец. Я пас их летом на горе Кариу, а с вершины горы к подножию провел желоб. Доил я своих овец, а молоко сливал по желобу вниз. Там моя мать процеживала его и делала сыр в большой корзине. Как-то слил я молоко, а в желобе волк спал. Снесло волка по

желобу вниз, мать моя подставила сито, чтобы молоко процедить, волк проскочил в дырочку сита и оказался в сыре. Сделала мать из этого сыра пироги и отправила мне на гору Кариу, где я сено косил. Разломил я пирог, а оттуда волк выскочил — и бежать! Бросил я в него косу — застряла коса в волчьей пасти. Швырнул я в него грабли — вонзились грабли в волчью ляжку. Бежит волк, спереди косит, сзади сено сгребает. Пока бежал, сотню стогов сложил. Тут ударилась коса о камень, высекла искру, все сено и сгорело. Тем временем зима пришла. Замерзла вода, скоту пить нечего. Посмотрел я сквозь игольное ушко, вижу — далеко внизу синееет река Фиагдон. Погнал я свое стадо туда, пока добрался — и эта река замерзла. Слышу, журчит подо льдом вода. Сделал я тогда из своей локтевой кости долото, из теменной кости кувалду, лед продолбил, стадо напоил и стал возвращаться. Шел, шел, смотрю — нет на мне теменной кости, на берегу забыл. Вернулся я к реке и вижу: в моей кости перепелка гнездо свила, двенадцать яиц снесла. Ну, думаю, Бог дает — в окно подает. Изжарил себе яичницу, угостился на славу и пошел к своим овцам. Пока шел, разбрелись овцы по кустарнику. Сел я на коня, поехал их искать, вдруг мой конь зацепился за что-то хвостом. Обернулся я и вижу: огромная ива вершиной в небо упирается. За вершину-то конский хвост и зацепился. Тут вспомнил я, что мне давно надо было к Богу сходить — он мне ружье обещал. Пойду, думаю, прямо сейчас, лучшей дороги не будет. Полез я на иву, поднялся по ней на небо. «Здравствуй, — говорю, — Бог! Помнишь, ты обещал подарить мне ружье?» «Как же, — отвечает Бог, — как же не помнить!» — и подарил мне отличное крымское ружье. Дал он мне еще кое-какие поручения, и я пошел обратно. Глядь — а дерева нет. Муравьи его корни подгрызли, вот оно и упало. Вернулся я к Богу, так и так, говорю, дерево мое упало. Крикнул Бог слугам, принесли они веревку из мякины и опустили до земли. Полез я по веревке вниз. Долго спускался, на полпути замерз, решил погреться. Развел костер, веревка вспыхнула и сгорела. Полетел я вниз, упал на землю, двенадцать ребер сломал. Поднялся, смотрю — под кустом перепелка сидит. Выстрелил я в нее и убил. Стал потрошить ее, полдня работал. Двенадцать больших корзин наполнил ее жиром. Дай-ка, думаю, смажу свои арчита, совсем они у меня пересохли. Один арчи смазал, а на второй жиру не хватило. Тот, второй, обиделся и убежал. «Чтоб ты сгорел», — думаю, и пошел его искать. Смотрю, а он

в Балте на Слоновском¹ току волов подгоняет. Ах, думаю, гяур² мой арчи, из кожи гяура сшитый! Размахнулся я, ударил его по правой щеке — высыпалась из него целая куча проса. Ударил по левой щеке — высыпалась куча соли. Собрал я соль и просо и отнес на гору Кариу. Ты меня слушаешь, алдар?

А алдар уже уснул, только храп стоит.

Бедняк вкривь и вкось, клочками обрил ему голову, погрузил золотом на осла и пустился в путь. В теснине Забиаг привязал он осла в лесу, в стороне от дороги, а сам уселся на обочине и стал ждать.

Тем временем алдар проснулся и бросился в погоню за бедняком. Скакал он, скакал и въехал, наконец, в теснину Забиаг, где младший брат сидел у дороги. Не узнал его алдар и крикнул:

— Ты не видел здесь путника с ослом?

— Удивительные вопросы ты задаешь, — ответил младший брат, — в этом ущелье у всех есть ослы.

— Его имя Ешехуже, я гонюсь за ним, он украл мои деньги!

— Хуже тебя я никого не видел, посмотри-ка на свою голову.

— Не зли меня, я и так зол, — зарычал алдар. — Один проходимец украл у меня целый выюк золота, и мне надо его догнать!

— А-а! Так он был здесь недавно и поехал вон в ту сторону. Но там узкая крутая тропа, по ней не проехать на коне. Оставь коня здесь и беги за ним, пешком ты его быстро настигнешь.

Алдар оставил коня и помчался догонять человека по имени Ешехуже. Бедняк отвел коня в лес, привязал его рядом с ослом, а потом отрезал конский хвост и воткнул его в мышиную норку неподалеку от дороги.

Никого алдар не догнал, вернулся назад. Увидел его младший брат издали и начал кричать:

— Скорей, скорей, алдар! Твоего коня мыши тащат в норку, один хвост еще торчит! Но не тяни за хвост слишком сильно, не дай Бог, оторвется — не видать тебе тогда коня!

Схватился алдар за хвост, потянул что есть силы, и выдернул из норки.

— Я же говорил тебе, не тяни слишком сильно, — сказал бедняк. — Пропал теперь твой конь.

Поплелся алдар в город пешком, а младший брат весело поехал домой на коне, с ослом и мешками золота.

¹ С л о н о в ы — феодальная фамилия в Тагаурском обществе дореволюционной Осетии.

² Г я у р — иноверец (презрительно).

Искатель справедливости

В одном бедном селении жили когда-то муж и жена. Не было у них ни детей, ни богатства, давила их нужда, и не знали они в жизни радости.

К старости родился у них мальчик, но почти никто из соседей не узнал об этом. Да и что толку, если бы узнали? Ведь давно известно, что люди держатся подальше от бедняков, и счастье не подходит к ним близко. Стали родители думать, кого бы взять сыну в крестные отцы. Жена говорит мужу:

— Пойди в соседнее село, найди там человека побогаче и попроси его быть крестным нашему сыну. Сделает он мальчику подарки, может, и нам что-нибудь перепадет.

— Не нужен моему сыну богатый крестный, — ответил муж, — богачи считают зазорным для себя водиться с бедняками. Найдут-ка я честного и справедливого человека, пусть он и будет нашим крестным.

Взял сына на руки и пошел по дороге.

Долго он шел, недолго ли — одному Богу известно. Встретился ему Уастырджи.

— Да будет прямой твоя дорога! — сказал Уастырджи.

— Удачи тебе, — ответил бедняк.

— Куда путь держишь?

— Ищу своему сыну крестного, человека справедливого и честного.

— Видно, мне быть крестным твоему сыну. Честней и справедливей меня нет никого.

— А кто ты такой?

— Я — путеводный Уастырджи.

— Какой же ты справедливый? Ты не даешь человеку удачи в дороге, пока он не зажжет тебе свечи и не зарежет барана, — сказал бедняк и зашагал дальше.

Шел он, шел и встретился ему Уацилла.

— Куда идешь, бедняк?

— Ищу справедливого и честного человека в крестные своему сыну.

— Ни на земле, ни на небе не найти никого справедливей и честней меня. Я согласен быть крестным твоему сыну.

— А кто ты такой?

— Я — Уацилла, гремющий в тучах.

— Где же твоя справедливость? Ты насылаешь на людей

болезни до тех пор, пока они не сварят для тебя пива и не зарежут ягненка.

Так ответил бедняк и продолжил свой путь.

Долго шел он по дороге и встретил Смерть.

— Доброго пути, бедняк, — сказала Смерть.

— Здравствуй и ты, — отвечал бедняк.

— Куда идешь, что ищешь?

— Ищу справедливого и честного человека, чтобы он согласился быть крестным моему сыну.

— Кто же честней и справедливей меня? Я и буду крестной твоему сыну.

— А кто ты? — спросил бедняк.

— Я — сама Смерть.

— Что ж, — сказал бедняк, — будь по-твоему. Ты убиваешь царей — не властны они над тобой. Ты убиваешь богачей — не могут они от тебя откупиться. Ты убиваешь богатырей — не могут они победить тебя. Ты убиваешь бедняков — не могут они тебя разжалобить. Пожалуй, справедливей тебя нет никого на этой земле.

Пошли они к реке и окрестили мальчика, окунув его в воду. Закончили крестить, и Смерть сказала бедняку:

— Теперь я с тобой в родстве, и хочу сделать тебе добро. Отнеси ребенка домой и возвращайся.

Стал бедняк звать ее в гости, но Смерть ответила:

— Как бы тебе не пожалеть, если я приду к тебе в дом. Лучше иди и делай, что я говорю.

Бедняк отнес сына домой и вернулся к Смерти.

Отвела его Смерть на высокий курган и показала рукой вдаль.

— Видишь, там, за рекой, большой город. Я давно собираюсь напустить мор на его жителей. Иди за мной туда, а когда придешь, объяви себя искусным лекарем. Меня не будет видеть никто, кроме тебя. Если увидишь, что я стою у больного в головах, знай: этот человек умрет. Если же я буду стоять в ногах — больной поправится. Тут-то и делай вид, будто лечишь его. Люди поверят, что ты можешь избавлять от смерти, и станут давать тебе деньги. Но, смотри, не требуй платы сам, бери только то, что тебе дадут.

Пошел бедняк следом за Смертью. Смерть напустила на людей мор, а бедняк сделал так, как она его научила, и деньги потекли к нему рекой. Через несколько дней Смерть сказала ему:

— Теперь ступай домой.

Отправился бедняк домой с целой арбой денег.

Прошло несколько лет, и настала пора умирать бедняку. Пришла к нему Смерть, поздоровалась, спросила:

— Хорошо ли живешь, кум?

— Хорошо, дай Бог тебе здоровья, — ответил бедняк.

Усмехнулась Смерть.

— Мое здоровье в порядке, а вот тебе пора собираться: я пришла за тобой.

Испугался бедняк, стал просить Смерть:

— Пощади, кума, я хочу пожить еще! Подожди, пока вырастет мой сын.

— Нет, кум. Ты сам искал справедливости. Ты ведь знаешь, меня нельзя ни купить, ни испугать, ни разжалобить. Раз уж я пришла, то не уйду без тебя. На этом закончим бесполезные разговоры. Ложись.

Что было делать бедняку? Он лег, но как только Смерть подошла к нему, повернулся ногами в ее сторону. Смерть зашла с другой стороны, но бедняк опять повернулся к ней ногами.

Так продолжалось долго: Смерть ходила вокруг бедняка, а он поворачивался к ней ногами. Наконец Смерти это надоело.

— Э-э, кум, я вижу, справедливость нравилась тебе, пока была выгодна! Но от меня не ушел еще никто.

Тут взмахнула она косой — и бедняк испустил дух.

Лиса-Хаджи¹

Искала как-то лиса, чем бы поживиться, забралась в чью-то кладовку, да и провалилась в бочку с черной краской. Ста-ла лисья шерсть черной, как вороново крыло. Испугалась лиса, выскочила из бочки и бросилась бежать от беды подальше.

Бежит лиса по дороге, размышляет, чего бы поесть. А над дорогой на суку петух сидит. Увидел петух лису, удивился и спрашивает:

— Что случилось, лиса, куда ты бежишь вся в черном?

— Ах, друг мой петух, — отвечает лиса, — раскаялась я в своих грехах и поклялась больше не воровать, а теперь иду в Мекку, чтобы вымолить себе место в раю.

¹ Х а д ж и — человек, совершивший хадж (паломничество) в Мекку.

— Сделай милость, возьми меня с собой, — говорит петух, — ведь и я тоже жил несправедливо!

Слетел петух с дерева к лисе. Ухмыльнулась плутовка в усы и сказала петуху:

— Пойдем, мой друг, пойдем. Молитвы откроют нам двери рая.

Пошли они вместе. Шли, шли и встретили сокола.

— Доброго вам пути, — говорит им сокол.

— Здравствуй, здравствуй!

— Куда путь держите?

— Идем в Мекку, просить милосердия Божьего. Раскаялись мы в своих грехах и хотим их искупить, — отвечает лиса.

— Ради Аллаха, возьмите и меня. Ведь я тоже не из праведников.

— Что ж, солнце мое, пойдем. Помолишься в Мекке — простятся тебе все прегрешения.

Пошли они дальше втроем и встретили по дороге удода.

— Прямой вам дороги, — говорит угод.

— Удачи тебе, — отвечают путники.

— Куда идете, что ищете?

— В Мекку идем, грехи свои замаливать.

— Я тоже грешен, возьмите с собой и меня!

Облизнулась лиса и ответила удода:

— Пойдем, душа моя. Кто идет в Мекку — тот идет в рай.

Идут они дальше вчетвером: лиса, петух, сокол и угод. Впереди лиса, за нею три ее товарища. Долго ли шли, недолго ли — кто знает? Привела их лиса к своей норе и говорит:

— Отсюда до Мекки рукой подать. Войдите-ка в эту пещеру, совершите намаз¹ и покайтесь мне в грехах своих, тогда и пойдем дальше.

Вошли паломники в лисью нору, а лиса села у выхода и говорит:

— Пусть первым выйдет петух!

Вышел к ней петух.

— Нет числа твоим женам, — говорит лиса, — и тем ты нарушил закон истинной веры. Это — первый грех, его еще можно простить. Но скажи-ка, зачем ты орешь по ночам во все горло, зачем всех будишь? Этого греха тебе Коран не прощает.

С этими словами свернула лиса петуху голову и положила его рядом с собой.

— Выходи, сокол, теперь твоя очередь каяться.

¹ Н а м а з — мусульманская молитва.

Вышел к лисе сокол.

— Ответь-ка, сокол, сколько цыплят ты украл со двора бедной вдовы? — спрашивает лиса. — Это тяжкий грех, и Коран его тебе не прощает.

Свернула соколу шею и положила его рядом с петухом.

— Выходи теперь ты, удод. Расскажи-ка, кто дал тебе право носить корону?

Отвечает ей удод из норы:

— Пусть паду я жертвой твоей, Великий Хаджи, корону мне дал сам царь Соломон. Этому есть у меня свидетели — три гуся, три утки и три индюка. Девять свидетелей могут подтвердить, что я говорю правду! Если хочешь, я приведу их сюда.

Потекли у лисы слюнки, и подумала хитрая лиса: «Удода мне и на один зуб не хватит. Но три гуся, три утки и три индюка!.. Этого хватит на целый месяц!»

И сказала лиса удоу:

— Ступай, приведи своих свидетелей. Хорошо, если они подтвердят твои слова. Но горе тебе, если ты солгал!

Удод выпорхнул из норы и улетел, а лиса уселась и стала ждать свидетелей. Прилетел удод на пастбище и стал прыгать под носом у собак, охранявших отару. Погнались собаки за удодем, а он привел их к лисьей норе. Увидали собаки лису и кинулись на нее. Поймали они лису, подмяли под себя и давай рвать зубами — только клочья полетели от лисьей шубы. А удод кричит сверху:

— Эй, лиса, что говорят тебе мои свидетели? Они подтвердили мои слова?

— погоди же, — ответила лиса. — Я тебе это припомню, если останусь жива!

С тех пор стали врагами лиса и удод.

Чертова уздечка

Было или не было — один Бог знает, но, говорят, жил в Куртатинских горах богатый человек по имени Бакар. Было у него десять тысяч овец, десять тысяч баранов, десять тысяч ягнят и столько же коз.

Но если надо было ему выйти из дому в праздник, то он просил одежду у соседей, потому что в его лохмотьях стыдно было появиться среди людей. Не было в округе человека богаче Бакара, но не было и скупее его. Жалел он денег, не поку-

пал одежды ни себе, ни своей семье, даже в праздник не ели в его доме мяса. Оборванный, босой бродил он за своим скотом и не доверял его никому. Семью свою морил голодом, даже малым детям не давал лишнего куска.

Так богач Бакар много лет был сам у себя пастухом.

Однажды летним днем согнал он скот под скалы, в тень, а сам сел на камень и стал жевать черствый хлеб всухомятку. Рядом с ним было огромное дойное стадо, но он жалел молока даже для самого себя.

Вдруг слышит Бакар шум и крики. Взглянул он в ту сторону — и видит: мчится по склону волк, а в зубах у него маленький чертенок. За волком бежит черт, но не может он догнать волка.

Вот волк уже с Бакаром поравнялся. Тут черт закричал:

— Помоги, Бакар, волк уносит моего сына!

Схватил Бакар ружье, прицелился и выстрелил. Волк перевернулся через голову и упал замертво. Подбежал к нему черт, схватил своего сына на руки, стал его обнимать, стал ласкать, а потом и говорит Бакару:

— Пойдем со мной. Вон там, в овраге, живет моя мать. Станет она тебя благодарить, станет давать тебе золото и алмазы — ты не бери ничего, а проси то, что заработал.

Пошел Бакар с чертом. Спустились они в овраг, видит Бакар — в глубине оврага дверь. Вошли они в дверь и очутились в большом доме. Пол дома из слоновой кости, стены из перламутра, а в потолке горит утренняя звезда. В глубине комнаты сидит в золотом кресле черная старуха, мать чертей.

Рассказал ей черт, как спас Бакар его сына, маленького чертенка. Обрадовалась старуха Бакару, усадила его за стол, стала потчевать невиданными яствами, а потом насыпала перед ним целую кучу драгоценных камней и сказала:

— Забирай, Бакар, это все твое.

Отвечает ей Бакар:

— Если хочешь меня наградить — дай то, что я заработал.

Заворчала старуха, пошла в кладовую и вынесла оттуда несметные сокровища — золотое оружие, кубки, монеты, слитки, целые корзины изумрудов, алмазов и рубинов. Разгорелись глаза у Бакара, а старуха все носит и носит, и огромная груда сокровищ все растет и растет. Забыл обо всем Бакар, хотел он кинуться к сокровищам, да черт больно толкнул его в бок, и он опомнился.

Говорит он опять старухе:

— Спасибо тебе, но я не хочу ничего, кроме того, что заработал.

Снова пошла старуха в кладовую, вынесла оттуда зеркало и показала Бакару.

— Это зеркало — сокровище из сокровищ. В нем видно все, даже страна мертвых. Все тайны вселенной, все чудеса небесные раскроются перед тобой. На седьмом небе, под седьмым солнцем орлиное гнездо — ты увидишь его. В седьмом подземном мире сын луны прикован цепями к скале — и его ты увидишь... На черный день берегла я это зеркало, а теперь дарю его тебе.

Хотел Бакар взять чудесное зеркало, но черт снова толкнул его в бок, чуть ребра не сломал. Охнул Бакар и говорит старухе:

— Если уж хочешь сделать мне подарок, дай то, что я заработал.

Видит старая чертовка, что он стоит на своем.

— Ну, ладно. Будь по-твоему.

Тут она размахнулась, ударила Бакара по затылку кулаком, и у него изо рта со звоном выпали железные удила.

— Иди, — сказала старуха, — я сняла с тебя узду. Теперь все, что ты заработаешь, будет твоим.

Вернулся Бакар домой и зажил с того дня так, как и должен жить человек: стал он щедрым и хлебосольным, себе ни в чем не отказывал и с другими делился. Семья и соседи дивились на Бакара и ничего не могли понять — откуда им было знать, что он освободился от чертовой уздечки, которую носил всю жизнь.

Афсати

Заболела жена Афсати. Долго болела, никак не могла поправиться. Навещали ее ангелы, навещали другие небожители, но никто не мог найти средство от ее болезни. Ей становилось все хуже, и она уже не вставала с постели. Однажды позвала она Афсати и говорит ему:

— Умираю я. Но в далекой земле, за семью перевалами живет, говорят, Хаким-лекарь. Уж он-то наверняка знает средство от моей болезни.

Сел Афсати на своего золотого оленя и в мгновение ока очутился возле дома Хакима.

— Моя жена больна, — сказал Афсати. — Может ты, Хаким, знаешь средство от ее болезни?

Хаким разбросал по доске бобы, перемешал их так, перемешал этак, а потом и говорит Афсати:

— Собери весь скот, какой у тебя есть — всех зверей лесных, кроме волков, и зарежь их. Тогда твоя жена поправится.

Приехал Афсати домой и приказал слугам созвать всех зверей. Стали звери собираться к дому Афсати. В это время Уастырджи пришел проведать больную, увидел толпу зверей и спросил Афсати:

— Зачем собрались здесь эти звери?

Отвечает ему Афсати:

— Послала меня жена к лекарю Хакиму, чтобы он научил меня, как ее вылечить. Велел мне Хаким зарезать всех зверей, кроме волков, тогда моя жена выздоровеет.

Покрутил Уастырджи ус и спросил:

— Скажи мне, кого больше — живых или мертвых?

Не успел Афсати и рта раскрыть, как из-под куста вышел еж и сказал:

— Мертвых больше!

Удивился Афсати:

— Почему же мертвых больше? Ведь и у людей, и у зверей рождается больше, чем умирает!

Засмеялся еж:

— Покойниками можно считать и тех, кто взялся выполнять все женские прихоти.

Покачал головой Афсати, свистнул зверям, и разбежались они по горам и лесам.

А жена Афсати и так поправилась.

С тех пор Афсати старался меньше прислушиваться к советам жены. А Уастырджи за смелый ответ подарил ежу кольчугу, и еж носит ее по сей день.

Три брата и Уастырджи

В одном городе жили три брата-бедняка. Трудились они день и ночь, но никак не могли выбиться из нужды и голода. Вот и решили они однажды: чем такой жизнью жить, лучше уйти, куда глаза глядят — либо счастье найти, либо голову сложить. Собрались они в дорогу, взяли каждый по черствой лепешке — все, что оставалось в доме — и на рассвете ушли.

Много ли прошли, мало ли — одному Богу известно. Остановились они отдохнуть возле быстрой речки. По обеим ее

берегам раскинулось широкое поле, лишь где-то у края земли чернел лес.

Вдруг видят братья, приближается к ним всадник на белом коне.

— Прямой вам дороги, юноши, — говорит всадник.

— Удачи тебе в делах, — отвечают братья.

— Куда путь держите?

— Присядь, отдохни, а мы тебе расскажем о себе.

А всадник этот был Уастырджи. Сошел он с коня, бросил на землю бурку и сел рядом с братьями. Стали братья рассказывать:

— Всю жизнь мы работали много, а ели мало. От темна до темна проливали мы кровавый пот, но не отпускает нас нужда, погибаем мы от бедности. Солнце нам вместо рубашки, земля — вместо обуви. Не можем мы больше так жить, вот и пустились куда глаза глядят.

— Есть ли у вас с собой еда? — спрашивает Уастырджи.

— Еда-то у нас есть — три черствых лепешки, — да нам стыдно предложить их тебе.

— Не стыдно делиться тем, что имеешь, стыдно обещать то, чего нет, — отвечает Уастырджи.

Достали тут братья свои лепешки и положили перед ним. А Уастырджи снял с коня переметную суму и стал вынимать оттуда разную еду и питье, такие яства, каких братья и не видели никогда.

Угостил их Уастырджи, а когда закончили есть, спросил он старшего брата:

— Чем бы ты жил, если бы это поле было твоим?

— Я пахал бы и сеял, растил бы хлеб, а осенью на моем току высились бы груды красной пшеницы — что тогда еще нужно для жизни?

— Хорошо, — сказал Уастырджи, — пусть будет так!

И остался старший брат жить на этом месте, а двое других отправились вместе с Уастырджи дальше. Много ли они шли, мало ли — одному Богу известно, но пришли снова к реке. Вокруг реки обширные луга, пастбища, ложбины с сочной травой.

— А ты чем жил бы здесь? — спросил Уастырджи среднего брата.

— Съесть бы мне твои болезни! — ответил средний брат. — Да если бы здесь паслись стада овец и коров, и были бы эти стада моими — что еще мне нужно для жизни!

— Хорошо, — сказал Уастырджи, — пусть будет так.

И оставил там среднего брата, а сам с младшим пошел дальше. Сколько они прошли — никто не знает, но снова перед ними широкое поле.

— Ну, парень, — спрашивает Уастырджи, — а ты чем хочешь жить?

Подумал младший брат и ответил:

— Зерно ты отдал старшему брату, скот — среднему, а я даже не знаю, что у тебя попросить. Но вон в том селе живет моя тетка, позволь мне спросить у нее совета.

— Хорошо, — сказал Уастырджи, — садись на моего коня и съезди к ней. Никто еще не ошибся, спросив совета.

Сел младший брат на коня и поскакал в село. Доехал до крайнего дома, видит, у дверей сидит древний старик. Сошел младший брат с коня, подошел к старику, поздоровался и спросил, где живет его тетка.

— Дойдешь до середины села, — ответил старик, — там найдешь моего старшего брата, он, наверно, знает, где живет твоя тетка.

Дошел парень до середины села, смотрит — сидит у дверей пожилой мужчина; голова его наполовину седая. Удивился юноша тому, что старший брат выглядит моложе. Спросил он, где живет его тетка. Ответил ему мужчина:

— Нас три брата. Старший брат живет на верхнем краю села, а его жена и есть твоя тетка.

Пошел юноша дальше и нашел, наконец, дом своей тетки. Та, когда узнала его, очень обрадовалась.

Говорит ей юноша:

— Сделал Уастырджи моим братьям подарки. Старшему дал зерно, среднему — скот. Теперь моя очередь, а я не знаю, что у него попросить. Вот и пришел спросить у тебя совета...

Отвечает ему тетка:

— У женщины только волосы длинные, а ум короток. Не знаю я, что тебе посоветовать. Надо бы спросить у мужа, но он спит сейчас.

— Нет у меня времени, — сказал юноша, — не могу я заставлять Уастырджи ждать себя.

Пошла тогда женщина и разбудила мужа. Потянулся он и говорит:

— Дай-ка мне, женушка, зеркало.

Посмотрелся в зеркало, вздохнул.

— До сих пор ты никогда не огорчала меня, а вот сегодня

разбудила не вовремя, и в бороде моей появилось два седых волоса.

Опечалилась жена и ответила:

— Покровитель мужчин решил сделать подарок моему племяннику, и он пришел к тебе спросить совета. Не годится заставлять святого ждать, потому решила я разбудить тебя.

Рассказал юноша о своем деле.

Говорит ему хозяин дома:

— Ты видел старика на нижнем краю села?

— Видел, — ответил юноша.

— А видел ли ты в середине села пожилого полуседого человека?

— И его видел.

— А теперь посмотри на меня. Я их старший брат. Наш младший выглядит древним стариком. Ему досталась плохая жена, поэтому он состарился раньше времени. Среднему брату досталась жена не из лучших, но не такая плохая, как младшему, вот и выглядит он пожилым человеком. А меня сестра твоего отца до сих пор ни разу не огорчила, только сегодня разбудила меня не вовремя, и только сегодня у меня появились первые седые волоски. Иди к Уастырджи и попроси у него хорошую жену.

Вернулся юноша к Уастырджи и так ему сказал:

— Что бы ты ни дал нам — за все спасибо, но я прошу: дай мне хорошую жену.

— Что ж, парень, ты не ошибся. Три хорошие невесты были в этой стране. Две уже вышли замуж, а к третьей сегодня пришли сваты. Скорей садись на круп моего коня!

Когда они приблизились к дому, куда пришли сваты, Уастырджи обернулся к юноше и сказал:

— Слушай меня внимательно. Я превращусь в старика, и когда мы войдем в комнату, где остановились сваты, меня посадят на место старшего во главе стола и вручат мне рог. Скажу я тост и передам рог младшим, тут ты бери его и отпей из него. Начнут сваты возмущаться и говорить, что рог этот предназначался жениху, а ты скажи им: «Эта девушка давно уже сосватана за меня, а вы что здесь ищете?» А уж дальше положишься на меня.

Как договорились, так и сделали. Сказал Уастырджи тост, а когда передал рог младшим, юноша его схватил и отпил из него. Тут разгорелся спор между юношей и сватами. Попросили они Уастырджи рассудить их. Тогда Уастырджи сказал:

— Пусть оба жениха воткнут по ветке в землю возле очага. Чья ветка зацветет, тому и невеста достанется.

Согласились сваты. Воткнули женихи ветки возле очага, и в мгновение ока ветка юноши зацвела.

Опять заспорили сваты:

— У него ветка свежая была, вот она и зацвела у огня.

Снова взял слово Уастырджи:

— Пусть оба жениха зарежут по петуху, ощиплют их, выпотрошат и бросят в кипящий котел. Чей петух запоеет из котла, того и невеста.

Так они и сделали. А когда петухи сварились, петух юноши взлетел на край котла и запел во все горло. Что оставалось делать сватам? Собрались они и ушли восвояси.

Уастырджи посадил юношу и девушку на своего коня, привез в то самое поле, благословил их и оставил там, а сам сел на коня и ускакал к себе на небо.

Шло время. Через несколько лет задумал Уастырджи проведать людей, которым когда-то сделал добро. Сел он на своего летучего коня и отправился в путь. Вот доехал он до того места, где оставил старшего из братьев. Видит, на широком току мужчина ворошит лопатой огромные кучи зерна.

— Добрый день, — сказал Уастырджи, — не дашь ли торбу зерна для моего коня?

— Если всякому, кто проезжает по этой дороге, я буду давать зерно, что же останется мне самому? — ответил старший брат. — Езжай, приятель, своей дорогой.

— Да не пойдет тебе впрок твое зерно, — сказал Уастырджи и поехал дальше.

Вот добрался он до среднего брата. Видит, в тени дуба сидит мужчина, а вокруг пасутся огромные стада.

— Пусть множится твой скот, — сказал Уастырджи.

— Живи долго, — неохотно ответил средний брат.

— Не зарежешь ли одного козленка в честь гостя? И тебе угощение, и гостю почет, и конь мой отдохнул бы немного.

— Если каждому, кто здесь проезжает, я буду резать козленка, от моих стад ничего не останется! Езжай себе дальше!

— Пусть не приносит тебе радости твое богатство, — сказал Уастырджи.

Продолжил он путь и доехал, наконец, до дома младшего брата.

— Эй, хозяева, — крикнул Уастырджи, — к вам гость!

Хозяин дома в это время работал в поле. Вышла из дому его жена и сказала:

— Гость — Божий гость!

Помогла она Уастырджи спешиться. Повела его в гостевую комнату, усадила там и положила перед ним фандыр,¹ а коня его отвела к яслям, полным зерна. Потом она пришла к гостю с ягненком и сказала:

— Женщине с давних времен не положено резать скот. За-режь этого ягненка, я приготовлю тебе обед.

Ответил ей Уастырджи:

— Жалко мне, сестра моя, резать маленького ягненка. Пусть живет.

Женщина ушла и вернулась с бараном. Уастырджи зарезал барана, женщина приготовила обед, тем временем и муж вернулся с поля. Угостили они Уастырджи, как положено, он поблагодарил их и уехал домой.

С тех пор люди каждый год режут для Уастырджи барана.

Куртатинские пастухи

Когда-то давно возгордились куртатинские пастухи. Дзыкка², если он холодный, не ели, молоко, если оно от черной овцы, не пили.

Однажды поймали они волка и живьем содрали с него шкуру. Убежал волк на вершину Кариу и стал выть оттуда. Солнце и ветер сушили его тело, по всем ущельям разносился его вой. Три дня выл волк с вершины Кариу, пока не издох.

На четвертый день застала пастухов в горах непогода. Обрушился с неба ливень с градом. Гремело небо, сверкали молнии, земля дрожала и горы тряслись. Испуганное стадо металось из стороны в сторону. Пастухи загнали свой скот в пещеру и сами укрылись в ней.

Тут сорвалась с горы огромная плита и закрыла выход из пещеры. На другой день собрались по тревоге люди, попытались они откопать пастухов, но чем глубже копали, тем больше оседала плита. Люди долго работали, да все без толку, не удалось им освободить пастухов.

А из пещеры едва слышно доносились причитания:

«Черный день настал, наша смерть пришла,

Схоронила нас вечная скала!»

¹ Ф а н д ы р — осетинский музыкальный инструмент.

² Д з ы к к а — блюдо, приготовляемое из сыра, масла и муки.

Несколько дней еще было слышно, как кричат пастухи, потом они затихли. Гора поглотила их.

Даже с волком не обращай бесчеловечно.

Глупец не любит мудрецов

Когда-то, говорят, мудрец Сем шел по Санибанскому ущелью и встретил в пути какого-то человека.

— Да будет прямой твоя дорога! — сказал Сем.

Встречный внимательно посмотрел на него.

— Не тот ли ты Сем, которого люди считают мудрецом? — и, вместо того, чтобы ответить на приветствие, стал поносить Сема.

Идут они вместе. Сем слушает, а тот человек осыпает его проклятьями.

Приблизились они к селу, тут Сем остановился и сказал спутнику:

— Все, что хочешь мне сказать, говори здесь, пока мы не вошли в село, а то люди будут над нами смеяться.

Не одолеть злобного кротостью, врага — добром, скупца — щедростью, лжеца — правдой.

Овечий начальник

Просил волк тигра:

— Сделай меня начальником над овцами!

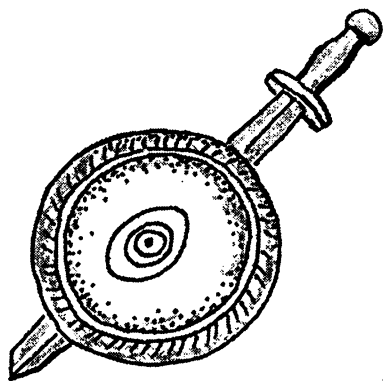
Тигр слышал, что не все отзываются о волке хорошо, вот и решил он собрать зверей и спросить их мнения, чтобы потом никто не сказал, что он сделал неправильно.

Собрались звери, и тигр спросил их:

— Как вы считаете, годится волк овцам в начальники?

Никто против волка не возразил — и тигр сделал его начальником над овцами.

Что же сказали овцы? А ничего. В том-то и беда, что их забыли спросить. А ведь их надо было спрашивать в первую очередь.

Кудское ущелье

*Если больной не скажет о болезни,
Как о ней узнает врач?
Если голодный не попросит есть,
Кто ему даст кусок хлеба?*

Посреди Кавказских гор печально темнеет Кудская теснина. Высокие скалистые горы, мрачное узкое ущелье — сердце болит от его вида, как от взгляда в могилу. Солнце освещает утесы вокруг, но глубины Кудского ущелья при этом темны, солнце не заглядывает туда. Если весь мир перевернется, в Кудском ущелье об этом, может быть, узнают через год, а, может — не узнают никогда. Небо забыло о жителях Кудского ущелья, и люди о них не помнят; был там когда-то священник — и того забрали.

Кудцы давно жалуются на безземелье; наконец им сказали: найдите свободную землю — и она будет вашей. После выселения из Голета ингушей там остались пустые земли, кудцы попросили их себе. Власти обнадежили их: посмотрите эти земли, если они вам подойдут — берите их. Послали смотреть. Конечно, там лучше, чем в Кудском ущелье. Обрадовались люди: «Наконец-то вырвемся из нашего ада!» Но власти стали дуть в другую дудку: у казбекцев, говорят, мало земли, эту землю отдадим им.

Еще бы, у казбекцев и скота, и денег много... А что взять с кудцев?

Зимой северный ветер наносит в Кудское ущелье, как в могилу, сугробы. Снег ложится слоем в сажень толщиной, и становится невозможно пройти от порога к порогу. Месяцами люди не могут добраться до реки и вынуждены пить снеговую воду.

О дровах не стоит и заикаться. Раньше их возили из Хадского ущелья, теперь туда не позволяют даже заглядывать. Замерзшие ребятишки пытаются отогреться в кизячном дыму. «Голода и холода боится даже волк» — как правильно это сказано! В Кудском ущелье нет волков — они там не выживают.

Не проходит и года, чтобы лавины или вода не унесли кого-нибудь, оставив детей-сирот на попечение рыдающей матери.

Но когда надо отрабатывать гужевую повинность, раньше всех в Млет сгоняют кудцев. Если занесло перевал, их первых гонят в Гудаури с лопатами. Нужны люди в армию — и тут они первые. А владеют они клочками земли размером с ладонь. Санибанцам дали землю выше Гизели — говорят, их горные пашни снесла вода, вот им и добавили, в то время как они владеют землей от Кобана до Ларса.

В Кудском ущелье, как говорится, быку уже негде прилечь — а землю все не дают. К тому же в июле там выпал град размером с гусиное яйцо. Остатки пашни снесла вода, остались лишь голые скалы.

Что же будет, если Кудское ущелье останется в забвении, если не получит никакой помощи?

Сон Хазби

В двенадцати верстах к западу от Дзауджикау, у входа в Даргавское ущелье лежит селение Кобан. Творец словно для себя создавал этот уголок: живописные склоны, глубокие лощины, высокие вершины и хребты — от их вида радостно на сердце.

Мощные башни, твердыни крепостей, островерхие каменные склепы стоят свидетелями того, что здесь жили люди, любившие родину.

...Был весенний день, светило солнце, протянув лучи от горы к горе. Кобанские скалы сверкали, как будто их расшили золотом. Высокая пожилая худошавая женщина — мать Хазби Алыккаты — сидела, задумавшись, в большом доме у очага.

Вошел Хазби и сказал, сядя рядом с матерью:

— Ночью я видел странный сон, нана.

— Что же ты видел, Расскажи мне.

— Я видел черную тучу в узком ущелье, над нею летали вороны, из глубины ее гремел гром. Наша большая черная корова с ревом металась по двору. Из-за хребта прилетели две голубки и стали выщипывать свой пух возле нашего порога, а посреди двора в луже крови бились три курицы.

Тут воскликнула в тревоге старая мать:

— Горе мне, горе, Хазби, не к добру твой сон! Ведь черная туча в ущелье — это пороховой дым, вороны над нею — вражеские войска, а гром из тучи — это грохот их пушек. И не корова будет метаться по двору, это я буду биться и кричать, когда тебя убьют враги. Кровавый дождь прольется на нас, Хазби!

Ты видел, как две голубки выщипывали свой пух — то две твои сестры будут в горе рвать на себе волосы.

Ты видел трех кур, бившихся в луже крови — трое лучших из лучших кобанцев будут убиты в бою — вот что значит твой сон, мой мальчик!

И тут с улицы донесся до них крик глашатая:

— Тревога! Телпоц¹ ведет на нас войска! Пусть каждый, кто носит имя мужчины, выйдет в ущелье им навстречу!

И воскликнул Хазби, хватая оружие:

— Пусть наденет женскую косынку тот, кто отступит в этом бою! — и бросился вперед во главе других воинов.

Они засели в ущелье у слияния двух рек и стали ждать. Вскоре вражеские войска приблизились, и бой начался. У Хазби была твердая рука и верный глаз — он бил без промаха, пороховой дым облаком стлался над его головой. Его товарищи тоже непрерывно стреляли, осыпая солдат градом пуль, и река в ущелье стала красной от крови.

Войска Телпоца дрогнули и стали отходить. Хазби, заткнув за пояс полы черкески, крикнул товарищам:

— Прощайте, кобанцы, живите долго!

Он врубился в отступающий строй, прокладывая себе путь саблей, и кровь струйкой стекала с его локтя.

Какой-то солдат выстрелил из кустов, пуля вошла между лопаток Хазби, и он замертво упал с коня. И дня не прошло, как его сон исполнился.

Светлая ему память! Он отдал жизнь за родину — и песня о нем будет жить, пока жив осетинский народ.

¹ Т е л п о ц — так осетины называли генерала Дельпоццо.

Ответ

Мой незнакомый друг! Жаль, что ты не сообщил мне свой адрес, поэтому я вынужден отвечать тебе через журнал.

Спасибо за то, что ты учишь меня. Великий мудрец сказал когда-то: «Умный человек любит учителя, сердце глупца болит от поучений». Не могу похвалиться, видно, я не из умных людей.

«Ты пишешь удивительные стихи, но не можешь их складывать», — говоришь ты. Верю, что ты считаешь себя правым, но как мне с моим багажом садиться на чей-то корабль? Пока осетинский язык не застонет и не запоеет из самой глубины своей, до тех пор не будет цветов на древе осетинской поэзии. Но сегодняшние стихи — основа для будущих. Мне немного понятны движения осетинского языка, сообразно этому я и пишу. Что же делать, если мы с тобой по-разному произносим одни и те же слова, как нам договориться? Есть много разновидностей осетинского языка; если тебе это кажется неправильным, значит, ты пытаешься протащить верблюда в игольное ушко, но пройдет ли он?

Наверное, твои поучения правильны, но я не хочу плыть на чужом корабле. Вода, когда разольется, сама находит себе дорогу. Чем сидеть позади чьего-то седла, лучше я пойду пешком. А язык сам найдет себе форму. От стихов Давида Сослана до современных грузинских стихов не ближе, чем до солнца, но все же они сверкают в истории.

*Оставь меня, брат. Как смогу — буду петь.
Уж лучше пропасть, чем без дела сидеть.*

Письмо в газету

Некто Одинокый пишет в газете «Ног цард» об осетинском языке — о том, что нельзя допускать проникновения в него иноязычных слов. Мне кажется, это неправильно. При внимательном рассмотрении в осетинском языке можно найти немало слов, взятых из грузинского; есть и такие, что пришли из персидского языка.

Этих слов, если их собрать все, окажется очень много, но не следует этого бояться. Еще русский писатель Карамзин

говорил об этом, и, действительно, в русском языке тоже очень много заимствований.

Жизнь сама прокладывает пути развития любого языка; осетинский тоже выберет для себя то, что ему нужно.

Если подробно изучить возможности и словарный запас осетинского языка, он не покажется беднее других, но над ним еще мало работали, а кое-кому он и вовсе не нравится. Не потому ли в Северной Осетии многие, хоть и плохо, но говорят по-русски?

Конечно, когда разговариваешь с русским человеком, надо говорить по-русски. Но какая необходимость говорить по-русски или по-грузински, если разговаривают два осетина? Это и есть причина обеднения родного языка.

Развиваться и двигаться вперед может только то дело, над которым кто-нибудь работает. Газета «Ног цард» существует всего пять месяцев, и за это время, как мне кажется, стала вдесятеро лучше. Надо думать, через пять — десять лет она улучшится еще во много раз. Одно только плохо: жатва обильная, да жнецов мало.

В Грузии образованные люди с давних пор трудятся над улучшением своего литературного языка. Еще недавно у них была одна-единственная газета — «Дроеба», теперь же выходит уже несколько.

А мы ругаем свою газету, как молодую невестку в старые времена. Но если так будет продолжаться, мы можем остаться вовсе без газеты.

Одно слово тянет за собой сотню, один человек укажет путь тысяче, по одному камню строились башни наших предков.

Пора и нам взяться за дело. Пусть каждый, насколько позволят ему силы и знания, поможет развитию нашего литературного языка. Пишите об этом, не откладывая, в редакцию газеты «Ног цард».

Что же касается заимствований — давайте отложим этот спор до лучших времен.

Родина

Вершины на землю глядят свысока,
На юг и на север раскинув отроги.
Утесы стоят, молчаливы и строги,
Сверкает над бездной язык ледника.

На склонах потоки кипят серебром,
Ущелья тревожит их голос могучий,
И с Черного моря идущие тучи
Над Черной горою рассыпали гром.

Густые туманы ползут по горам,
И скалы укрылись завесой мгlistой.
Кустов рододендрона¹ жесткие листья
Извечную жалобу шепчут ветрам...

Скорбящие горы

Меня колесница волшебная мчала. Родные просторы
В глаза мне сурово глядели.
Я издали видел угрюмые горы,
Я видел хребты и вершины — от горя
И снега они поседели.

¹ Рододендрон — вечнозеленое кустарниковое растение.
Произрастает в горных районах.

Они обнимают, как мертвых детей, разоренные села.
Как тяжек их плач, их укоры:
«Взгляните на отчий ваш край невеселый,
К нему обратите сыновние взоры,
Избавьте его от позора!»
Никто их не слышит, и скорбным речам их никто не внимает,
Слова их в безмолвии стыннут.
Потоком их слезы по склонам вскипают
И к людям дорогу сквозь льды пробивают
Из каменной горькой пустыни.
Что ж люди? Что наши мужи? — Бегут, рассыпаясь по миру,
Судьбу себе выбрали сами:
Живут без отчизны, бездомны и сиры,
Ни бед, ни страданий, ни радостей Ира¹
Не видя слепыми глазами.

Печальные думы

О, если б вернуть удалось мне один только день
Из тех, когда сердце орлом в поднебесье летит!
Идешь, подбоченясь и шапку надев набекрень,
И вольная жизнь на тебя, улыбаясь, глядит.

Прекрасен наш солнечный мир! Посмотри в небеса,
Брось на высокие горы внимательный взгляд:
Как ярко сияют небес голубые глаза,
Как гордо над миром могучие горы стоят!

Но тучи приходят — и свет заслоняют собой,
Приходят туманы — и солнце скрывают от нас.
И хмурое небо рыдает над нашей судьбой,
И тяжкие слезы льют горы из каменных глаз.

О, если бы солнце светило над миром всегда,
О, если бы песня, как птица, рвалась на простор!..
Но черною тучей клубится над нами беда,
Но мысли печальные снова туманят нам взор.

¹ И р (осет.) — Осетия.

* * *

«Весь бескрайний мир нам дорог,
Жизнь мы любим, — говорят, —
Пьем, едим — и мало горя,
Если ваши льды и горы
Вдруг исчезнут», — говорят.

Что им тяжкие заботы
Ими преданной страны!
От нее они свободны,
И бросают взгляд холодный
На нее со стороны.

Иногда виденьем странным
Им является во снах
Образ родины туманный —
Той, что плачет непрестанно
О потерянных сынах.

Той, чьи беды и печали
Позабыть они смогли.
Ветры с гор к ним в дверь стучали,
К ним весною реки мчали —
Слезы брошенной земли.

Не слышали... Ну, что же,
Видно, в новой их судьбе
Край отцов их не тревожит
И напомнить им не сможет
Жгучей болью о себе.

«Здесь, внизу, живут просторно,
Хлеба досыта едят!
Что за жизнь в трущобах горных,
На холодных скалах черных?» —
Нам, смеясь, они твердят.

Бог судья им! Пусть же знают:
Тот не нужен нам вовек,
Кто отчизне изменяет,
Кто на белый хлеб меняет
Песню вольных наших рек!

О, если бы!

Язык моих предков! О, если б
Имел над тобою я власть,
Чтоб речь моя вольною песней
Свободно и стройно лилась!

О, если бы мне над отчиной
Увидеть сиянье весны,
И если бы в будущей жизни
Сбылись мои давние сны!

О, если б единою ратью
Мы к свету стремиться могли,
Друг друга любили, как братья,
И смело в грядущее шли!

Наш голос над кручею горной
Взметнется в небесную высь,
И пусть нам пребудет укором
Постылая прежняя жизнь.

Пусть песня не знает преграды,
Пусть ветер бушующий вдаль
На крыльях несет нашу радость,
Развевя былую печаль!

Когда-нибудь, в бурях родившись,
Придет к нам свобода. И вновь
Народ обретет, пробудившись,
К отчизне святую любовь!..

Ганис

Седые пики,
Кустарник дикий,
Немые скалы.
Земля родная
Теперь, я знаю,
Пустыней стала.

Арагви вьется,
О скалы бьется
Потоком грозным.
На дальнем склоне
Толпой смущенной
Стоят березы.

Поют их кроны
Листвой зеленой
Ветрам и тучам,
А над лугами
Плывет кругами
Орел могучий.

Вершины стынут
В холодной сини,
В немой молитве.
Трудна их повесть —
И ветра посвист
Как эхо битвы.

Шумят потоки
Дожей жестоких,
Грохочут сели¹.
Друг к другу птахи
Прижались в страхе,
Забились в щели.

И нам ненастье
Несет несчастье
Холодной ночью —
Не зная, кто мы,
Уйдем от дома
Поодиночке.

В угрюмой бездне
Навек исчезнет
Бедняк убогий.
Не знавший ласки,
Бредет с опаской
Ночной дорогой.

Над черной кручей
Лишь куст колючий
Ему опора.
В худой одежде,
И нет надежды,
И в песне — горе.

¹ С е л ь — обвал из камней и грязи.

Зимою, в холод
Жестокий голод
И волка губит.
В бессилье тяжком
Любой дворняжке
Он путь уступит.

В лесу дремучем
Олень могучий
В веселье сытом
Ревет все пуще
И бьет идущих
Стальным копытом.

По нивам скудным,
Лесам безлюдным
Лишь зайцы скачут.
Роняя слезы,
Стоят утесы,
От гнева плачут.

В глубоком горе
Застыли горы,
Дрожат всей грудью —
Возьмут их руды,
Сокровищ груды
Чужие люди.

Язык немеет,
Я петь не смею
О том, что снится.
Больной, усталый,
Одним лишь скалам
Могу открыться.

В оврагах пашни,
Пустые башни —
Обломки жизни.
Снега, лавины,
Домов руины, —
Моя отчизна...

Дарьял

Дарьял молчаливый
Угрюм и суров.
Утесы, обрывы
И буйство ветров.

Здесь бешеный Терек
Под черной стеной
Бросает на берег
Волну за волной.

И рушится слепо
На выступы скал
Холодный, свирепый,
Бушующий вал.

Весь в брызгах и пене,
Гремя и кипя,
Он рвется из плена
К далеким степям.

И там, на просторе,
Широкой рекой
Уходит он в море
На вечный покой.

Плуг

Плуг мой, железный плуг!
Наши волы крутороги.
Людам ты — верный друг,
Поле — твоя дорога.

Из ясеня рукоять,
Сошник из упругой стали.
Ниву свою пахать
Мы еще не устали!

Мое дерево

Здравствуй, могучее дерево,
Опора моя и советчик!
К тебе я взываю, дерево,
Выслушай мои речи!

Жжет тебя летом солнце,
Зимою лед покрывает,
Ветер в грудь твою бьется,
Листья с тебя срывает.

Орлы и коршуны злые
Гнезда выют в твоей кроне,
Дикие вепри лесные
Твои подрывают корни.

Зло причинить стремится
Всякий, кто только может —
Звери, хищные птицы
И муравей ничтожный.

Ты же спокойно и мудро
Напасти всегда сносило.
Скажи мне, мой друг, откуда
Стойкость твоя и сила?

Не смейся, мой друг, не надо,
Где мне с тобой равняться!
Я под ударами падаю —
И не могу подняться.

Призывающий к битве

Враг к нам рвется жестокий,
Грозит нам бедою, братья.
Льются крови потоки,
Пора за оружие браться!

Гибель лучше позора!
Враги уже перед нами,
Слышите — стонут горы
Под взмысленными конями.

Если на бой кровавый
Мы не встанем все вместе —
Лишат нас жизни и славы,
Наших жен обесчестят.

Плетью, как скот, погонят
Тех, кто останутся живы,
Волю нашу схоронят,
Вытопчут наши нивы.

Хлевы нам будут домами,
Отнимут все, чем гордимся.
Враг будет править нами,
Мы — в рабов обратимся.

Если руки мы сложим,
Забыв о свободе и чести,
Мечи не вынем из ножен —
Пусть имя наше исчезнет!

Дети свободной отчизны!
Как предки наши когда-то,
Во имя будущей жизни
Встретим врагов булатом!

Гремит над родиной снова
Клич боевой тревоги.
Держим меч наготове,
Беду прогоним с порога!

Март

Хмурый март свистит метелями,
Над полями снег клубя.
Сколько можно, в самом деле? —
Мы в обиде на тебя!

Скрыто небо мглою белую,
Толстым слоем снег лежит.
Кто — закутан в шубу беличью,
Кто — от холода дрожит...

Весенняя песня

Снег на южном склоне тает,
Светит радостное солнце.
Тучи с ветром улетают,
К нам весна глядит в оконце.

На простор с веселой песней,
Вдаль от снежного порога
Мчат ручьи в ущельях тесных
И зовут с собой в дорогу.

Солнце, небо, гомон птичий,
Ярких красок полыханье.
Даже ворон весел нынче
От весеннего дыханья!

Теплый ветер днем и ночью
Не дает ветвям покоя
И проснувшиеся почки
Гладит мягкой рукою.

Как ребенок шаловливый,
По траве зеленой пляшет,
К людям ластится игриво
И летит над полем дальше.

Нам цветы улыбки дарят,
Травы клонятся приветно.
Как весне я благодарен —
Это все ее приметы!

Это ей навстречу рвется
Сердце пойманною птицей —
А весна ему смеется,
В грудь стесненную стучится.

Здравствуй, солнечная, здравствуй,
Дай нам радости, прошу я!
Пусть предвестниками счастья
Ветры вешние бушуют!

Вечный младший

С рожденья не знаю славы,
На жизнь мою грустно смотреть.
Но если придется — право,
Готов за вас умереть.

Всю жизнь с топором, с арбою...
Безрадостна лет череда.
Я плачу сам над собою,
Забыв покой навсегда.

Но я ведь других не хуже,
Дождусь ли светлого дня?
Для счастья немного мне нужно —
И это есть у меня.

Пушай гордецы злословят,
Придет и моя пора:
Быки к работе готовы,
Коса звонка и остра!

Сирота

Гаснут во мгле лучи
Вечером поздним.
Высыпали в ночи
Яркие звезды.

Мрак на земле лежит
Полночью темной.
В поле пустом дрожит
Мальчик бездомный...

Одинокий

Не брат я князьям,
Не ровня алдарам,
Да только меня
Не купишь задаром.

Я вырос один
У матери доброй,
Седому отцу
Под старость опора.

Родительский кров
Я помню поныне:
Дымящий очаг,
Полы земляные.

О доме отец
Тревожился мало,
Всю жизнь по пирам
В седле разъезжал он.

Добро он имел,
Над ним не трясса.
Шесть тощих коров —
Вот все богатство.

Пусть болен и слаб,
Пусть терпит лишения —
Готово всегда
Гостям угощенье.

Всем был он рад,
Кто в дом заглянет,
Любой ему брат,
Кто чаркой поманит.

Однажды решил:
«Женю-ка я сына».
Калым уплатил —
Отдал всю скотину.

Сватов послал,
А я был юнцом.
Что ж, будь что будет.
Как спорить с отцом?

«В хозяйстве давно
Нужна нам подмога.
Теперь вы — семья.
Живите с богом...»

Недолго жила
Жена моя с нами,
Ушла в лучший мир...
Светлая память!..

Мать в доме одна
Выбивалась из сил.
Почти каждый день
Отец ее бил.

От жизни такой
Бедняжка слегла.
Пять лет болела,
Все смерти ждала.

«Бедный мой сын,
Мальчик мой милый!» —
В слезах и тоске
Сошла в могилу.

Остался я
Один на свете.
С тех пор для меня
И солнце не светит.

Как дальше жить?
Ни хлеба, ни денег.
Меня приютил
Старик священник.

В дом к себе взял
Дьячок убогий,

Звал меня сыном,
Учил понемногу.

Вот умер отец.
Нужда все острее.
Кто на земле
Меня согреет?

Не видно родни,
Всяк сторонится.
Надо бы мне
Снова жениться.

Да только кому
Теперь я нужен?
Чурек¹ на обед,
Вода на ужин.

Земля мне — постель,
Лед вместо хлеба.
Мой спутник — беда,
Свидетель — небо.

За счастьем решил
Я в путь пуститься,
С порогом родным
Навек проститься.

Замерз бы насмерть
На перевале,
Да люди шли —
Меня подобрали.

Еле живой —
Что с меня взять?
Спроси, попробуй:
«Не нужен ли зять?»

Меня принесли
В какой-то дом,

¹ Ч у р е к — лепешка из грубой муки.

Едва отходили,
Согрели с трудом.

Хозяйская дочь
Сидела рядом.
Отец ее где-то
Ходил за стадом.

Она на меня
Смотрела с участием,
И сердце мое
Рвалось на части.

«Быть мне, бедняк,
Твоей женою.
Как минет зима —
Придешь за мною».

Настала весна,
Пришел я к ним снова.
Глядит на меня
Хозяин сурово.

Властен, богат,
Спорить с ним тяжко.
Я перед ним
Ничтожней букашки.

«Сестру трем братьям
Бог дал одну.
Не там, приятель,
Ты ищешь жену.

Проси, не проси —
Не отдам тебе дочь.
Вот мой ответ.
Ступай себе прочь!»

А дома нужда
Совсем задавила.
Пустой очаг
Угрюм, как могила.

...Вот из-за гор
Зима к нам идет.
Мне люди сказали:
«Она тебя ждет».

Опять пустился
Я в путь с порога,
Взял трех друзей
С собой в дорогу.

Хозяин хмур,
Зол, как собака.
Того и гляди,
Полезет в драку.

Мой сват Сослан
Речист, как Сырдон¹.
«Ласково встретил —
Зови теперь в дом.

Зачем пред гостями
Показывать норов?
Работник в доме
Полезней споров».

«Батрачь пять лет —
И то будет мало.
Хоть бы коня
Впридачу дали!»

Сидим за столом,
Беседу ведем...
«Живем мы близко,
В Ганисе наш дом.

Решай, хозяин,
Все в твоей власти».
«Ладно, согласен,
Дай Бог им счастья!»

¹ С ы р д о н — герой Нартского эпоса, известный своим красно-речием и хитростью.

...У тестя жить —
Немного чести.
Одно утешенье,
Что с милой вместе.

Жену на зависть
Судьба мне дала:
Она без меня
И есть не могла.

Я свадьбу справил
Той же зимою,
Хоть впору было
Идти с сумою.

В горах бедняку
Не жизнь, а мука.
От тяжких трудов
Гудели руки.

Вот так и жили,
Себе не рады.
«Давай уйдем
Из этого ада!»

Я этих лет
Век не забуду.
Моя недоля
Со мною всюду.

Ходил по селам,
Где только не был!
Как вол, работал
За корку хлеба.

Но было небо
К нам безучастно,
И шли за нами
Наши несчастья.

В славный Калак
Привела нас дорога.

Теперь у нас есть
Кое-что, слава Богу.

Хоть мало добра,
Да много детей.
В лохмотьях ходим
Среди людей.

А годы мчатся,
Словно во сне.
Дни наши тают,
Как снег по весне.

Нас нищета
Гнетет, как прежде.
Как человеку
Жить без надежды?

Счастливого дня
Не дождусь я никак.
Ты хочешь знать, кто я? —
Ганинский бедняк.

Любимая

Ты — жизнь моя, мечта моя,
Цветок любви чудесный.
Тебе стихи слагаю я —
Мою послушай песню.

Всегда я помню о тебе,
Певунье черноокой.
Одна лишь ты в моей судьбе, —
Не будь ко мне жестокой!

Твой чудный облик для меня —
Как солнца отраженье.
Твой голос — пенье соловья,
Ты — жизни украшенье.

Румянцем нежного лица,
Волос волнистой прядью
Похищен сон у молодца,
Покой его украден.

Какой огонь горит в груди!
Когда б ты это знала,
Ты б не сказала: «Уходи,
Я от тебя устала!»

Одной надеждою дышу,
Лишь о тебе мечтаю.
Не отвергай меня, прошу,
Любовь моя святая!

Я думаю, и солнца дочь
С тобою не сравнится.
И сын луны глядит: не прочь
Он на тебе жениться!

Ночами долгими во сне
С тобой встречаюсь взглядом,
Но день придет — и снова нет
Тебя со мною рядом...

Лентяй

Родителям злой укор,
Живет, чтоб небо коптить.
Он ест чужое, как вор,
Его б камнями побить!

Его обуяла лень,
Он от трудов бежит
И неподвижно весь день
В постели мягкой лежит.

Вол усталый — и тот,
Наевшись, играет с дружкой.
Этот — мертвым живет,
Не думает ни о ком.

Арака

Забыть о совести легко
Тому, кто любит зелье,
Но до беды недалеко
От пьяного веселья.

Весь день он будет, пьян и груб,
Кричать, шуметь и драться,
Чтобы потом, упав, как труп,
Всю ночь в грязи валяться.

Плохой сын

Для дома плохая собака была
Лучше сына плохого всегда.
Может мясо она стащить со стола —
Вот и вся от нее беда.

А сын плохой растащит весь дом,
У него не дрогнет рука.
Съест все, что ты нажил тяжким трудом,
Не оставит тебе ни куска.

Он пьет каждый день — и больно смотреть,
Как несчастен отец-старик.
Не лучше ль, бедняк, тебе умереть,
Чем терпеть его пьяный крик?

Старик страдает: и сон не в сон,
И еда ему не еда.
Чем сына такого — лучше бы он
Не имел детей никогда!

Поминки

Не надо хвалиться силой,
Доблесть свою прославляя.
Ждет и тебя могила,
Сгоришь, как былинка сухая.

Дни уходят и годы,
Как солнце вечерней порою.
Кто жизнь посвятил народу —
Лишь тот и умрет героем.

Знай, у черты последней
Нет места молитвам слезным.
Каяться станешь тщетно,
Да только уж будет поздно.

Останутся денег кучи
У Вечности на пороге —
Лишь совесть тебе попутчик
В далекой твоей дороге.

Свершат над тобой лицемеры
Бессмысленные обряды,
Родня, поплакавши в меру,
Забыть тебя будет рада.

И вряд ли тебе поможет
Вино, пролившись на тризне...
Врагу своему того же
Желаю в конце его жизни...

Богач

Богатство его такое:
Табун коней и отара.
Не знает с ними покоя —
Они не даются даром.

Хвалиться долго он может
Скотом, имуществом прочим —
А перед гостем положит
Сухого сыра кусочек.

Он деньги свои считает,
Собою очень гордится,
А утром с трудом глотает
Черствый чурек с водицей.

Только настанет вечер —
Он патронташ свой вынет
И на худые плечи
Старый тулуп накинёт.

Меряет тьму шагами,
Не выпуская приклада,
Ночь напролет кругами
Бродит около стада.

Хлеба не есть он вволю,
Пропитан навозом и потом,
Влачит он рабскую долю,
То косит, то носит воду.

Когда же умрет, как нищий,
В одежде худой и рваной,
Ему, как велит обычай,
Зарежут быка и барана.

Проводят его с порога
Мясом и пирогами
И пожелают в дороге
Не повстречаться с врагами.

И, воскурив ему ладан,
Скажут, закончив сборы:
— Видишь, с тобою рядом
Те, кому был ты дорог.

Все, что на тризне этой
Тебе посвятили люди,
Получишь ты на том свете,
А мы тебя не забудем.

Дочь твоя возле гроба.
Есть ли печальней картина?
Ты за калым огромный
Продад ее, как скотину.

Смотрит погасшим взором,
Плачет, рвет свои косы...
Ей еще мыкать горе,
Ты уже — куча навоза.

Ахбол и Мила

У Ахбола жила
Собака Мила,
Незванных гостей гроза.
Лучше прочих собак,
Вся в шрамах от драк,
И огнем пылали глаза.

За хозяином вслед
До старости лет,
Как щенок, бежала всегда.
Охраняла добро —
Ни волков, ни воров
Не пускала к его стадам.

И поди, сосчитай,
Сколько волчьих стай
Разогнала она, как цыплят.
Как жилось ей тогда! —
И в доме всегда
Каждый бывал ей рад.

В темноте ночной
В беспощадный бой
С медведем вступала она.
Нынче плохи дела:
Одрыхлела Мила,
И на улице мерзнет одна.

Она дом стерегла:
Услыхав ее лай,
Вор и близко не смел подойти.
И хозяин берег,
И подумать не мог,
Чтоб ее на порог не пустить.

Ведь, бывало, с руки
Он давал ей куски —
А теперь к ней душа не лежит.
И теперь, голодна,
В лютый холод она,
Замерзая, за дверью дрожит.

Да не то чтобы вор —
Даже птицы во двор
Боялись при ней залетать...
Мухи, нагло жужжа,
Лезут прямо в глаза —
Их она не в силах прогнать.

Уж тому много лет,
Как брала она след
И гнала к засаде зверье.
Нынче ж стала стара —
И теперь со двора
Хозяин прогонит ее...

Жизнь

Можно ли жизнь бедняка похвалить? —
Черствые корки жевать он привык.
Можно ли жизнь богатея хулить? —
Ест каждый день он шипящий шашлык.

Кто побогаче — безбедно живет,
Утро встречает он сытной едой.
Ну, а бедняк, подтянувши живот,
Хлеб запивает холодной водой.

Тем, кто богат, нипочем и зима —
В теплых мехах от макушки до пят.
Бедные люди в холодных домах
Ночью голодной от стужи дрожат.

Ждет богатеев обильный обед,
Выпив вина, они громко поют...
Бедные люди, уставши от бед,
Подлую жизнь проклинаят свою.

Саниба¹

Санибанские горы
Глядят с высоты,
Снеговые уборы
Холодны и чисты.

Безнадежен и страшен
Над кипящей рекой
Обезлюдевших башен
Молчаливый покой.

Солнце землю разбудит,
Засияв над хребтом,
Только бедному люду
Мало радости в том.

Встанет пахарь угрюмо —
От темна до темна
Тяжелы его думы,
Жизнь горька и трудна.

До кровавого пота
Будет спину он гнуть,
Чтоб, устав от работы,
Сном мертвецким уснуть.

День в трудах безотрадных,
Ночь — в кизячном дыму...
Станет щедрой наградой
Склеп холодный ему.

Угощение

Ухожу от родного порога.
Смотрит солнце печально и строго.
Повстречать у Казбека мне вдруг довелось
Наше стадо людское в дороге.

¹ С а н и б а — селение и ущелье в Северной Осетии.

Как родному, мне улыбались,
Угостить меня собирались.
Где же то угощенье? — Сожрал его пес,
А мне лишь объедки достались...

Мое сердце

Я — лишь пыль под ногами, я — червь,
Никогда я не звался поэтом.
Я и шагом идти не могу —
Скакуном не считайте меня.

Непонятны виденья мои,
И на них я не знаю ответа,
Безнадежно стараюсь постичь
Назначенье грядущего дня.

На земле соловьев узнают,
Лишь заслышав их голос чудесный.
Что пытаюсь я им подпевать —
Разве в этом большая беда?

Дай им Бог, соловьям,
Звонче петь свою вечную песню,
Дай им Бог не забыть
О страданиях людских никогда!

Дума

Наверно, я прожил бы дольше, мой друг,
Когда бы не черные души вокруг...
Ах, если б друг мой
Был рядом со мной!

По капле из ран моих кровь они пьют,
Их злые слова прямо в сердце мне бьют...
Ждет, брат, и тебя
Такая судьба.

Ты видишь — до времени старым я стал,
И сил больше нет, и бороться устал...
Я душу свою
Тебе отдаю...

Прощай

Спросишь ты, о чем мои речи —
Я ведь прах под твоей ногой.
Спросишь ты — тебе я отвечу:
Не считай меня больше слугой.

Понял я: пора расставаться.
Ни о чем не проси меня —
Я рабом твоим оставаться
Не хочу уж больше ни дня.

Ты пронзал мою грудь кинжалом,
Заставлял меня жить в слезах.
И не помню я, чтобы жалость
Засветилась в твоих глазах.

Но когда сновиденьем странным
Промелькнет, пронесется жизнь,
Ты мои припомни страданья
И себя оправдать не тщишь.

Может статься, эту же чашу
И тебе припасла судьба,
Может статься, под старость так же
Кто-то в рабство ввергнет тебя.

Ты не видел, слепой и гордый,
Безнадежных слез старика.
Я искал надежной опоры —
В пустоте повисла рука.

Я свой долг уплатил с лихвою,
Ни о чем не проси меня.
Быть твоим покорным слугою
Я уже не хочу ни дня.

Птица плачет по птенцу

Ведь я говорила тебе: далеко не лети, —
Но ты не послушал меня, упорхнул из гнезда.
Не видишь опасности ты и не знаешь пути,
И сердцем я чую: тебя ожидает беда.

Зачем же свила я гнездо на пороге весны?
Ты был моим счастьем, ты душу мою согревал,
Да, видно, меня обманули весенние сны,
И в трудной дороге застиг тебя тяжкий обвал.

Ведь я говорила тебе, что сурова земля,
Что бури внезапны в степи, и жестока гроза.
Черны и пусты разоренные градом поля,
Взывают о помощи жалких птенцов голоса.

И вот мое сердце сквозь мглу за тобою летит,
На север холодный стремлюсь, выбиваясь из сил:
Что, если орел на тебя беспощадный глядит,
Что, если уже тебе в спину он когти вонзил?

Что, если — о горе! — твой пух шелковистый он рвет,
И клюв его страшен, и когти остры, как ножи...
А, может, сейчас над тобой непогода ревет,
И нежное тело твоё, замерзая, дрожит!..

А, может, в бескрайних степях ты нашел свой конец
И таешь, как соль под дождем, свою долю кляня...
А может, мой белый ягненок, мой глупый птенец,
В далеком краю погибая, зовешь ты меня!..

Осетия

Родные просторы
Мне снова видны:
Долины, вершины —
Как райские сны.

Зубчатые скалы,
Хрусталь ледников.
Здесь живы преданья
Минувших веков.

По лесу деревья
Прошепчут листвою —
Мой друг, этой песне
Ты тоже подпой!

В зеленом убранстве
Ущелья цветут,
По северным склонам
Лавины идут.

В глубокой теснине
Бушует река,
На белых хребтах
Улеглись облака.

На пашнях кремнистых
Оставлен наш след,
В домах задымленных
Готов наш обед.

Родные места
Не покинет и зверь, —
Куда же мы, братья,
Стремимся теперь?

Кто из дому сможет
Навеки уйти —
Не встретит удачи
В далеком пути.

Безлюдные горы,
Лишь ветер свистит,
И некому мертвых
К могилам нести...

И все ж на чужбине
Не сможем мы жить.
За родину стоит нам
Жизнь положить!

Певец

Возьми фандыр, запой, певец,
Рукой по струнам проведи,
Раскрой глаза нам, наконец, —
Что ждет нас впереди?

В тумане к пропасти бредем,
Но, может статься, кто-нибудь
Сердцам, покрытым черным льдом,
Укажет верный путь?

Твой нартский¹ голос нас зовет,
Никто не властен над тобой.
Пусть слава предков оживет
Сегодняшней судьбой.

Звени, упругая струна,
От сна отчизну пробуди.
Грядут иные времена...
Что ждет нас впереди?

Ненастье

Часы непогоды
К нам снова спешат.
Как камень, невзгоды
На сердце лежат.

Туманы блуждают
По черным горам,
Осетия тает
От боли, от ран,

И буря над нами
Свистит и ревет,
Деревья с корнями
Безжалостно рвет...

¹ Н а р т с к и й; н а р т ы — герои осетинского эпоса.

Скалистые склоны,
Утесов оскал,
В ущелье бездонном
Грохочет обвал.

Безлюдные пашни,
Пустые леса,
И юноши наши
В бессильных слезах,

А тучи, как волны,
Клубятся в ночи,
И сердце безмолвно,
И разум молчит...

Но верю, что счастье
Нас в будущем ждет,
Что минет ненастье,
И солнце взойдет,

Что яркая просинь
Пробьет облака,
Что щедрая осень
Придет на тока

И свет первозданный
Зажжет над землей, —
И сердце желанный
Получит покой...

Уже за стеною
Клубящихся туч
Встает над страной
Сверкающий луч.

Я верю: несчастья
Уйдут навсегда,
Исчезнут напасти,
Отступит беда,

И светлая грянет
Над миром весна —
И люди воспрянут
От тяжкого сна!

Чермен¹

Меж собой Тулатовы² стали
Делить плодородное поле,
А болота да голые скалы
Чермену оставили в долю.
Был Чермен в далеком походе,
Словно волк, с врагами он бился.
Одолеl насильников подлых,
Со славой домой воротился.
Вся в слезах, в печали безмерной
Мать его у огня сидела.
— Нет кобанцам³ кичливым веры,
Нельзя иметь с ними дела.
Поделить они пашню решили —
О моем не вспомнили сыне.
Позабыть тебя поспешили,
Будто ты для них не мужчина!
— Зря, нана, обо мне ты плачешь.
Кто мужчина — время покажет:
Где земля кобанская мягче —
Там моя борозда проляжет.
Плуг остер и быки могучи.
Я ведь вскормлен тобой недаром:
Умереть мне кажется лучше,
Чем склониться перед алдаром!
Вот Чермен шагает за плугом.
Вдалеке алдары толпятся,
На Чермена глядят с испугом,
Даже тени его боятся.
Разбежались по щелям горным,
Словно малым детям, им страшно...
А Чермен спокойно и гордо
Режет плугом теплую пашню.

¹ Чермен — историческая личность, народный герой Осетии, восставший против феодалов.

² Тулатовы — одна из привилегированных фамилий дореволюционной Осетии.

³ Кобанцы — жители с. Кобан и одноименного ущелья.

К Казбеку

Сверкающий, с царственным взором,
Возвысясь над горной страной,
Ты с солнцем ведешь разговоры,
Беседуешь с ясной луной.

Зимою, безмолвный и хмурый,
Ты слушаешь песни ветров
И спишь, убаюканный бурей,
Могуч, неприступен, суров.

Над жизнью земной скоротечной
Бессмертным владыкой царишь,
А ночью лампадою вечной
В безбрежном просторе горишь.

С высот озирая долины,
Слепящим сияньем венца
И пристальным взглядом орлиным
Вселяешь ты трепет в сердца.

Так стань к сыновьям благосклонней,
Взгляни по-иному на них,
Живущих по каменным склонам
В суровых объятьях твоих.

Спаси, защити от ненастья
Созревшие наши поля.
Пусть сердце наполнится счастьем
И светом — родная земля!

Тревога

Кто заново башню утраченной чести построит?
Земля оживает, весна молодая грядет.
Чье имя гремит, как гроза над высокой горою? —
Могучего Хетага славный наследник¹ идет.

¹ «...Хетага славный наследник...» — имеется в виду К. Хетагуров.

Волшебная речь его шелком бесценным струится —
И сны оживают, и мир изумленный молчит.
Внимают ему даже звери и вольные птицы,
И разум его над землей простирает лучи.

Гореть, словно факел — его назначенье святое,
Во всех поколениях жива будет память о нем.
Он грозное держит оружие — перо золотое,
А сердце не знает покоя ни ночью, ни днем.

Мятежное сердце пылает священной надеждой,
Сожженное горем народным, от гнева дрожит.
Он носит черкеску — отцов боевую одежду,
И гибель в бою беспощадном его не страшит.

Из рук его чистых низвергнулась света лавина
На горы и доли лежащей во мраке страны, —
Так позднюю ночью горят снеговые вершины
Серебряным светом сияющей в небе луны.

На плечи широкие принял он наши страдания,
Но родина сыну добром отплатить не смогла.
За песни свои обречен на нужду и скитанья,
По гибельным кручам дорога его пролегла.

А черные горы обвалами в пропасть сползают,
Жестокие ливни смывают скупые поля,
И мрачные мысли бессонную душу терзают:
Проснется ль когда-нибудь бедная наша земля?

Как нартский герой, он сражался за счастье и волю,
Он с раннего детства недолго и горе познал,
И, звук своей лиры наполнив душевную болью,
Он разум и сердце народу родному отдал.

Теперь нашу крепость разрушили бури и грозы,
И чахнут побеги, еще не успев расцвести.
Стоим на распутье, не в силах сдержать свои слезы:
В чью дверь нам стучаться, к кому с этим горем идти?

Руины забытой твердыни лежат в запустенье,
А юноши наши в кабацком угаре шумят,

Вершители судеб пугаются собственной тени, —
Но песни Нарона¹, как прежде, над миром гремят.

Все больше двуличья, все злее слепые раздоры,
Все чаще желаем несчастья мы братьям своим.
Кричит в ожиданье поживы ликующий ворон —
А нам невдомек, что у края обрыва стоим.

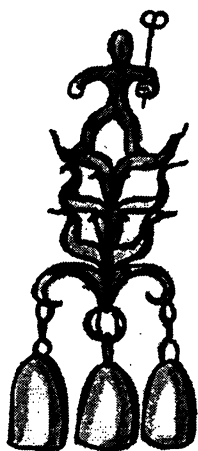
Прислушайтесь, братья! Взывает к вам голос чудесный!
Он снова осветит надеждой сердца бедняков.
Пусть юноши наши подхватят могучую песню,
И в прах обратятся тяжелые цепи оков.

Очистим язык наших предков от грязи и скверны,
Чтоб память о нас не смогла затеряться в веках,
И путать не станем с врагами друзей наших верных —
Найдем в них опору, чтоб крепче стоять на ногах!

Воистину счастлив, кто видит сквозь мглу и туманы,
Кто младшим прямую дорогу поможет найти,
Чьи сбудутся мысли, а вещие сны не обманут,
Кто сможет заблудший народ за собой повести.

¹ Н а р о н — букв. «Нарский» — от названия с. Нар, где родился К. Хетагуров.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Свобода

Она совершенна... Черны, как ночь, глаза ее... Как легконогая серна, высоко несет она чудную голову, и длинные ее волосы струятся по белой груди...

Она прекрасна... Легкий ветер развеивает светлые ее одежды... Лицо ее дышит зарей... Она любит чистое небо — и облака прячутся при виде ее...

Она — жизнь... Белоснежной рукою сеет она повсюду живые семена... Зима спешит укрыться от ее дыхания в ледяной берлоге, весна цветами устилает ей путь...

Она — счастье... Солнце выткало ей одежду из светлых лучей, золотым пламенем горит на высоком ее челе... Счастье несет она в мир, и тьма отступает перед ней...

Ее не было на земле — и люди жили в страданиях... Слепые, искали они счастья — и падали в бездну... Плотью братьев утоляли они голод, кипящей кровью утоляли жажду — и не могли утолить...

Ее искали люди, к ней обращали измученные взоры... Как о светлом дне, мечтали они о ее приходе — и белыми костями вымостили ей дорогу...

Она прилетела на облаке... С улыбкой входит она в мир, развевая ночную тьму... Она несет любовь — и люди пробуждаются ото сна... Она смеется — и жизнь кипит, и мир пришел в движение...

Поздняя осень в Осетии

Ясным осенним днем солнце с дальнего края небес, глаз прищурив, горам улыбалось, — и белоглавыя горы сверкали, как серебро. Желтели южные склоны, а на северных был уже лед; зима белизной окутала горные пики — и сурово глядят они в степь. В глубоких ущельях стелется дымом осенний туман. Мчится порывами ветер с востока, сухие листья летят вместе с ним и шепчут тихую песню. Веселы звери в горах, им тепло и привольно — было бы так всегда! Но все имеет конец — и осень кончается тоже. С северных склонов врывается выюга. Тяжелые тучи скрывают ущелья и горы. Мир потемнел.

Зима в Осетии

Хмурится небо, мчится порывами северный ветер. Скрылись в волнах мрачных туч равнины и горы. Снег колышется в воздухе, снег ложится на землю — зима укрывает ее белой шубой. Мир бел и безмолвен. Мерзнут звери в горах, жмутся к подножью скал. Метель намечает сугробы. Туры идут против ветра, овцы сбиваются в кучу, стоят неподвижно. В сумерках ворон кричит, вселяя в сердце тревогу. Люди, кто побогаче, надели шубы; те, у кого их нет — дрожат от мороза. Грохот лавин сотрясает ущелья. Солнце ушло к краю неба, скрылось во мгле. Лед плывет по реке, вода обжигает руки. Стужа все злее. Окаменела, замерзла земля, спит мертвым сном. Люди сидят по домам. С крыши старик сгребает лопатой снег. «Эх, — говорит, — слышал я, злое время и злой человек недолго живут. Ей-богу, будь проклята наша зима!»

Весна в Осетии

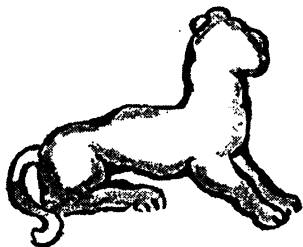
Вот и весна. День удлинился. В реках помутнела вода. Зазеленели южные склоны, на северных — пятнами держится снег. Мир ожил, повеселел; деревья, одевшись зеленой листвою,

шелестят, подпевают восточному ветру. Изголодавшийся скот щиплет весеннюю зелень. Туры уходят в высокие горы, с ними рядом радостно скачут козлята. Весенние птицы выют гнезда, щебечут на все голоса. Солнце пригрело; снег, обернувшись водой, стремится к далекому морю. Люди в весенних заботах: готовят плуги, пашут, сеют, гонят на пастбища скот. Воспряла земля ото сна, пробудилась природа. Летают, звенят пчелы, бабочки, мошки. Всех оживило дыхание весны. Старики собрались на нихасе, вспоминают бывшие дела. Рядом сидят мальчишки, слушают их рассказы.

О, весна, ты — рай, пусть вечно живет твой создатель!

Лето в Осетии

Лето стоит. Жарко... Солнце печет. Рушатся, тают вечные льды; скалы дышат прохладой, в тени нежатся горные туры. Ветер в лугах колышет шелковую траву. Косарь в полотняной рубахе движется вниз по склону; девушки сено сгребают в зеленые волны. Желтеют хлебные нивы, легкий ветер ласкает их, тихо качает колосья. Высоко в горах у кромки снегов отдыхают стада. Пастухи готовят обед на кострах, зовут друг друга в гости. И в пастушьей жизни бывают хорошие дни!.. Хозяйки хлопочут в домах, зреет в рассоле сыр, маслом полны кувшины. Кипит полевая страда: жнут хлеб, свозят сено, зерно; растут у токов скирды. Слепни звенят в знойном воздухе. Вечер. Юноши с поля идут, поют осеннюю песню: «Здравствуй, изобильная, как свежий хлеб, ты мягка!»

Сапог и калоша

Сказал сапог калоше: — Выйди вон!
Признаться, надоело мне ужасно
Компанию водить с калошей грязной.
Я выносить не в силах твою вонь!

Ответила калоша: — Ах, сапог,
Наверно, правду говорили люди:
«Добро творящий — век несчастным будет».
Как больно бьет по сердцу твой упрек!

Когда с тобою в гости я иду,
Меня ты на пороге оставляешь,
В высоких залах по коврам гуляешь,
А я за дверью терпеливо жду.

Но ты б, наверно, не ходил надутый,
Не чванился, когда б хоть на минуту
Себе представить мог, сапог пустой,
Кому своей обязан чистотой!

Молот и наковальня

Однажды в кузнице, звеня,
Поспорил молот с наковальней:
— Нужна кому-нибудь едва ли
Ты, наковальня, без меня!

Кую железо целый день,
Его сминаю я, как тесто,
А ты не двигаешься с места,
Стоишь все время, словно пень.

— А мне, ты думаешь, легко
Держать горячее железо?
В тебе ведь ни ума, ни веса...
Да что я спору с молотком!

Тебе б все прыгать да скакать —
Смотреть противно, право слово.
Но без меня, своей основы,
Попробуй что-нибудь сковать!

Клянутся оба небесами,
Шумят и спорят. До сих пор,
Наверно, длится этот спор.
А кто там прав — решайте сами.

Жалоба деревьев

Могучий дуб, пылая гневом,
Держал перед роднею речь.
Он говорил другим деревьям:
«Как лес от гибели сберечь?
Стальной топор нас бьет и рубит,
Он — враг, причина наших мук!
Он всех нас беспощадно губит!»
Ему ответил старый бук:
«Топор — ничто без топорща.
Известно это всем давно,
Но, видно, ты забыл: оно
Из дуба сделано, дружище!»

Мор зверей

Мор средь зверей идет.
Видно, гибель их ждет.
Телами покрылась земля —
Горы, леса и поля.

Лев созывает зверей:
— Явитесь ко мне скорей!
Вот в сборе звериный народ.
Лев выходит вперед:
— Бог нам больше не внимлет,
Солнце не смотрит на землю.
Причина тому одна —
Тяжкая чья-то вина.
Пусть покается каждый,
Кто согрешил хоть однажды.
Таких, видно, много здесь —
Вот Бог и наслал болезнь.
Виновный пусть себя сам
В жертву отдаст небесам, —
Может, нас Бог не оставит
И от болезни избавит...
Правда, и я грешил —
Коз и овец душил.
Стали тут звери кричать,
Льва царем величать:
— Овцы рады судьбе
И благодарны тебе
За то, что изволил их есть —
Ведь это великая честь!
От счастья они рыдали...
Да мы их и сами едали,
Право, греха в том нет —
Скушать овцу на обед!
Тут вышел какой-то вол,
Очи горе возвел:
— Стану ль пред небом врать я?
Правду скажу вам, братья.
Я признаюсь при всех:
Есть на душе моей грех.
Не он ли причина беды? —
Раз, не найдя еды,
Я удержаться не смог,
Сена стянул клочок...
Звери завыли: — Вор!
Что ж ты молчал до сих пор?!

Гнусно и низко греша,
Черная эта душа
Нас до беды довела! —
И растерзали вола...

Так уж бывает всегда:
Ждет безответных беда.

Ворона и птичка

Каркнула ворона: — Золотятся
Спелые яблоки на дубе!
Птичка стала громко смеяться —
Показалась ей ворона глупой.

Слышать смех вороне обидно,
Чувствует себя уязвленной.
Кто смеется? Чуть ее видно!
И сердито крикнула ворона:

— Как посмела ты усомниться,
Что на дубе яблоки зреют?
Вздумала, ничтожная, глумиться
Над правдивой речью моею.

Как начну в когтях тебя мучить —
Даже солнцу будешь не рада
И поймешь, что ложь моя лучше,
Чем твоя никчемная правда!

— Когти мне — за дерзость награда.
Не губи, ворона, мою душу!
Знаю я теперь свою правду,
В самом деле, ложь твоя лучше.

Об одном теперь я жалею:
Глупою ты мне показалась,
Я ж сама гораздо глупее,
Коль с тобой, ворона, связалась!

Барс и кот

Хозяин грозный всех окрестных гор,
Могучий вольный барс, владыка леса,
Однажды повстречал кота-повесу
И с ним завел суровый разговор:

— Эх, братец, братец! Как ты ростом мал...
Мне кажется, ты меньше всех на свете!
И вправду, вижу, шельму Бог отметил —
А все за то, что с детства воровал!

Все звери знают: кот — известный вор.
Тебе бы только на печи валяться,
Шельмец и плут, привык ты побираться,
Наш славный род позоришь с давних пор!

Зажмурившись, сидишь у очага,
Забыл родню, не ходишь на охоту,
А на уме всегда одна забота:
Стащить кусок чужого пирога.

Нет, кот, своей ты смертью не умрешь!
Ты бродишь по чужим домам, как нищий.
За что тебе дает хозяин пищу? —
И сам ты — лжец, и песни твои — ложь.

— Я, видно, всех ничтожней на земле, —
Ответил кот. — Что делать, я не воин.
Возможно, я презрения достоин,
Зато, заметь, всегда живу в тепле!

Пир

Голод зверей косил,
Выбились звери из сил.
Лев об этом узнал,
Соседей на пир созвал.
Все в кладовых его есть —
Ешь, сколько можешь съесть.
Гости ко льву пришли,
Сели гурьбой за столы.

Заяц, барсук и лиса
Где-то бродили в лесах,
Поздно пришли на обед —
Мест за столом уже нет.
Сказала лиса: «Друзья!
Нам уходить нельзя.
Кто ж, подтянув живот,
С пира голодным уйдет?
Гляньте-ка, сколько пищи...
Вон и местечко я вижу!
Ответил ей барс: «Друг мой!
Лучше в сторонке постой
Где-нибудь у окна.
Это же кресло слона!
Скоро сюда он придет,
Хозяин давно его ждет.
Те ж, кому места нет,
Позже получают обед.
Слон средь зверей — Батрадз¹.
В кресле увидит вас,
Сядет — и всех раздавит,
Родною вашу плакать заставит.
И так велика вам честь, —
Могли бы и стоя поесть.
Коль гордость вам не позволит —
Так разве вас кто неволит?
Дом ваш недалеко,
Дорогу найдете легко!»

Сулач

Медведь и серый волк с лисицей вместе
Приволокли с охоты тушу бычьую,
Уселись под скалой в укромном месте
И начали делить добычу.

Друзей надеясь одурачить ловко,
Заговорила рыжая плутовка:
— Послушай, волк! И ты, медведь, послушай!
Я вам скажу, что делать с этой тушей.

¹ Б а т р а д з — богатырь, герой Нартского эпоса.

Пуškai получит всю добычу нашу
Тот, кто из нас троих годами старше.
Коль окажусь я младше — так и быть,
Я хоть сейчас готова уступить!

Но у меня есть небольшой секрет:
Мне скоро стукнет полтора года лет...
Ей волк ответил: — Что ж, охотно верю.
А я рожден еще до новой эры!

Медведь промолвил: — Что мне вам сказать?
Мне от роду годов всего лишь пять.
Пусть ваших лет, приятели, не счесть —
Я голоден. И мне охота есть.

Почувствовав беду, лиса завывала,
Голодный волк взывает к небесам.
— Так знайте: старше тот, в ком больше силы! —
Сказал медведь — и съел всю тушу сам.

Болонка и дворняжка

Не зная ни печали, ни тревоги,
Болонка в теплых комнатах живет,
Ну, а дворняжка, подтянув живот,
От холода трясется у порога.

Домашние болонку кормят с рук,
Из блюда молоко она лакает,
Ее хозяйка холит и ласкает, —
Нет никого счастливее вокруг.

И вот, болонку как-то увидав,
Дворняжка прорычала ей сквозь зубы:
«За что тебя хозяева так любят?
Я удивляюсь этому всегда!

Я день-деньской в заботах. Сбившись с ног,
Не зная благодарности за это,
Не сплю ночей с заката до рассвета, —
Меня же не пускают на порог.

Привыкши с детства жить своим трудом,
Служу я честно, несмотря на голод,
Хозяев охраняю в зной и в холод
И, чтобы воры не забрались в дом,

Я на чужих рычу и лаю звонко.
Где ж справедливость? — Льстивые болонки
Легко и праздно жизнь свою ведут,
А те, кто честен — пусть хоть пропадут!»

Орел и еж

Просил как-то еж орла:
— Мне жизнь на земле не мила.

Без крыльев мне жить невмочь,
Ты должен, орел, мне помочь.

Летать ты меня научи,
Душевную боль излечи!

Я в тучи с тобою нырну,
За дальний хребет загляну,

Среди облаков, на лету,
Я снова покой обрету!

Ответил ежу орел:
— Мой друг, ты с ума сошел!

Я в небе ежей не видал,
Ведь Бог вам крыльев не дал...

Но еж не слушал орла,
Мечта его в небо звала.

Не писан закон дуракам...
Поднялся орел к облакам,

В когтистых лапах держа
Восторженного ежа.

Вздыхнув, сказал: — Ну, лети... —
И, когти разжав, отпустил...

Когда тебе имя еж —
Живи себе, как живешь,

На мир не смотри свысока.
Нет крыльев — не рвись в облака.

Солнце и лягушка

Однажды солнце страдало,
К луне взывая, рыдало:
«Мой сын навеки почил!
Угас мой наследник славный,
Себе не имел он равных,
Да только мало он жил!»

Сказала солнцу лягушка:
«Не стоит плакать, подружка!
Я тоже в горе, мой свет, —
Судьбою злою наказан,
Погиб мой сын пучеглазый,
Скончался во цвете лет.

Не стало со мною рядом
Красавца с лучистым взглядом —
Весь мир любовался им —
Но я взяла себя в руки,
И вот, не издав ни звука,
Справляюсь с горем моим!»

«Ослышалось я, быть может?
Иль были они похожи
Настолько, чтоб их сравнить?
Когда б так было на деле,
О сыне я б не скорбел:
Ему б не стоило жить...»

Вот снова на небе чистом
Сияет солнце лучисто
И льет на землю свой свет.
Не видно лягушки что-то:
Исчезла вместе с болотом...
Была лягушка — и нет.

Осел и лошадь

Когда-то, говорят, один осел
Из-за чего-то с лошадью ругался.
Он, распалясь, в великий раж вошел,
Забыл про стыд, лез в драку и лягался.

Его пытался серый мул унять,
Не в силах оставаться безучастным:
«Из-за тебя льет слезы моя мать,
Из-за тебя, осел, она несчастна.

Тебе бы лучше, право, замолчать:
Из-за тебя и я живу в позоре.
Так перестань браниться и кричать —
И так уж мы с тобой хлебнули горя!»

Что ж было дальше? — Не моя вина,
Что нет конца истории постыдной.
Я басню не закончил: вдруг она
Кому-нибудь покажется обидной...

Осел и ворона

Осел с вороною вдвоем
Пропеть решили песню.
Ворона каркнула: «Поем
С тобой мы, друг, чудесно!

Чего стесняешься, чудака?
Нам вместе петь пристало».
Тут заревел осел, да так,
Что задрожали скалы.

Ворона не смутилась:
«Теперь не получилось,
Но, верь, споемся мы легко, —
Мы просто сели далеко».

Тогда друзья, чтоб лучше спеть,
Бок о бок сели тесно,

Вновь стали каркать и реветь —
Опять не вышла песня!

Их вопли слышал соловей
И, потеряв терпенье,
К ним обратился из ветвей:
«Вы где учились пенью?

Ведь голос, чтобы песни петь,
Получше надо бы иметь,
А вам скажу я честно:
Ужасна ваша песня!»

Мышонок

Однажды мышонок хвалился:
«Я с солнцем бы породнился!»

В дом солнца пришел он свататься:
«Отдайте мне дочь-красавицу!»

Ответило солнце: «Лучше
Сходи-ка, мышонок, к туче.

Я — солнце, хозяин дня,
Да туча сильнее меня.

Она в поднебесье мчит
И гасит мои лучи.

У тучи тоже есть дочь, —
Черны ее очи, как ночь...»

Мышонок не стал больше слушать,
Отправился прямо к туче:

«О туча! Мне дочь твоя нравится,
Отдай за меня красавицу!»

Ответила туча: «Ветер
Сильнее всех туч на свете.

Пусть жертвой его паду я —
Лечу, куда он подует...»

Жених отыскал с трудом
Могучего ветра дом.

«О ветер! Мне дочь твоя нравится,
Отдай за меня красавицу!»

А ветер ему в ответ:
«Я рад бы отдать, мой свет,

Да слава моя прошла —
Ведь я слабее вола.

Я дую — а он ни с места.
Ищи у него невесту...»

Сказал круторогий вол:
«Ты лучше бы к корню пошел.

Сегодня пахал я — и вдруг
На корень наткнулся мой плуг.

Вот это силач, так силач —
Не сдвинуть плуг, хоть плачь!»

Оставив вола с его горем,
Пошел наш мышонок к корню.

«О корень! Мне дочь твоя нравится,
Отдай за меня красавицу!»

А корень ему в ответ:
«Я крепок, тут спору нет,

Да только твоя родня
Гораздо сильнее меня!»

Сказал мышонок: «Бог мой!»
Вернулся к себе домой

И, пораскинув умишком,
Решил жениться на мышке.

Лев

Добычу лев уже не мог ловить,
Состарившись. Пришлось ему поститься.
Тогда решил на хитрость он пуститься
И о болезни тяжкой объявить.

«Я постарел, и мой очаг погас.
Лежу один, снедаемый недугом,
А рядом ни товарища, ни друга...
Друзья мои! Мне тяжело без вас!

Лежу один в горячечном бреду
И умираю. Где же вы, соседи?
Придите все — олени и медведи,
И волки приходите — я вас жду!

Я говорю с трудом. И тяжесть век
Все ощутимей. Приходите, звери.
Теперь для вас мои открыты двери,
Хочу проститься с вами я навек...»

Вот первым волк больного навестил.
Вошел он с мордой постной и смиренной,
Но вдруг его настиг удар мгновенный —
И дух бедняга тут же испустил.

Довольный хищник долго пировал:
Шли чередой обманутые звери
И оставались навсегда в пещере
Добычей льва — он всех их убивал.

И вот однажды рыжая лиса
Пришла ко льву и, севши в отдаленье,
Смотрела на него с большим сомненьем.
Тут начал лев стонать, прикрыв глаза:

«Без сил лежу я здесь, среди камней...
Смотри: я с каждым днем все больше таю...
Давно с тобой проститься я мечтаю...
Я умираю... Подойди ко мне!..»

«Здесь нет следов, идущих от дверей, —
Лиса сказала. — Все теперь мне ясно.
Послушай, царь! Не жди меня напрасно.
Ты, лев, хитер, но я, лиса, хитрей!

Лиса

Поверить в это трудно,
Но говорили встарь:
В селении безлюдном
Лиса — всесильный царь.

Известная плутовка,
В лесу она жила.
Обманывала ловко
И всем подряд лгала.

Темны ее делишки —
И кто в них что поймет?
Прикидывалась нищей,
А ела сладкий мед.

Благодаря обману,
Жила сытнее всех,
И под дерюгой рваной
Скрывала пышный мех.

А уж послушать стоило,
Что о себе врала:
«Как солнце золотое,
Душа моя светла!»

Перед медведем, жалкая,
Ложилась брюхом в грязь.
Кто сильный — тем служанка,
А слабым — злобный князь.

Крала и завиралась,
Но, заметя следы,
Обычно выбиралась
Сухая из воды.

Добро в нору тянула
Под носом у зверей...
Лишь смерть не обманула:
Пришел конец и ей.

* * *

В большом лесу среди зверья
Кричала рыжая кума:
«Видали нашего царя? —
Совсем он выжил из ума!»

А лев и вправду одряхлел.
Лежал он, немощный, без сил,
Едва дышал, не пил, не ел,
Насмешки дерзкие сносил.

В глазах тоскливая слеза,
Уж смерть маячит у дверей.
Умрет — и хитрая лиса
Владыкой станет всех зверей.

Себя ведет она, как лев:
Суровый взгляд, скупая речь,
Надменный вид и царский гнев —
Теперь никто ей не перечь!

Но я пишу о ней теперь —
И пусть узнает всякий зверь:
Свирепый царь, лесов гроза —
Всего лишь навсего... лиса!

Лев и барсук

Однажды собрались в лесу соседи —
Лисицы, волки, барсы и медведи,
Все хищники. Но не было там льва.
Больной лежал он, — так гласит молва.

Среди зверей один барсук крутился,
К собранию он с речью обратился:
«Там старый лев валяется в кустах.
На всю округу наводил он страх, —

Побьем тирана!» — Звери согласились,
Толпой ко льву недужному явились,
Да и намяли царские бока,
Но в свалке придавили барсука.

Свели с царем свирепым звери счеты
И разошлись — кто спать, кто на охоту.
На месте битвы лишь барсук лежал,
Стонал протяжно и едва дышал,

Не в силах двинуться. Тут лев его увидел
И выместил на нем свою обиду:
Когтистой лапой барсука хватил —
И дух бедняга тут же испустил.

Где хищникам пришла охота драться,
Оттуда, друг мой, лучше бы убраться,
Коль не имеешь силы и когтей —
Не то потом не соберешь костей.

* * *

В лесу когда-то лев могучий жил.
Он, как ни странно, с барсуком дружил,
И даже, как рассказывал мне кто-то,
Друзья ходили вместе на охоту

И по горам бродили каждый день.
Ни быстрая косуля, ни олень
Не избежали мощной львиной хватки.
Барсук же скромно доедал остатки.

Но время шло — и обнаглел барсук.
— А ты ведь слишком много ешь, мой друг, —
Он льву однажды заявил ворчливо, —
Добычу делишь ты несправедливо!

Зачем же я таскаюсь по лесам?!
— Ступай, приятель, и охоться сам! —
Лев прорычал. — Что от тебя мне проку?
Не хочешь есть — иди своей дорогой!

С тех пор лев сам охотился за дичью
И не делил ни с кем свою добычу,
А друга своего прогнал взащей —
И тот, голодный, стал ловить мышей.

Пес, петух и лиса

Когда-то селенье вдвоем стерегли
Петух и лохматый пес,
И воры ни ночью, ни днем не могли
В селенье сунуть свой нос.

Но вот усталый петух предложил:
— Условимся, дорогой,
Чтобы полночи один сторожил,
Потом полночи — другой.

На лапы голову пес опустил,
Петух же, взлетев на сук,
Запел — и криком своим разбудил
В дремучей чаще лису.

Лиса тут как тут: — О петух, я хочу
С тобой по соседству жить.
Добром за это тебе отплачу
И буду верно служить.

— Я не могу, — петух говорит, —
Ответить тебе ничего,
Но рядом со мной наш староста спит,
Ты лучше спроси у него.

К нему потихоньку ты подойди —
Под деревом он лежит —
Толкни его лапой и разбуди,
И он твой вопрос решит.

Лиса толкнула спящего в бок.
Вскочил разбуженный пес,
Из лисьей шубы вырвал он клок,
Вцепился зубами в нос.

Впились в лису собачьи клыки,
Уже ей не нужен петух...
А пес все рвал воровку в клочки —
И она испустила дух.

Волк и пастух

Лесной тропой
Пастух однажды шел —
И под кустом
Волчонка он нашел.

Решил пастух
Домой волчонка взять,
Чтоб научить
Скотину воровать.

Вот минул год.
Волчонок волком стал.
Чужих овец
Хозяину таскал.

Но как-то раз —
Он все же волком был —
У пастуха
Полстада истребил.

С тех пор пастух,
Заслышав волчий вой,
О стены бьется
Глупой головой.

Король лягушек Казар

Однажды Казар собрал всех лягушек
Вместе.

— Построим, — сказал, — дворец себе
Честь по чести!

— Согла-а-асны! — лягушки кричали,
Королю своему отвечали.

— Пол во дворце этом новом
Будет из кости слоновой,
Стены из перламутра,
Светлые, словно утро,
А в потолке всегда
Будет гореть звезда!

— Согла-а-асны! — лягушки кричали,
Королю своему отвечали.

Они согласны, еще бы, —
Ведь ты им сулил свободу!..
Вокруг все те же трущобы..
Зачем же ты лгал народу?

Сова и ворона

Как-то в лесу сова
Жаловалась вороне
И говорила смущенно,
Зная, что неправда:

— Не приложу ума,
За что меня так тиранят,
Невинную душу ранят.
Ты посуди сама:

Стоит при свете дня
Где-нибудь мне появиться —
Злобной толпою птицы
Бьют и клюют меня.

— Чья ж тут вина? — в ответ
Ворона сове сказала. —
Ты ведь сама немало
Им причинила бед.

Им ли того не знать,
Кто их птенцов ворует,
Кто по ночам пирует
В чаще лесной, как тать.

Вся твоя жизнь — разбой,
Хоть с виду ты мягче ваты.
Так не ищи виноватых,
Зная грехи за собой!

Лиса, уаиг¹ и охотник

Однажды охотник бродил по лесам,
Добычу на ужин искал.
Его из кустов увидала лиса
И спряталась между скал.

И вот, метнувшись в глубокий овраг,
Лиса без оглядки бежит.
Объял ее ужас — и пусть наш враг
От страха так же дрожит.

Сидел уаиг на ее пути,
На солнышке развальясь.
Подумал: «Куда она так летит,
Какая беда стряслась?»

— Послушай, лиса, что значит твой бег?
Откуда бежишь и куда?
— Идет по пятам за мной человек,
Сейчас он придет сюда!

— Его ты боишься? Вот чудеса!
Ведь я ударом руки
Могу расколоть, — ты знаешь, лиса, —
Гранитный утес на куски!

Не стыдно ль тебе бояться, мой друг?
Да кто он, скажи, таков?
Я что-то не слышу, чтоб скалы вокруг
Тряслись от его шагов!

Тебя я обидеть не дам никому! —
Но тут охотник как раз

¹ У а и г — сказочный великан, циклоп.

Нажал на курок — и вышиб ему
Его единственный глаз.

На силу свою пусть плюнет теперь.
От страха едва дыша,
Бежит уаиг, как раненый зверь,
Вслепую скалы круша.

Навстречу лиса по лесу идет:
— Ну что, я была права?
Кто ищет беды, тот всегда найдет,
Глупая голова!

— Ты правду сказала! Глупец я был,
Не в меру чванлив и смел.
Ведь он бы и вовсе меня убил,
Когда б ударить успел.

Лишь только раз чихнул человек —
И я навсегда ослеп.
Теперь земля для меня навек
Темна, как могильный склеп!

* * *

Если б кто-нибудь смог
Мое горе понять,
Если б смог мою боль
Близко к сердцу принять!

* * *

Спи, мой маленький брат,
Что же ты глаз не смыкаешь?
Спи, пока горя не знаешь,
Спи, пока сну еще рад.

Осетинская молодежь

Совесть их не терзает,
Сиднем всю жизнь просидели.
Наш язык исчезает —
А им до того нет дела.

Слепец

Когда бы что-нибудь я видеть мог —
Своим бы светом наделил и вас.
Но плачу я: меня покинул Бог,
И мир в моих глазах давно погас.

Усталость

Усталый пахарь — так уж повелось —
Закончив труд, хоть день проводит праздно.
А мне среди трудов не удалось
Найти покой ни разу.

Дарьял. Замок Тамары

Время и страсти разрушили старые стены.
Сердце стучит в висок.
Рухнули древние камни в кипящую пену,
Терек от гнева иссох.

Суть человека

Где наша вера —
Тут нам и Бог.
Что мы посеем —
То нам и жать.
Кто нас тиранит —
Тот нам злой рок.
Кто приласкает —
Добрая мать.

Если бы

Если бы осетин
Мог себя осознать,
Если бы мог себя
Сыном отчизны звать!

* * *

Чем же стали осетины?
Часть — татары, часть — грузины,
Этот — русский, тот — черкес...
Что за странная картина!
Может, наш народ исчез?

Смерть

Что толку бояться смерти? —
Всегда она рядом рыщет.
Зачем скрываться? — Поверьте,
Она где угодно сыщет.

* * *

Блажен, кто в детстве был согрет
Любви и ласки светом,
Блажен, кто в юности постиг
Премудрость старых книг,
Кто смог помочь своим друзьям
Участьем и советом,
Чей конь прокладывал пути
Для тех, кто позади.

Наше время

Волк и ягнята,
Орел и цыплята
Нынче друзья.
Овцы с волами,
Кони с ослами
Нынче князья.

Идущий в страну мертвых

Я из нашего мира тайком ухожу
И в подземное царство свой путь я держу.
Может, там отыщу я безгрешную душу,
Может, ей о страданиях земных расскажу...

* * *

Надежды и силы лишившись вновь,
Не смею смотреть вперед,
От горя в жилах застыла кровь,
В груди пустота и лед.

Млет

Когда земля, как варево, кипела,
Она покрылась пузырями гор.
Над нашим миром высятся с тех пор
Заоблачные выси пиков белых.

Проезжая Ларс¹

Терзая обрывки
Туманов летучих,
Неистовый ветер шумит.
С далекого моря
Приносит он тучи,
Гроза над Дарьялом гремит.

У Казбека

Казбекские скалы.
Утесы, провалы
Чернеют во мгле.
Здесь ветер бездомный
Скулит — и по темной
Блуждает земле.

Пьяницы

Я слышал, что есть
У Тузара три сына:
Один — наливает,
Один — раздает,
Один — запекает.
Тузар с ними пьет.
Утративши честь,
Живет, как скотина...
Их люди чураются — им все равно:
Ведь совести нет в них, одно лишь вино.

¹ Л а р с — селение, расположенное у входа в Дарьяльскую теснину.

* * *

В пиру, держа бокал в руке,
Он почести тебе воздаст.
Но рот держи с ним на замке:
Тебя он где-нибудь предаст.

Скупая хозяйка

И как не отсохнет скупая рука?
Ты детям голодным не дашь ни куска.
Ей-ей, на семью твою больно смотреть.
Да лучше самой бы тебе умереть!

Надежда

Кто надежду потерял —
Сам себя похоронил.
Даже в старости храни
Юношеский пыл.

Дорога бедняка

В наземном мире нет пути ему,
А что за гробом ждет — еще неясно.
Ему прикажут — он кивнет согласно,
Но возражать не должен никому.

Злые люди

Несут они людям одно лишь зло,
И нам пора бы понять:
Не надо тратить напрасных слов —
Словами их не унять.

Хозяева жизни

Пусть любят веселье они и пиры,
Пусть тешат заплывшие жиром тела,

Пусть хлещут в подвалах вино до поры,
Как свиньи, погрязшие в грязных делах.

Поэт

Душа твоя тоньше волоса,
Цена тебе — медный грош,
Если с чужого голоса
Песни свои ты поешь.

Мужество

Когда с тобой беда случится —
Стой крепко, как стена.
Ведь ты, приятель, не девица,
Не слабая жена.

Свобода

Поверь, мой друг, тот служит злу,
Кто выбрал в жизни роль слуги.
Я лучше буду есть золу,
Чем чистить чьи-то сапоги.

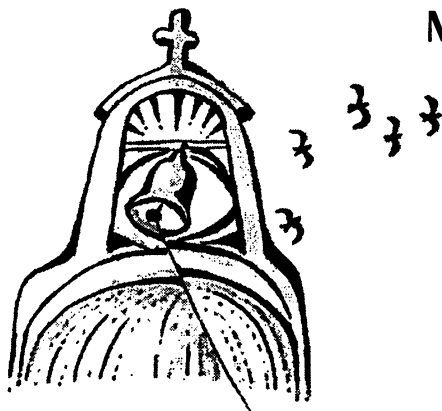
Бездельники

Трудятся мало, поздно встают,
Кровь чужую по капле пьют...

Пока я живой

Зачем за чертою подземного мира
Мне траурный гул поминального пира,
Почет, славословье и плакальщиц вой? —
Воздай мне, что должно, пока я живой!

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

* * *

Делая доброе дело, подумай сначала, для кого ты его делаешь — тогда твой труд не будет напрасным.

* * *

Избавься от одного порока — еще десять исчезнут сами собой.

* * *

Каждый день будь готов творить добро.

* * *

Если можешь научить человека хорошему, но не учишь — ты губишь своего брата. Если же он не хочет слушать тебя, а ты все же учишь его — ты губишь свое время.

* * *

Умный человек бережет своих братьев; он также бережет свои слова.

* * *

Тот, кто не делается лучше — со временем становится все хуже.

* * *

Легче валить лес с хорошим человеком, чем пировать с плохим.

* * *

Как вода не держится на возвышенности, так и разум не держится в гордецах — и та, и другой ищут глубоких мест.

* * *

Умный человек сам не хвалится и другим не дает себя хвалить.

* * *

Похвальба неуместна даже среди глухого леса.

* * *

От клеветы страдают три человека: тот, кто оклеветан, тот, кто слушал клевету и тот, кто клеветал.

* * *

Когда двое ссорятся, неправы оба.

* * *

Мудреца спросили: «В чем высшая мудрость?» Он ответил: «В познании людей». Тогда его спросили: «А в чем высшая добродетель?» — «В любви к людям!» — ответил мудрец.

* * *

Если не хочешь иметь врагов — будь беспощаден к себе и снисходителен к людям.

* * *

Не держи в сердце зла — и будешь счастлив.

* * *

Сильная воля — пастух удачи.

* * *

Не родился еще человек, никому ничем не обязанный.

* * *

Каждый может уплатить свои долги, если стремится к этому.

* * *

Время от времени природа создает людей, способных указать народу путь. Завидую им: они в силах уплатить свой долг.

* * *

«Разве можно устать от жизни? — удивляется тот, кто не знает, что жизнь — это битва.

* * *

Бесчестный человек загубит любое хорошее дело.

* * *

Сам раньше выполняй то, чего требуешь от других.

* * *

Остерегайтесь лжепророков — это волки в овечьей шкуре.

* * *

Счастье человека — в нем самом. Ни сыновья, ни богатство не сделают его счастливым.

* * *

Сильнее всех тот, кто сумел победить себя.

* * *

Мясо можно уберечь от порчи, засыпав его солью, но чем засыпать соль, если начнет портиться она?

* * *

Кто хочет меду, не должен бояться пчел.

* * *

Поколения приходят и уходят, а земля вертится все так же.

* * *

Владеешь ли вселенной, бедняк ли — в любом случае ты всего лишь человек.

* * *

Если судьба из нищего сделала тебя властелином — не забывай, что ты человек.

* * *

Я видел много удивительного в жизни, но нет ничего удивительней человеческой гордыни.

* * *

И в старые времена, и теперь осетинский народ — острый серп на чужом поле.

* * *

Рана от выстрела заживает быстро, рана от слова — долго.

* * *

Богач находит веселье в слезах бедняков.

* * *

Тот, кто чернит меня за глаза — боится меня. Тот, кто хвалит меня в лицо — не любит меня.

* * *

Люди все лето готовятся к зиме: пашут, жнут, косят — делают все, чтобы холода не застали их врасплох. Но никому не приходит в голову готовиться к смерти.

* * *

Что имею — мне не нужно. Что мне нужно — не имею.

* * *

Истина заключается в добрых делах и любви, мы же приносим богам жертвы, пытаясь ублажить их аракой и мясом.

Содержание

СЛОВО О СЕКА ГАДИЕВЕ	5
РАССКАЗЫ	
Мать и сын	21
Азау	28
Вдова	41
Садулла и Манидза	51
Залда	62
Айсса	70
Дыса	75
Сафиат	80
Сестра и брат	84
Цыппу из Куда	90
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ	
Краденые куры	102
Тотырбек и его жена	107
Знахарка Госама	109
МАЛЕНЬКИЕ НОВЕЛЛЫ	
Ласточка	114
Человек или зверь?	116
Сон	117
СКАЗКИ И ПРИТЧИ	
Куртатинский хитрец	120
Искатель справедливости	124
Лиса-Хаджи	126
Чертова уздечка	128
Афсати	130
Три брата и Уастырджи	131
Куртатинские пастухи	136
Глупец не любит мудрецов	137
Овечий начальник	—
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Кудское ущелье	138
Сон Хазби	139
Ответ	141
Письмо в газету	—
СТИХОТВОРЕНИЯ	
Родина	143
Скорбящие горы	—
Печальные думы	144

«Весь бескрайний мир нам дорог...»	145
О, если бы!	146
Ганис	—
Дарьял	149
Плуг	—
Мое дерево	150
Призывающий к битве	—
Март	151
Весенняя песня	152
Вечный младший	153
Сирота	—
Одинокый	154
Любимая	160
Лентяй	161
Арака	162
Плохой сын	—
Поминки	—
Богач	163
Ахбол и Мила	165
Жизнь	166
Саниба	167
Угощение	—
Мое сердце	168
Дума	—
Прощай	169
Птица плачет по птенцу	170
Осетия	—
Певец	172
Ненастье	—
Чермен	174
К Казбеку	175
Тревога	—
СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ	
Свобода	178
Поздняя осень в Осетии	179
Зима в Осетии	—
Весна в Осетии	—
Лето в Осетии	180
БАСНИ	
Молот и наковальня	181
Жалоба деревьев	182
Мор зверей	—
Ворона и птичка	184
Барс и кот	185
Пир	—
Силач	186
Болонка и дворняжка	187
Орел и еж	188

Солнце и лягушка	189
Осел и лошадь	190
Осел и ворона	—
Мышонок	191
Лев	193
Лиса	194
«В большом лесу среди зверья...»	195
Лев и барсук	—
«В лесу когда-то лев могучий жил...»	196
Пес, петух и лиса	197
Волк и пастух	198
Король лягушек Казар	—
Сова и ворона	199
Лиса, уаиг и охотник	200
МИНИАТЮРЫ	
Если б кто-нибудь смог	202
«Спи, мой маленький брат...»	—
Осетинская молодежь	—
Слепец	—
Усталость	203
Дарьял. Замок Тамары	—
Суть человека	—
Если бы	—
«Чем же стали осетины?...»	—
Смерть	204
«Блажен, кто в детстве был согрет...»	—
Наше время	—
Идущий в страну мертвых	—
«Надежды и силы лишившись вновь...»	—
Млет	205
Проезжая Ларс	—
У Казбека	—
Пьяницы	—
«В пиру, держа бокал в руке...»	206
Скупая хозяйка	—
Надежда	—
Дорога бедняка	—
Злые люди	—
Хозяева жизни	—
Поэт	207
Мужество	—
Свобода	—
Бездельники	—
Пока я живой	—
МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ	208

Литературно-художественное издание

ГАДИЕВ СЕКА КУЦУРИЕВИЧ

Произведения

Редактор *Д.Т. Калоева*

Художник *Б.Г. Дзюв*

Художественный редактор *Г.З. Чеджемы*

Технический редактор *А.В. Ядыкина*

Корректор *Г.Б. Карданова*

Компьютерная верстка *З.С. Мисиковой*

Сдано в набор 21.04.08. Подписано к печати 08.07.08. Формат бумаги 60х84^{1/16}. Бум. офс. №1. Гарн. шрифта «Times». Печать офсетная. Усл.-п. л. 12,55. Учетно-изд. л. 11,25. Тираж 1000 экз. Заказ № 1160. С. 35.

Комитет Республики Северная Осетия—Алания по печати и делам издательств, ГУП РСО—Алания «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25. Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.

